

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Сборник материалов
межрегиональной научно-практической конференции

Курганский
государственный
университет

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
43-38-36

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Курганский государственный университет**

**Лингвистика и
межкультурная коммуникация**

**Сборник материалов
межрегиональной научно-практической конференции**

Курган 2010

УДК 81 (082)
ББК Зауралье Ш
Л 59

Лингвистика и межкультурная коммуникация: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 218 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

В сборник включены материалы научно-практической конференции по современным проблемам структурно-функционального и лингво-культурологического описания языковых единиц, лингвистики текста.

Сборник предназначен для филологов и лингвистов, а также для более широкой аудитории – специалистов в области культурологии и международных отношений, студентов и аспирантов.

Редакционная коллегия:
Г.П. Левченко, С.В. Омельченко.

ISBN 978-5-4217-0020-3

© Курганский государственный
университет, 2010
© Авторы, 2010

Структурно-функциональное и лингво-культурологическое описание языковых единиц

Ф.М. Белозёрова

Характеристика тематической группы фразеологически активной лексики (на материале английского и русского языков)

Во фразеологии английского и русского языков широко представлены номинации лица по социально-профессиональному признаку (НЛСПП) (В.И. Даль, А.В. Кунин). Для выявления лингвистических факторов, способствующих фразеологизации НЛСПП в английском и русском языках, следует рассмотреть их этимологическую характеристику, стилистические особенности, грамматические свойства. НЛСПП рассматривались как самостоятельные единицы вне фразеологии в составе лексической системы в английском и русском языках (З. Моновитова, А.И. Моисеев, М. Халилова).

Исследование английских НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность, показывает, что с точки зрения этимологии они представляют собой довольно однородную группу. Подавляющее большинство исследуемых НЛСПП, проявляющих активность на фразеологическом уровне, представлено лексическими единицами исконного происхождения, восходящими к общему индоевропейскому источнику или к собственно романской группе, например: *alderman, baker, beggar, builder, cowboy, driver, fiddler, fisher, hatter, healer, glazier, king, lady*. НЛСПП относятся к древнейшему классу лексики, сохранившейся и являющейся устойчивым слоем. Следующая группа НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность, относится к заимствованиям из французского языка, из которого, как известно, пришли в английский язык понятия феодальной иерархии и государственного управления, юстиции и судопроизводства, военного дела, названия разных ремёсел, в основном, городских, например: *advocate, apprentice, artist, duke, emperor, labourer, soldier*. Среди английских НЛСПП выявлены и латинские заимствования, например: *curate, doctor, navy, pastor, physician, bishop*. Французские и латинские заимствования имеют длительную историю существования в английском языке. Они

максимально ассимилированы и являются неотъемлемой частью словарного состава.

В русском языке НЛСПП, проявляющие фразеологическую активность, представлены несколькими группами, среди которых исконные (общеславянские, древнерусские, церковно-славянские), например: атаман, богатый, воин, врач, властелин, господин, жнец, извозчик, княгиня; латинские заимствования: доктор, интеллигент, губернатор, физик, царь, царица, профессор; французские заимствования: дама, жандарм, командир, курьер; немецкие заимствования: артист, барон, король, маршал; итальянские заимствования: полишинель; греческие заимствования: акробат, фараон, философ; арабские заимствования: адмирал; тюркские заимствования: хозяин, паша. Этимологический состав русских номинаций лица по социально-профессиональному признаку, проявляющих активность на фразеологическом уровне, более разнороден по сравнению с английскими НЛСПП. Общим для сопоставляемых языков фактом является то, что большая часть НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность, принадлежит к исконному слою лексики, а заимствованные НЛСПП как в английском, так и в русском языке имеют характер исконнообразных в результате длительного существования в языке.

Анализ степени фразеологической активности НЛСПП от их происхождения свидетельствует о том, что наибольшую активность на фразеологическом уровне проявляют НЛСПП исконного происхождения в английском и русском языках. Примерами являются НЛСПП различных тематических групп - номинации лица по профессии в сфере физического труда: англ. hunter - 9 фразеологических единиц (ФЕ), русск. «сапожник» - 6 ФЕ; номинации лица по профессии в сфере умственного труда: англ. fiddler - 6 ФЕ, русск. «судья» - 5 ФЕ; номинации лица по отношению к военной службе: англ. sailor - 8 ФЕ, русск. «воин» - 3 ФЕ; номинации лица по социальному статусу: англ. lord - 28 ФЕ, русск. «богатый» - 7 ФЕ; номинации лица по титулу: англ. king - 83 ФЕ, русск. «царь» - 23 ФЕ.

Всестороннее исследование роли лингвистических факторов, способствующих фразеологизации лексики, предполагает и обращение к их стилистическим особенностям.

Как свидетельствует конкретное рассмотрение изучаемых НЛСПП в сопоставляемых языках, у подавляющего большинства нет специальных стилистических помет, что демонстрирует их стилистическую нейтральность, от-

сутствие экспрессивности, эмоциональности, например: англ. *duke*, *busman*, русск. «кузнец», «монах». Многие исследуемые НЛСПП в английском и русском языках не имеют синонимов, что подтверждает их терминологическую природу, например: англ. *bishop*, *bottlewasher*, русск. «казак», «помещик». Дополнительным подтверждением стилистической нейтральности НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность, служит и тот факт, что если они входят в синонимический ряд, то, как правило, в качестве наиболее нейтральной, лишенной оценочных значений синонимической доминанты, например: англ. *monarch*, *doctor*, русск. «солдат», «помещик».

Сопоставительное исследование показывает, что английские НЛСПП, проявляющие фразеологическую активность, характеризуются стилистическим единообразием по сравнению с русскими НЛСПП. Как правило, для них свойственно соответствие нейтральной литературной норме, отсутствие архаизмов, стилистически сниженной лексики. На фоне стилистического единообразия английских фразеологических активных НЛСПП состав русских НЛСПП чрезвычайно разнообразен в стилистических свойствах. В составе исследуемых ФЕ русского языка сохранилась архаичная лексика, например: «швец» в ФЕ «и швец, и жнец, и в дуду игрец». Наблюдается стилистически маркированная лексика. Например, торжественная окраска характерна для следующих номинаций лица по социальному признаку: «властелин», «владыка», стилистически сниженная окраска присутствует в некоторых номинациях лица по социальному признаку, например: «мужик», «баба», «лекарь».

В английском языке в составе исследуемых НЛСПП отмечаются единичные историзмы, например: *squire*, *yeoman*. Иная картина наблюдается в русском языке. Значительная группа НЛСПП–историзмов в составе исследуемых ФЕ русского языка обозначает исчезнувшие общественные институты. Сюда относятся номинации социальных статусов, представляющих типичную общественную иерархию России до начала XX века, например: «барыня», «господа», «дворянин», «купец», «холоп»; номинации потерявших актуальность профессиональных занятий: «извозчик», «слуга»; номинации устаревших военных званий, родов войск: «гусар», «унтер-офицер»; номинации исчезнувших титулов: «князь», «царица». Сопоставительный анализ показывает на фоне русского языка отсутствие историзмов в коррелятивных тематических группах рассматриваемых компонентов ФЕ в английском языке, в котором,

например, номинации лица по титулу prince, king, queen являются актуальной лексикой.

Грамматическая характеристика НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность в английском и русском языках, показывает отсутствие родовых дублёров. Мужской род является доминирующим среди номинаций лица по должности, званию, рангу. Немногочисленные родовые *дублеты* в английском и русском языках обнаружены а) в группе номинаций лица по титулу: англ. duke-duchess, king-queen, lord-lady; русск. царь-царица, князь-княгиня, принц-принцесса; б) в группе номинаций лица по деятельности в области искусства: англ. actor-actress; русск. артист-артистка. В русском языке отмечаются родовые дублеты среди номинации лица по социальному статусу, проявляющих фразеологическую активность: «барин»-«барыня»-«госпожа», «мужик»-«баба»; в группе номинаций лица по деятельности в религиозной сфере: «игумен»-«игуменья», «поп»-«попадья». Различный строй языков, национальная специфика фразеологии отражается в том, что в русском языке выявлено больше родовых дуплетов среди НЛСПП-фразеологических компонентов, чем среди их английских коррелятов. Анализ выявил единичные НЛСПП женского рода в сопоставляемых языках в одной и той же тематической группе - в группе номинаций лица по деятельности в сфере физического труда: англ. housemaid, fishwife, nurse; русск. «кухарка», «нянька». В составе исследуемых НЛСПП отмечаются корреляты: nurse-«нянька». Существительные собирательного значения являются компонентами ФЕ как в английском, так и в русском языках, например: англ. gentry, русск. «дворянство». Единичные исследуемые НЛСПП употребляются в составе ФЕ во множественном числе: англ. noblemen, русск. «господа». При сопоставлении грамматических свойств НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность, в неродственных языках следует учитывать элементы межъязыкового варьирования. В связи с этим в экспериментальную базу исследования включены английские словосочетания a poor man, a rich man, коррелирующие с русскими субстантивированными прилагательными «бедный», «богатый». В материал исследования вышли и ФЕ русского языка, имеющие в качестве структурных компонентов относительные прилагательные, соответствующие английским фразеологическим компонентам в форме притяжательного падежа, например: русск. «адмиральский» в ФЕ «адмиральский час», «губернаторский» в ФЕ «положение хуже губернаторского», англ. philosopher's в ФЕ philosopher's stone.

Рассмотрение материала с точки зрения обнаружения лингвистических факторов, способствующих фразеологизации наименований лица по социально-профессиональному признаку в английском и русском языках, позволяет заключить следующее:

- 1) рассмотрение этимологии НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность, показало, что НЛСПП исконного происхождения составляют самую продуктивную группу в сопоставляемых языках;
- 2) анализ стилистических особенностей показывает, что НЛСПП в английском и русском языках характеризуются стилистической нейтральностью, полным соответствием литературной норме, отсутствием эмоциональной окрашенности. Сопоставление выявило большее стилистическое единообразие английских НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность, по сравнению с русскими коррелятами. Среди НЛСПП, входящих в состав ФЕ в русском языке, обнаружена стилистически отмеченная лексика - архаизмы, историзмы, просторечные слова;
- 3) грамматической особенностью НЛСПП, проявляющих фразеологическую активность, является их принадлежность, в основном, к лексике мужского рода.

Список литературы

Моисеев, А.И. Наименования лиц по профессии в современном русском языке (структурно-семантическая характеристика) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.И.Моисеев. – СПб., 1968. – 27 с.

Моисеев, А.И. Наименования лиц по профессии и толковые словари современного русского литературного языка [Текст] / А.И.Моисеев // Современность и словари. – СПб., 1978. – С. 149-158.

Моновитова, З. Наименования лица по социально-профессиональному признаку как проблема перевода (на материале трилогии А.М.Горького) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. Моновитова. - СПб., 1977. – 16 с.

Халилова, М. Структурная характеристика наименований лиц по профессии в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Халилова. - М., 1975. – 35с.

Словари

Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст]: в 2 т. / В.И.Даль. – М.: Художественная литература, 1984.

Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А.В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. - 944 с.

Н.Н. Бочегова

Гастрономический код как средство объективизации этнокультурной специфики

Современная культура характеризуется парадоксальным сочетанием тенденции к глобализации, с одной стороны, и осознанием факта множественности культур и субкультур, существующих в мире в настоящее время, с другой стороны.

В этих условиях всё большее влияние уделяется исследованию этнических, культурных и языковых особенностей различных этносов как средству самоидентификации, выживания и сохранения данных этносов.

Понятие кода культуры, используемое в данной работе, было введено в лингвистический дискурс В.В. Красных и понимается ею как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир; членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [Красных]. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Они же эти представления и «кодируют».

В.В. Красных выделяет следующие коды культуры:

1. Соматический (телесный);
2. Пространственный;
3. Временной;
4. Предметный;
5. Биоморфный;
6. Духовный.

Помимо вышперечисленных, исследователи выделяют и другие коды культуры, среди которых гастрономический (или алиментарный < лат. *alere* «питать») занимает одно из важных мест и является мощным средством культурной идентификации. Согласно исследованию Л.Ю. Резниченко, ког-

нитивным субстратом гастрономического кода выступает предметная область «продукты питания» [Резниченко].

В лексической системе каждого языка названия видов пищи образуют сферу максимальной концентрации национально-маркированных элементов. Это неудивительно, поскольку пища изначально представляет собой часть природы, среды обитания этноса и является, в историческом плане, настолько же уникальной, насколько и природно-географические условия той или иной части мира. В процессе развития цивилизации пища символизируется, становится частью культуры, что и находит отражение в языковом сознании социума.

Концепт «пища» — многослойный концепт; он включает в себя как конкретные названия отдельных блюд и продуктов, так и высокосимволические архетипические образы с сакральным смыслом божественного дара: «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Обращение к тексту Книги Бытия Ветхого Завета показывает наличие концепта пищи, выраженного через обобщающую лексику «meat» уже в первой её части, повествующей о шести днях сотворения мира:

And God said, Behold, I have given you every herb bearing seed, which is upon the face of all the earth, and every tree, in which is the fruit of a tree yielding seed; to you it shall be for **meat**. (Genesis 1; 29)

Концепты семантического поля «пища» привлекают к себе внимание высокой частотностью употребления выражающей его лексики и многочисленными описаниями культурных сценариев, связанных с приготовлением и употреблением пищи в различных типах текстов.

Концепт «пища» имеет глубокие культурные корни и изучался культурологами, антропологами и этнолингвистами. Исследователи этого явления отмечают, что объём понятия «пища» в мифологии определяется её местом в противопоставлении «природа – культура». Принадлежащая первоначально природе пища используется в социуме уже как продукт культуры, как результат перехода от природы к культуре пищи. В этом смысле пища нейтрализует противопоставление природы и культуры и является медиатором. По К. Леви-Строссу, структура кулинарно-пищевых режимов, характер и степень их вовлечённости в сферу культуры могут быть выражены различными противопоставлениями [Леви-Стросс].

Противопоставление «своих» и «чужих» также выражается через раз-

личие в употребляемой пище. Так, различным культурам соответствуют разные кулинарно-пищевые режимы: вегетарианские и мясные, микофильские и микофобские (в зависимости от отношения к грибам) и др. Пища также противопоставляется по признакам: «мужская» — «женская», религиозно отмеченная и «бытовая», «божественная» и «дьявольская». «Своя» пища считается естественной и даже истинной, а «чужая» — «антипищей». Этот взгляд нашёл отражение в мифах и преданиях, относящихся к периоду до начала «культуры». Все эти противопоставления определяют смысл целой серии мифов о происхождении «кухни» (огня и варёной пищи) и регулируют систему пищевых запретов, а отчасти и рекомендаций.

Пища в мифах связана со всеми тремя элементами комплекса «смерть – плодородие – жизнь» и жертвоприношением, в котором мистерия смерти, гибели путём расчленения, разъятия частей, размельчения должна вызвать состояние плодоносящего изобилия и жизненного цветения (ср. балладу Р. Бёрнса «Джон – Ячменное Зерно», основанную на фольклорных мотивах). Не случайно пища выступает как отмеченная, маркирующая на рубеже любых двух временных циклов, т.е. на пороге нового неизведанного состояния (вечерняя трапеза типа агапэ (вечерней любви) у ранних христиан или субботнее преломление хлеба у евреев, или годовое празднество на стыке старого и нового года, или рождественские или пасхальные изделия из теста и ритуальные блюда из мяса и птицы как пережиток) [Фрейденберг].

Разделение культуры на «высокую» и «низкую», духовную и материальную весьма условно. Материальное часто идеализируется, а идеальное находит выражение в материальном. То же самое происходит и с объектами пищи в разных культурах, которые помимо своих физических свойств несут огромный духовный потенциал, отражающий один из важных аспектов концептосферы того или иного языка.

Так, например, в системе координат русских национально специфических концептов «хлеб» занимает одно из важнейших мест (ср. библейское «хлеб наш насущный», поговорку «хлеб всему голова»). Ю.С. Степанов совершенно справедливо относит концепт «хлеб» к константам русской культуры, получившим широкое отражение в древних ритуалах и культурных табу (выбрасывать несъеденный хлеб считается грехом), паремиологии, фольклоре, литературе и живописи. «Хлеб у русских – больше, чем пропитание, он – символ пропитания. Вот и сейчас часто говорят, например, картошка – наш

второй хлеб. Во Франции, в Испании нищие просят на "на чашечку кофе", у нас – "на кусок хлеба"» [Степанов].

О важности терминов пищи для концептосферы современного английского языка США свидетельствует ряд устойчивых выражений и символов, имеющих высокую частотность употребления и отражающих ту или иную сторону национального своеобразия, как, например, выражение «as American as an apple-pie». Смысл этого выражения заключается в том, чтобы обозначить что-либо типично американское, но такова уж специфика этого мегаэтнуса, что даже яблочный пирог был завезён в Америку из другой страны, а именно из Англии. Типично американской может считаться та пища, которую первым переселенцам предложили индейцы, а именно: кукуруза, кабачок, тыква, индейка и мясо бизона.

Метафоры, построенные на употреблении концептов пищи, ярки, понятны всем из-за универсальности самого концепта и выразительны (сравним, например, хорошо всем известные символы «salad bowl» и «pizza», пришедшие на смену символу «melting pot» для обозначения пёстрого мультнационального состава американского общества, объединённого в суперэтнос общностью территории, английского языка и идеологических установок).

Особый интерес представляет функционирование концептов пищи в качестве образов художественного текста. Наблюдения за этим явлением позволили нам выделить несколько функций, выполняемых лексикой, представляющей концептосферу «пища» в художественном тексте: создание местного колорита и описание обычаев изображаемого этноса; передача эмоций и черт характера изображаемого персонажа по принципу антропоморфизма; передача некоторых аспектов общего состояния социума, так называемого «вкуса эпохи» и национальной ментальности.

Рассмотрим подробнее каждую из перечисленных функций. Некоторые концепты пищи имеют достаточно яркую национальную специфику и включают в себя информацию о регионе, для которого характерен данный вид пищи, о роде занятий жителей этого региона и, в силу этого, об их гастрономических предпочтениях. Так, на американском Среднем Западе в фермерской среде, где люди заняты в основном животноводством, блюда из говядины и свинины – это самая традиционная и предпочитаемая пища. Человек, избегающий этой пищи, не воспринимается как «свой», что видно из диалога

главных героев романа «Мосты округа Мэдисон»:

«You like pork chops? I could fix that with some vegetables from the garden».

«Just the vegetables would be fine for me. **I don't eat meat.** Haven't for years. No big deal, I just feel better that way».

Francesca smiled again. «Around here that point of view would not be popular. Richard and his friends would say you're trying to destroy their livelihood...[Waller]

Оппозиция «свой» — «чужой», в частности, «англичанин» — «американец» подчёркивается через использование концептов пищи, соответствующих фразеологических выражений и различных реалий быта в известной песне Стинга «An Englishman in New York»:

I don't **drink coffee** I **take tea** my dear
I like **my toast done on the side**
And you can hear it in my accent when I talk
I'm an Englishman in New York.

Столкновение культур, разница менталитетов, составляющие концепт песни, прежде всего, задаются на уровне бытовых концептов, в частности, концептов пищи, а затем переходят на духовный уровень.

Категория национально-культурного своеобразия художественного текста сближается с категорией информативности при описании местной пищи, которая, в свою очередь, обусловлена особенностями местного ландшафта, той природной среды, к которой человек вынужден приспособиться, чтобы выжить:

«Let's go have supper», muttered Quoye. «I can't handle this right now»... «I want meat», said Bunny. «I want meat chowder».

«Too bad», said the aunt rather savagely, «it's not on the menu». To herself she added, **eat fish or die** [Proulx].

Помимо чисто «гастрономических» сведений, информирующих читателя о том, что на Ньюфаундленде самый распространённый продукт — это рыба, приведённый пример передаёт и особенности ментальности и национального характера народа Ньюфаундленда — силу духа и стоицизм — в эпиграмматическом «eat fish or die». Девиз «do something or die» стал частью общеамериканского кода поведения и закрепился в ряде устойчивых выражений, таких, как «publish or perish». Образы национальной пищи появляются в описаниях праздников, встреч и просто как часть рутинной жизни персона-

жей, актуализируя национально-культурную информацию, заложенную в тексте.

Вторая группа примеров иллюстрирует использование концептов пищи в антропоморфной функции. Пища служит своеобразным медиумом, каналом передачи и обмена эмоционально-чувственной информацией между героями произведения. В романе Р.Д. Уоллера «Мосты округа Мэдисон» процесс приготовления пищи отражает настроение человека, его душевное и физическое состояние:

«He stood two feet from her, looking down, cutting and chopping the carrots and turnips, parsnips and onions. Francesca peeled potatoes into the sink, aware of being so close to a strange man. **She had never thought of peeling potatoes as having little slanting feelings connected with it**» [Waller].

Известная поговорка «человек есть то, что он ест» (you are what you eat) нашла своё отражение в романе «Мосты округа Мэдисон» в изображении взаимосвязи пищи и чувства в следующем описании:

«It already smells good», he said, pointing toward the stove. «It smells quiet». He looked at her.

«Quiet? Could something smell quiet? » She was thinking about the phrase, asking herself. He was right. **After the pork chops and steaks and roasts she cooked for the family, this was quiet cooking...** The stew cooked quietly and smelled quiet. It was quiet here in the kitchen ...[Waller].

Синестезия «smells quiet» и повтор эпитета «quiet» передаёт изменение привычного уклада жизни Франчески Джонсон, жены фермера из Айовы, которая до встречи с Робертом Кинкейдом обычно готовила «свинные котлеты, бифштексы и жаркое», что отвечало гастрономическим требованиям её семейства. Смена пищевого кода на вегетарианский сигнализирует и о поворотном моменте в судьбе героини.

Следует отметить, что в то время, как гастрономическая лексика передаёт определённый национальный колорит, воссоздавая атмосферу описываемой местности, концепты пищи передают особенности менталитета, а также систему пищевых запретов и режимов, принятых в той или иной культуре. По замечанию Ю.С. Степанова, «способ приготовления чего бы то ни было вообще в культурном отношении очень важен. Часто различия в способах обработки даже одного и того же вещества определяет различия культур или, по крайней мере, различие двух «парадигм», двух «стилей» в одной

культуре» [Степанов].

Примером тому может служить роман современной мексиканской писательницы Лауры Эсквивель «Шоколад на крутом кипятке» («Like water for chocolate»). Роман, написанный на испанском языке, был переведён на английский, экранизирован, получил престижную премию американской книготорговой ассоциации и стал, по выражению критиков, неотъемлемой частью американской культурной памяти.

Вся композиция романа построена на кулинарной символике. У романа есть подзаголовок: «A Novel in Monthly Installments, with Recipes, Romances and Home Remedies» который, благодаря наличию в нём слов «recipes» и «remedies», переводимых на русский язык одним словом «рецепты» (в первом случае – кулинарные, во втором - медицинские), активизирует у читателя культурную пресуппозицию домашнего быта. Смысл эпиграфа «to the table or to bed you must come when you are bid» раскрывается полностью только по прочтении всего произведения – он отражает жёсткость и неукоснительность предписаний, которыми регулировалась жизнь семьи мексиканского этноса на протяжении столетий. Композиция романа полифонична: он строится как диалог «параллельных» текстов – основного повествования и кулинарных рецептов, с которых начинается каждая глава. Роман состоит из 12 глав, соответственно количеству месяцев в году. Каждому месяцу соответствует определённое блюдо, приготовление которого диктовалось сезонными либо ритуальными факторами. Далее следуют указания по приготовлению блюда, изложенные в соответствии с инструктивным стилем, в повелительном наклонении. Инструктивный стиль, использованный в начале каждой главы, подчёркивает главные темы романа – жёсткие рамки патриархального уклада жизни и его влияние на свободу личности, чёткая регламентация ролей в семье, возглавляемой сильной и властной женщиной; образ жизни, при котором традиции превращаются в оковы.

В романе силён гендерный аспект: повествование ведётся от лица женщины, которая видит мир «через кухню», поэтому вся образность пронизана кулинарными терминами. При описании процесса приготовления такого блюда, как «куропатка в соусе из розовых лепестков», через использование аналогии и сравнения показана искалеченная судьба главной героини романа Титы, которая, будучи младшим ребёнком в семье, по традиции не имела права выходить замуж. В приведённой ниже метафоре судьба главной героини

ни сравнивается с судьбой недобитой куропатки:

With a deep breath, she took hold of the first one and twisted its neck, as she had seen Nacha do so often, but she used too little force to kill the poor quail, which went running pitifully around the kitchen, its head hanging to one side. ... Mama Elena was merciless, killing with a single blow. But then again not always. For Tita she has made an exception, she had been killing her a little at a time since she was a child, and she still hadn't quite finished her off. Pedro and Rosaura's marriage had left Tita broken in both heart and mind, like the quail [Esquivel].

Ёмкость и культурная значимость концептов пищи проявляется и в сюжетной метафоре, основанной на образе шоколада. Сильная позиция – заголовков романа – представляет собой неполное сравнение – «like water for chocolate». Первую часть сравнения читатель реконструирует по мере прочтения романа. Становится ясно, что «like water for chocolate» – это условия, при которых формируется настоящее чувство.

Термины пищи в художественном тексте часто символизируются, передавая «вкус эпохи» (позволим себе употребить еще одну гастрономическую метафору). Следующая группа примеров иллюстрирует употребление концептов пищи в качестве символов либо богатства, изобилия, плодородия, либо скудности существования. В публицистическом произведении О. Леопольда «Альманах песчаного графства», написанном с точки зрения эколога и природоохранителя, содержится описание блюда, приготовленного из оленины, символизирующего изобильную природу Среднего Запада США и даже его преобладающий гористый ландшафт:

«Every region has **a human food symbolic of its fatness**. The hills of the Gavilan find their gastronomic epitome in this wise: Kill a mast-fed buck, not earlier than November, not later than January. Hang him in a live-oak tree for seven frosts and seven suns. Then cut out the half-frozen «straps» from their bed of tallow under the saddle, and slice them transversely into steaks. Rub each steak with salt, pepper and flour... Lay a steak on the summit of a steaming sour-dough biscuit and drown both in gravy. **This structure is symbolic. The buck lies on his mountain, and the golden gravy is the sunshine that floods his days, even unto the end** [Leopold].

В произведении В. Пелевина «Омон Ра» стандартный набор продуктов становится символом советской эпохи дефицита и передаёт скудость идеалов и убеждений. Здесь трижды повторяется один и тот же «гастрономический

образ»: суп с макаронными звёздочками, курица с рисом и компот. Описание стандартного обеда сопутствует переломным моментам в жизни героя: детство – пионерлагерь; юность – учёба в училище и побег из «лжекосмоса» — метро. Описание обеда даётся в эмоционально-сниженном ключе:

(1) Это была столовая, где нас ждал холодный обед, хотя пора было ужинать, — мы приехали на несколько часов позже, чем ожидалось. Обед был довольно невкусный – суп с макаронными звёздочками, курица с рисом и компот [Пелевин].

(2) Потом нам показали наши места в казарме первого курса, куда нас перемещали из палаток, и повели в столовую. С её потолка свисали на нитях пыльные МиГи и Илы, казавшиеся громадными воздушными островами рядом с Эскадрильями быстрых чёрных мух. Обед был довольно невкусный: суп с макаронными звёздочками, курица с рисом и компот. После еды очень захотелось спать; мы с Митьком еле добрались до коек, и я сразу уснул [Пелевин].

(3),, я без особых колебаний шагнул в раскрывшуюся дверь. Она закрылась и поезд повёз меня в новую жизнь. «Полёт продолжается», — подумал я. Половина лампочек в луноходе не горела, и свет от этого казался каким-то прокисшим. Я уселся на лавку; сидевшая рядом женщина рефлекторно сжала ноги, отодвинулась и поставила в освободившееся между нами пространство сетку с продуктами – там было несколько пачек риса, упаковка макаронных звёздочек и мороженая курица в целлофановом мешке [Пелевин].

Жизнь идёт по кругу; герой растёт, затем взрослеет, но находится всё в той же системе координат, которая выражается, в частности, и в малопривлекательном образе замороженной курицы. Только лишь в самой концовке романа намечена идея прорыва.

В произведении Дж. Стейнбека «Путешествие с Чарли в поисках Америки» концепт «Америка» представлен через концепт «пища» и его гипонимы. С помощью эмотивных элементов (в данном случае эпитетов с отрицательной оценочностью) американская пища характеризуется как чистая, но безвкусная, бесцветная и однообразная.

Цена прогресса определяется и качеством пищи, которую мы едим, поэтому в цитируемом отрывке «taste» и «cleanliness» становятся контекстуальными антонимами:

Can I then say that the America I saw has put **cleanliness** first, at the ex-

pense of **taste**? And – since all our perceptive nerve trunks including that of taste are not only perfectible but also capable of trauma – that the sense of taste tends to disappear and that strong, pungent, or exotic flavours arouse suspicion and dislike and so are eliminated? [Steinbeck]

Какова пища, таков и дух нации. Смысл проводимой аналогии состоит в том, что развитие культуры массового потребления притупило не только вкусовые ощущения американцев, но и их эмоциональную сферу, которую приходится «приправлять» сексом и садизмом, содержащимся в средствах массовой информации:

If this people has so atrophied its taste buds as to find tasteless food not only acceptable but desirable, what of the emotional life of the nation? Do they find their emotional fare so bland that it must be spiced with sex and sadism through the medium of the paperback? And if this is so, why are there **no condiments save ketchup and mustard to enhance their foods?** [Steinbeck]

Образ Америки как огромного супермаркета рисует в своём стихотворении «Супермаркет в Калифорнии» Аллен Гинзберг. Концепт «материальное изобилие» поставлен в оппозицию концепту «духовные ценности». Упоминание имён Гарсиа Лорки и Уолта Уитмена в контексте перечисления продуктов создаёт впечатление абсурдности происходящего:

What peaches and what penambras! Whole families shopping at night!
Aisles full of husbands! Wives in the avocados, babies in the tomatoes! – and you,
Garcia Lorca, what were you doing down be the watermelons?

I saw you, Walt Whitman, childless, lonely old grubber, poking among the meats in the refrigerator and eyeing the grocery boys... [Ginsberg].

Описания пищи, подаваемой в особо значимых ситуациях, можно встретить и в публицистическом стиле. Так, при описании визита экс-президента России В.В. Путина на ранчо президента США корреспондент Белого Дома даёт подробное описание обеда. В тексте даётся точное перечисление всех блюд:

The menu, Fleisher said, «will include Mexican guacamole salad, mesquite-smoked peppered beef tenderloin, southern-fried catfish, fire-roasted potatoes with poblano peppers, old fashioned green beans, grilled sourdough bread , Texan onion butter, cornbread muffins, pecan pie and Bluebell vanilla ice-cream» [Waller].

Как верно заметил О. Леопольд в «Альманахе песчаного округа»:

«every region has a human food symbolic of its fatness» (в каждом регионе есть пища, символизирующая его плодородие). Вполне понятно, что, давая обед для представителя другого этноса и другой страны, президент США старается показать своему гостю через пищу особый колорит своей страны, «вкус» Америки и в прямом, и в переносном смысле. Перечисление названий блюд, включающая в себя блюда из мяса, рыбы, овощей, зерновых и молока символизирует изобильность и плодородие американской природы. То, что обед даётся на ранчо, также влияет на выбор блюд. Все они имеют национальный колорит. Концепты, стоящие за названиями блюд, включают в себя информацию об особенностях географического и исторического развития страны. Так, например, концепт названия блюда «mesquite-smoked peppered beef tenderloin» несёт в себе следующую информацию: блюда из говядины — это самая распространённая еда на Среднем Западе и Юге США, т.к. животноводство являлось и является основным родом занятий хозяйствующих здесь фермеров. Кустарник «мескит» широко распространён именно на юго-западе США и в Мексике, поэтому он используется при приготовлении местных блюд.

Блюдо «Guacamole salad» — салат из протёртого плода авокадо — было заимствовано американцами из мексиканской кухни, кулинария которой наряду с испанскими языковыми заимствованиями вошла в состав американской национальной культуры благодаря тесным историческим контактам США и Мексики. Это особенно характерно для штата Техас, в котором как раз и проходила встреча на высшем уровне, т.к. процесс взаимодействия двух этносов проходил в этом штате с особой интенсивностью. То, что обед проходит на ранчо, в неформальной обстановке, обуславливает выбор продуктов – potatoes, pepper, green beans – всё это входит в каждодневный рацион жителей данного региона США и подчёркивает демократичный характер общения двух президентов, которые едят те же блюда, что и обычные фермеры.

Синергетический эффект взаимодействия вышеперечисленных концептов состоит в передаче информации двух видов: национально-культурной, раскрывающей особенности пищевого режима данного региона и своеобразие природы, обеспечивающей этот режим, и символической, передающей идею изобильности американской природы, демократичности бытового поведения президента США – и, таким образом, определённый аспект американского национального духа.

Рассмотрев функционирование концептов пищи в художественном и публицистическом тексте, можно сделать определённые выводы. Описания пищи являются одной из рекуррентных тем художественных текстов. Это связано с тем, что наряду с языком пища является мощным средством национальной идентификации, отличая «своих» от «чужих», и эта её функция имеет глубокие исторические корни. Мифологическое значение определённых пищевых ритуалов уже не осознаётся современным человеком, но входит в структуру соответствующих культурных сценариев.

Концепты пищи, функционирующие в художественном тексте, содержат в себе большой пласт национально-культурной информации. Как правило, они представлены образами пищи, наиболее характерной для описываемого региона, тем, что по-английски называется «soul food». Концепты пищи несут богатую информацию о географических факторах, распространённости той или иной пищи среди описываемого этноса, о пищевых режимах и традициях, принятых в данном социуме и о культурных сценариях.

Концепты пищи, употребляемые в качестве образов в художественном тексте, часто обладают антропоморфными свойствами и служат средством передачи внутреннего эмоционального состояния персонажей. Употребление концептов пищи в качестве символов может отражать как определённые смыслы в судьбе описываемых персонажей, так и являться характеристикой «вкуса» эпохи – её изобильности или скудости.

Изучение содержания концептов пищи и их функционирования в художественном и публицистическом тексте в рамках когнитивной научной парадигмы будет способствовать более полному описанию концептосферы современного английского языка США и отдельных культурных концептов.

Список литературы

Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст]: курс лекций/ В.В. Красных. – М., 2002.

Леви-Стросс, К. Мифологии [Текст]: в 4-х т. Т. 1. Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. - М., СПб., 1999.

Резниченко Л.Ю. Фразеологическая концептуализация понятия «малость/ диминутивность» в английском, немецком и русском языке [Текст]/ Л.Ю. Резниченко // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – Вып.12. – СПб., 2009. – С. 51 - 60

Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры [Текст]/
Ю.С. Степанов. - М., 2001.

Фрейденберг, О.М. Поэтика сюжета и жанра [Текст]/ О.М. Фрейденберг. - Л., 1936.

Источники

Пелевин, В. Омон Ра [Текст]/ В.Пелевин. - М., 2001.

Esquivel, L. Like Water for Chocolate [Text]/ L. Esquivel. - N.Y.: Doubleday, 1992.

Ginsberg, A. A Supermarket in California [Text] / A. Ginsberg //The Faber Book of America. Faber and Faber. - London – Boston 1992.

Leopold, A. A Sand County Almanac [Text] / A. Leopold. - Balantine Books, 1990.

Proulx, A.E. The Shipping News [Text] / A.E. Proulx. - Scribner, 1994.

Ross, W. President Bush Hosts Russia's President Putin at His Texas Ranch [Text] / W. Ross. [http:// www. usembassy-israel.org.il/ publish/ peace /archives /2001 /November/ 111503.html](http://www.usembassy-israel.org.il/publish/peace/archives/2001/November/111503.html).

Steinbeck, J. Travels with Charley: In Search of America [Text] / J.Steinbeck. - New York, 1962.

Waller, R.J. The Bridges of Madison County [Text] / R.J. Waller. - N.Y: Warner Books, 1992.

Е.Е. Иванова

Нелитературные наименования национальностей как выражение речевой агрессии

Речевая агрессия является одним из видов человеческого поведения. Термин «вербальная агрессия» не имеет однозначного толкования. При узком понимании вербальной агрессией называется речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие и представляющий собой оскорбление, насмешку, угрозу, враждебное замечание, категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств. При широком понимании к вербальной агрессии относятся все виды наступательного, доминирующего речевого поведения [Басовская]. Нелитературные наименования национальностей выражают национальную нетерпимость и относятся к одному из ти-

пов агрессивной стратегии. Они репрезентируют следующие тактики: инвектива (оскорбление), возмущение, угроза, обвинение, упрек, проклятие, злопожелание. Оскорбительные наименования национальностей наиболее часто употребляются в устной речи и языке Интернета. Пользователь постоянно сталкивается с проявлениями вербальной агрессии, особенно на так называемых форумах. Форум (телеконференция) – это особый коммуникативный жанр сетевого общения, для которого характерно, как правило, неограниченное, но более или менее постоянное количество участников, вступающих в диалог по той или иной проблеме. На форумах ярко выражается национализм некоторых пользователей [Комогорцева]. Нелитературные, неофициальные названия людей других наций и национальностей, встречающиеся в языке Интернета, как правило, выражают пренебрежение, о чем свидетельствуют характерные способы их образования.

Иностранцы, говорящие на русском языке, присваивают русским наименования *коцап, медведь, москаль, русак, русская свинья*.

Коцап (кацап) – украинское пренебрежительное прозвище русских. Наиболее вероятная этимология – происхождение от арабского «gasab» – «мясник, живодер», через тюркские языки сначала попавшего в русский язык. В то же время В.И. Даль приводит форму «коцап» как тульское и курское название раскольников. По этой версии слово *кацап* попало в язык населения Приднепровья из самой России как обидное прозвище одной из сторон русского церковного раскола и здесь ассоциировалось с русскими вообще. Широкое распространение в разговорном языке Восточной Украины слово *кацап* получило только в XVIII веке.

Наименование *медведь* связано с представлением иностранцев о русских как о ленивых и диких людях. Например: *Да еще нас, русских, медведями обзывают. Мол, спим мы, мало митингуем. Мы-то хорошо понимаем, что спор о том, где чья земля и чья нация, приводит лишь к одному - к войне* (<http://www.ng.ru/events/center.html>).

Москаль – широко распространенное на Украине, в Белоруссии и Польше пренебрежительное обозначение русских и россиян. Возникло для отличия восточнославянского православного населения Великого княжества Литовского и в целом Речи Посполитой от восточнославянского населения Московии, так как и те и другие называли себя русскими. Позднее, в XVIII-XIX веках фигурирует как название солдат армии Российской империи. Поз-

же данное слово наряду со словом *коцан* стало употребляться по отношению ко всем жителям России. Однако стоит отметить, что слово *коцан* не совсем синонимично слову *москаль*. В современном украинском языке, например, *москаль* имеет значение «россиянин, гражданин России», тогда как *коцан* – это «этнический русский». Наименование *москаль* используется и некоторыми россиянами для пренебрежительного обозначения жителей Москвы.

Немцы именуют «русских немцев» *русаками*. Например: *Русаки, хохлы, казахи и прочие СНГовцы приезжают в Германию, скупают недорогие, поддержанные тачки и эксплуатируют их на дорогах СНГ еще очень долго...* (<http://forum.Pravda.ru/index.php?showtopic=3638&st=200&p=436269&#entry436269>).

Русская свинья, или «*russisches Schwein*» – немецкое пренебрежительное наименование русских. Например: *Немцы обиделись и, посчитав свои силы – тридцать против семерых, - потянули на нас, благородно отстаивавших свое право на День Победы, который приходит раз в год, и нам все равно, в Турции этот светлый день пришел или где-то еще. Немецкие пенсионеры посягнули на нас, вдали от Родины отстаивавших исконное русское право на праздник. То есть не то что бы они сразу полезли драться, но один злобный, толстый и потный немчур начал называть нас «идиотен, кретинен» и произнес роковое «*русише швайн*»* (<http://www.ulsu.ru/guestbook/>).

Ненормативные наименования национальностей можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся лексические единицы, соотносимые по звуковому оформлению с официальными наименованиями национальностей. Среди них большую часть составляют слова, образованные сокращением официального наименования: *адыга* – адыгеец, *азер* – азербайджанец, *арг* – аргентинец, *бразила* – бразилец, *брит* – британец, *груз* – грузин, *Дагестан*, *дага* – дагестанец, *изер* – израильтянин, *итальяш* – итальянец, *чич* – чеченец. Например: *Ясный перец. Армяне не любили русских так сильно, что поддерживали их во всех войнах на Кавказе. А, скажем, адыги с чеченцами против русских воевали, но в глубине души, их, безусловно, любили... Явление, встречающееся в повседневной жизни сплошь и рядом. Хотя отдельные темные в медицинских вопросах личности придерживались более традиционной точки зрения* (<http://dpni.org/forum/topik2834.html>). *Вы пробовали когда-нибудь спорить с дагой? Даже если он осознает, что не прав, то никогда не признается в этом, так как этим он заденет свое самолюбие*

и пошатнет свой авторитет в кругу себе подобных. Они обвиняют нас в расизме, хотя ни капли от нас не отличаются. Они не считают славян за людей. Для них это скорее скот, неспособный что-либо решить ввиду каких-либо слабостей характера (http://forum.tura.ru/cgi-bin/vsluhforum/vsluhboar/cgi?Az=printer_forvat&om=5138&forum=VsluhForum4).

А если бы еще показали после концерта программку, которую в субботу показывали в 6 утра: «Армяне» - про армян, про Армению, про их заслуги... в России... и в других странах... вообще супер... такая гордость... почему многие этого не понимают... и считают армян чурками? Чурки это **азеры, грузы** и мн. др. ... надеюсь, год Армении в России изменит ситуацию в корне... и слова Путина не останутся словами...(<http://forum.haustan.com/lofi/versioн/индекс.php/t20994/html>).

Ко второй группе относятся суффиксальные словообразования. Суффиксы, при помощи которых образованы данные слова, имеют значение пренебрежения: *америкоз* (*америкос*) – «американец», *аргентинос* – «аргентинец», *испашка* – «испанец», *итальяшка*, *кавказоид*, *китаез*, *латинос*, *латышня*, *негрила*, *немчура*, *татарва*, *чичик* – «чеченец», *южок* – «югослав», *япошка*. Например: *Что?? Упали китаезы???* И им дали золотишко??? Гадство! Хотя мне кажется, большие нас в лидеры так просто не пустят, хватит, и так как бельмо у всех 20 лет, да каких 20... все 40 весим на золотом пьедестале. Теперь нашим нужно что-то нереально крутое делать, чтоб победать...(<http://forum.sport/rbc/ru/showthreaded.php?Cat=19&Number=2488857&page=0&vc=1>).

А *татарва* тоже ...сердобольной была – они, говорят, прежде чем наипилить человечка на кол, его конец смазывали курдючьим салом – что бы мягче шло, хвала их сердобольности! (http://forum.runet.ru/?message_id=28929&forum_id=9).

Латиносы,...когда они в ресторане или метро – не можешь взгляд отвести от обилия пластмассы, колечек, висюлек, воплей и жестикуляции..., а чего стоят мексиканцы за рулем этих, пикапов что ль... а сами американцы – немыслимой жирности, поедающие все и вся не останавливаясь, главное, чтоб была надпись «фет фри» или «нан калорис фром фет»: чем больше съешь, тем больше похудеешь (<http://str3amik.livejournal.com/41223.html>).

Третью группу составляют слова, образованные путем изменения звукового оформления корня. *Урюк* «уругваец» - образовано от слова «уругвайцы» на основе созвучия данного наименования и слова «урюк». *Финик*

«финн» - образовано путем присоединения суффикса -ик-, что приближает звуковую оболочку слова к уже имеющемуся в языке слову «финик». Данное намеренное сближение лексем говорит о пренебрежительном отношении говорящего к нации финнов. *Чех* «чеченец» - изначально чеченцев называли «чехами» бойцы, служащие в Чечне, теперь слово употребляется и теми носителями языка, которые не имеют отношения к военной деятельности. Стремление сократить наименование «чеченец» привело к совпадению с лексемой «чех». *Чушка* «эстонец» - дореволюционное название эстонцев – «чухонцы», отсюда возникает созвучие со словом «чухна» в значении «свинья»; уменьшительное – «чушка». Например: *Вот и продолжение – Великая Россия, оказывается должна просить у чухонцев прощения. За что, за то, что мы, не спрашивая их высочайшего разрешения осмелились освободить их от фашистов? Ну, чушки, договорились. Фильтруйте базар, вы, таллинцы через одно «Н»!*

(<http://groups.rambler.ru/groups/rambler.news.word/8927032.html>).

*Вчера наблюдал, по «Нове», как они смаковали новости о количестве жертв в Москве... зачесались кулаки... Посмотрел на обсуждение этих событий в прессе... и у меня где-то глубоко начало зарождаться чувство ненависти к чехам. Особенно когда в России траур... (<http://www.ruforum.cz/forum/viewtopic.php?t=672&postdaus=0&postorder=asc&start=0>). **Финики** звери, чехи тож ниче так играют... но хорошо, что Гашек не может играть... (<http://www.nasha.lv/forum/viewtopic.php?t=1764&start=40>).*

В следующую группу объединяются наименования национальностей, образованные от имен собственных, типичных для данной этнической группы. Слова *Абрамович* и *Рабинович* получили значение «еврей», так как еврейские фамилии *Абрамович* и *Рабинович* широко известны среди носителей языка. *Василь-иваныч* «чуваши» - слово появилось по причине того, что уроженцем Чувашии был Василий Иванович Чапаев. *Фриц* и *Ганс* – от немецких имен *Фриц* и *Ганс*, широко распространенных в Германии и Австрии. *Гоги* «лицо кавказской национальности» - уменьшительно-ласкательная форма грузинского имени *Георгий*. *Бушевец* «американец» - название возникло в связи с тем, что президентом США являлся Джордж Буш. *Мамед* «азербайджанцы и лица кавказской национальности вообще» - от существующего в азербайджанском языке имени собственного *Мамед*. *Пифке* «нем-

цы»- наименование восходит к фамилии Иоганна Готтфрида Пифке, который был автором марша «Слава Пруссии». Этот марш звучал на параде, посвященном окончанию австро-прусской войны. Наименование *пифке* впервые употребили австрийцы по отношению к прусским солдатам, затем прозвище распространилось на всех немцев и попало в русский язык. *Хачик* (*хач*) – лицо кавказской национальности. Уменьшительно-ласкательная форма грузинского имени Хачикян. В русский язык вошло после выхода в свет фильма «Мимино», часто употребляется в языке как пренебрежительное по отношению к лицам кавказской национальности. *Ющенковец* «украинец» - подобное название возникло в связи с тем, что президентом Украины являлся Виктор Ющенко. Например: *Особенно эти китаезы. Бабла немерено черт знает откуда. Надо их гнать с Беларуси, а то хачей и так уже в Москве полно. А у нас в итоге для них условия лучше, чем для белорусов – и общага у них в обязательном порядке, и стипенду им их страна платит несравнимую с нами, и торговать им в общагах можно ...* (<http://www.kraina.bu/forum/viewtopik.php?t=139>). *Две одинаковые работы в Белоруссии и Германии и у нас оплачиваются так по-разному в силу многих причин. Объяснять это долго и трудно. Но, я уверен, что никогда ни русский, ни белорус, ни украинец не будут получать вровень с гансами, даже если станут демократичнее самих США и трудолюбивее японцев* (<http://www.belgazeta.bu/?page=51017&num=20061120.46&sp=32&fid=332&spos=80>). - *Ну-у еврейский вопрос это всем вопросам вопрос. Начнем с того, почему такое отношение к евреям?- Не знаю как у вас, но я к ним отношусь лояльно, хотя бываю временами антисемитом, просто как посмотришь вокруг, так одни **рабиновичи** с **Абрамовичами*** (<http://www.mukazan.ru/newforum/index.php?s=3eab46b497e295a620fdf0b031750e86&showtopic=1042&pid=56493&st=60&#entry56493>).

В основу некоторых наименований положен национальный признак: свойство, место жительства, особенность языка, цвет кожи). *Бабай* (*бай*) – «узбек или лицо кавказской национальности». «Бабай» - это воображаемое существо, которое в устном народном творчестве описывается как «маленький старичок с бородой и мешком». Возможно, данное наименование возникло по причине того, что «бабай» - тюркское слово, которым пугали детей. *Баклажан*, *гуталин* и *головешка* – «представитель негроидной расы». В основе сравнения – темный цвет кожи афроамериканца и темная кожа баклажана, цвет гуталина или головешки. *Горный баран* – «чеченец, лицо кав-

казской национальности». Данное наименование присваивается ввиду особенностей характера указанных наций, а также по причине того, что их местом жительства являются горы. *Горное существо* – «чеченец, лицо кавказской национальности». В стилистически нейтральном словосочетании «горный житель» существительное заменено на негативно окрашенное существительное «существо», что говорит о пренебрежительном отношении говорящего. *Друг сурков* – «чеченец». Республика Чечня находится на Кавказе, где обитают сурки, на основе этого и возникает данное наименование. *Изящноглазый, раскосый, узкоглазый, щуренок от «щуриться»* – «представитель монголоидной расы». Наименование возникло в связи с тем, что азиаты имеют узкий («изящный») разрез глаз. *Копченый* – «представитель негроидной расы». В основе сравнения – темный цвет кожи афроамериканца и темный оттенок продуктов, подвергшихся копчению. *Негатив* – «афроамериканец». В основе сравнения – противопоставление афроамериканцев и белых людей, как позитива и негатива. *Носатый* – «лицо кавказской национальности», характерной чертой внешности которых является большой нос. *Пишек* – «поляк». Наименование связано с тем фактом, что в польском языке очень много шипящих звуков. *Цитрус* – «представитель» монголоидной расы». Название связано с желтым оттенком кожи азиатов. *Черномазый, черный* – «афроамериканец, лицо кавказской национальности». В основе наименования лежит темный оттенок кожи представителей данных народов. *Чурка* – представитель народов Средней Азии, лицо кавказской национальности. В слове выражено отношение к представителям данных народов как к «недалеким, глупым» людям, которые ничего не понимают. «Чурка» – от «Чур». Чур – древнее мифическое существо; чурка – деревянное изображение Чура. В современном литературном языке слово имеет значение «короткий обрубок дерева». *Чучмек* – «житель Кавказа или Средней Азии». Этимологические словари и словари жаргонов не приводят никаких версий происхождения этого слова. Однако можно предположить его связь с другими русскими названиями инородцев (чукча, чудь), восходящими к древнему «чуча» (так по преданию назывался первобытный народ, живший на Пермской земле и в Сибири). Происхождение же названия «чуча» М. Фасмер связывает с лит. *kaukas* «домовой, карлик, гном», др.-прус. *sawx* «черт» и славян. *kuка* с общим значением корня «нечто искривленное, изогнутое, выходящее за рамки нормы». *Штатник, юс* – «американец». Наименование связано с местом жи-

тельства американского народа – Соединенными Штатами Америки, или «United States» (US–[юс]). Например: *Что говорить – племенной африканский красавец и все тут! И ребеночек получится – головешка. О-хо-хонюшки* (<http://www.realstory.ru/intim/5770>). *Белый человек самодостаточен, у него нет расовых комплексов. Иное дело, когда он есть. Цветные не могут оставить белых в покое. Если белый человек не идет к цветному, то цветной сам идет к белому. Азиаты ищут кровосмешения и охотно идут на браки с европейцами. Посмотрите – штатники и вторжение в Иран затеют, наплюют на мировое общественное мнение. И таких примеров масса. Тот же Ирак. Что же они в Ливан не вторгаются, чтобы демократию и порядок навести?* (<http://www.israel-forum.org/showtreal.php?t=10384>).

Часть наименований национальностей образована от слов, свойственных какому-либо национальному языку. *Ара* – «армянин, лицо кавказской национальности». На армянском языке «ара» значит «дорогой, драгоценный». Причиной возникновения наименования является частотное употребление этого слова носителями армянского языка. *Бундес* – «немец», образовалось от сокращенного наименования ФРГ – Bundesrepublik Deutschland. *Жид* – «еврей». Имеется несколько версий этимологии слова «жид». Его связывают и с литовским «язычник» («жидавс» - языческое поле), и со славянскими «жить, жито», и даже с тюркским «йид» - «запах», объясняя последнее тем, что в древние времена главным товаром, который перевозили и продавали купцы-евреи, были пряности. Но из имеющихся версий происхождения слова «жид» все-таки следует остановиться на той, которая считает его транскрипцией слова «иудей». Венецианцы произносили «Иуда» как «Джуда», а на старо-латинском «Иуда» - «Джудео». Наименование «жид» использовалось самими евреями как самоназвание, которое существовало в русских летописях и даже в русском законодательстве до конца восемнадцатого века и не имело прежде обидного смысла [Еврейская история]. Отрицательную коннотацию слово приобретает в XVIII веке при Екатерине II. Сегодня в бытовой лексике слово «жид» иногда применяется для обозначения еврея «жадного, плохого, наглого, вороватого плута и обманщика», противопоставляемого еврею «хорошему и умному» [Вихнович]. *Калбит* – «казак», образовано соединением двух корней (арабского «калб» и казахского «ит»), имеющих одинаковое значение – «собака». *Лабус* – «литовец», происходит от литовского слова «Labas» - «здравствуйте». *Ниггер* – «афроамериканец». Слово за-

имствовано из английского языка, где «nigger» означает темно-коричневый цвет. *Пиндос* – «американец», заимствовано из испанского языка от *pendejos* (идиот). В современном разговорном языке слово «пиндос» прижилось после совместного пребывания в Косово российских подразделений и натовских войск. *Хольц* – «казах», происходит от немецкого «holz» - дерево, «чурка». *Харын (харин)* – «узбек», от древнетюркского слова «gariр», имеющего значение «приезжий». *Хохол* – «украинец». Запорожские казаки в старину выбривали голову и оставляли чуб, который они называли «kekil». *Шалом* – «еврей». «Шалом» на иврите означает «здравствуйте». *Шпрех* – «немец», образовано от немецкого глагола «sprechen» - «говорить». *Янки* – «американец». Изначально в английском языке «янки» называли представителей севера Америки, в русском языке употребляется по отношению ко всем американцам. Например: *В два часа ночи он решил выйти на свежий воздух. На выходе из клуба, в проходе два больших ниггера в черных футболках с толстыми золотыми цепями на толстых шеях били одного ниггера поменьше и поинтеллигентнее, перегордив проход (http://www.metamal.com/txts/pro_zho-pu.shtml). Кстати говоря, уровень современных российских технологий по БЖ и шлемам самый передовой – аналогичен американскому. Все остальные – отстают: и голландцы, и бриты, и франки, и бундесы...*

Я гляжу, эстонцы и прочие у нас тут на форуме... (...) А вообще я вас, лабусов, ненавижу и говорю об этом откровенно. Такие как ты убили моего дядьку в Риге (<http://avn.thelook.ru/cgi-bin/yabb/YaBB.pl?num=1163497538/120>).

Наименования национальностей могут отражать особенности национальной кухни. Такие названия, как правило, являются международными. *Бульбаш* – «белорус», образовано от белорусского названия картофеля – «бульба». *Лягушатник, лягушонок* – «француз», так как национальным блюдом во Франции являются «лягушачьи лапки». *Макаронник* – «итальянец», от типичной пищи итальянцев - макарон. *Мамалыжник* – «румын, молдаванин». Мамалыга – каша из кукурузной муки, молдавское и румынское национальное блюдо. Исторически мамалыга была основной пищей румынских крестьян и бедноты, заменявшей хлеб. Например: *А на чем Бульбаши бульбу жарить будут? (http://forum.runet.ru/?message_id=18144&forum_id=22). Не зря высказываюсь, что мамалыжники все замутили и теперь вот еще более*

в этом убеждаюсь, что все исходило со стороны Молдовы! ([http://forum.md/Discuss.aspx?id=507733 &page=9](http://forum.md/Discuss.aspx?id=507733&page=9)). *Тренер лягушатников сам признался после матча, что удаление Зидана очень деморализовало команду – какие еще доказательства нужны?* (<http://utro-olympic.blogonline.ru/1091950.html>).

Не вызывает сомнения то, что причины речевой агрессии находятся в головах носителей языка и являются вневелингвистическими. Ученые выделяют три комплекса причин существования и развития речевой агрессии: социально-психологические, общекультурные и личностные. Большая часть различных экстремистских выступлений происходит на расовой и национальной почве. Неприязнь к другим народам отражается в первую очередь в языке, в том числе в том, что их представителям присваиваются пренебрежительные наименования [Циммерлинг]. Представляется необходимым приравнение нелитературных наименований национальностей к лексике, оскорбляющей достоинство граждан.

Список литературы

Басовская, Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации [Текст] / Е.Н. Басовская // Критика и семиотика / Российский государственный гуманитарный университет. – 2004. - Вып. 7. - С. 257 - 263.

Вихнович, В. Евреи и жидаы [Текст] /В. Вихнович // Мигдаль Times. - № 47. - <http://www.migdal.ru/article-times.php?artid=4163>

Еврейская история [Текст] // Кто мы. Как называем сами себя. Как называют нас другие. Когда пришли на эти земли. - <http://chassidus.ru/library/history/kandel/01.htm>

Комогорцева, М. Неонацистские ресурсы Интернета в России [Текст] / М. Колмогорцева. - http://www.content-filtering.ru/catalog.asp?ob_no=1378;

Усачева, О.Ю. Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов) [Текст] / О.Ю. Усачева // Липецкий филиал Орловской региональной академии государственной службы, г. Липецк; <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO.htm#ftn1>.

Циммерлинг, А. Оскорбительные и пренебрежительные наименования инородцев в языках мира [Текст] / А. Циммерлинг // Что у русского на языке. Коммерсант-Власть, 18.06.2002. – <http://compromat.ru/main/vragi/nayazyke.htm>.

В.И. Кабыш

Влияние категории времени глаголов брать/взять на грамматические свойства процессуальных фразеологизмов с компонентами брать/взять

В формировании семантики фразеологических единиц участвуют не только компоненты фразеологизмов, но и грамматические категории. «Морфологические категории и грамматическая семантика процессуальных фразеологизмов... связаны с выражением отношений, складывающихся между элементами реальной действительности, отношением говорящего лица к реальной действительности и содержанию высказывания» [Лебединская 1999 : 5].

Категория времени необходима для формирования процессуального значения. Она придает значение качественно-количественного своеобразия процессу, обозначенному глаголом и процессуальным фразеологизмом. При этом настоящее время характеризует процесс, происходящий в момент речи. Исследуемые глаголы и процессуальные фразеологизмы могут употребляться в различных значениях настоящего времени:

1. Совпадение с моментом речи

Глаголы

Берем тот период жизни греческого народа, который составил славу грехов. *Н. Чернышевский. О различиях между народами*

Фразеологизмы

И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,
Но Ночь пришла, и нежно тень
Берет усталого без боя.
И. Анненский. Еще один

2. Значение определенного промежутка времени

Целый год мы берем с клиентов по тридцатнику. *В. Кунин. Иванов и Рабинович*

А вот – коллективное письмо от двух рабочих: «Сколько лет уже берем деньги с Запада! Как не стыдно?! Это нас унижает!» им ответили: «Ну, унижьте Запад». *К. Мелихан. Рассказы*

3. Настоящее постоянное

Квартира берет слишком много дров. *И. Аксаков. Письма*

Речка Кудя-хе берет начало с хребта Карту. *К. Арсеньев. Дерсу Узала*

Прошедшее время характеризует процесс, предшествовавший моменту речи. Глаголы **брать/взять** и исследуемые фразеологизмы употребляются в различных частных значениях прошедшего времени:

1. Перфектное значение

Ну что, Жужутка, как живешь? С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли? *И. Крылов. Две Собаки*

Наконец утомление взяло верх, казалось, он заснул как убитый. *Ф. Достоевский. Слабое сердце*

2. Аористическое значение

Судья приблизился к Ивану Ивановичу, взял его за пуговицу и начал говорить ему. *Н. Гоголь. Как поспорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*

Личное человеческое чувство на короткое мгновение взяло верх над тем искусственным призраком жизни, которому он служил так долго. *Л. Толстой. Война и мир*

3. Прошедшее единичное действие, факт

Он брал с лопаты в руки самый удачный каравай и, перекидывая его с ладони на ладонь, обжигаясь, весело смеялся. *М. Горький. Коновалов.*

Подняв плечи и широко расставив пальцы, Коростелев брал несколько аккордов и начинал петь тенором «Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал»... *А. Чехов. Попрыгунья.*

4. Прошедшее обобщенного факта

Конечно, Чехов брал своих героев из жизни – где же их еще брать? – но это узнавание было слишком буквально. *Б. Штерь. Сборник рассказов и повестей*

Вы взяли это себе во внимание? *А. Чехов. Степь*

Будущее время характеризует процесс, который произойдет после момента речи.

Например:

- Билет будете брать? – вдруг спросила она. *А. Житинский. Дитя эпохи*

- Сто... - считал Илья, - пятьдесят... восемь. Серега! Ты будешь брать? *В. Кунин. Киноповести*

В той же аптеке возьму... Нынче и аптекарем быть, Крестьян Иванович, уже важное дело. *Ф. Достоевский. Двойник*

Пусть с тобой за это наши особисты разбираются – а они тебя вскорости возьмут за кислород. *А. Бушков.*

След тираньи

Я, желая проводить прямую, возьму за образец себе кривую или ломаную. *Л. Толстой. Послесловие к Крейцеровой сонате*

Будем брать заказы у зарубежных исследователей, за хорошие денежки, в валюте! *Б. Акунин. Алтынтолобас*

По данным нашей картотеки, исследуемые фразеологические единицы употребляются в основном в форме настоящего (43%) и прошедшего (40%) времен. Это связано с тем, что эти формы, как правило, выражают свойство субъекта, дают ему характеристику, что «наиболее ярко гармонирует с главной сущностью процессуальных фразеологизмов – не только называть, но и характеризовать, оценивать действие» [Лебединская 1987 : 76]. Форма будущего времени лишена четкой временной характеристики, насыщена модальными оттенками, поэтому для нее свойственно «угасание процессуальности» [Лебединская 1987 : 74]. Этим объясняется малое количество употреблений (17%) исследуемых фразеологизмов в данной форме.

Список литературы

Лебединская, В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка [Текст] / В.А. Лебединская. – Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.

Лебединская, В.А. Семантика процессуальных фразеологизмов [Текст]: учебное пособие / В.А. Лебединская, Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. – 186 с.

Е.А. Коршкова, М.С. Кураженкова

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния с компонентами GOD, DEVIL, HEAVEN, HELL как средство вербализации языковой личности Курта Воннегута

Языковая личность - личность, выраженная в языке (текстах) и через язык. В речевых поступках, в языковом поведении, то есть в текстах, порожденных человеком, опредмечивается его духовность. В основе анализа фразеологических единиц в произведениях Курта Воннегута лежит деление ФЕ на классы, разряды, группы, подгруппы, что позволяет определить наиболее представленные типы значений фразеологизмов, структурировать языковую картину мира писателя.

Описание процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния с компонентом GOD, DEVIL, HEAVEN, HELL позволяет реконструировать не только особенности личности Курта Воннегута и его языковой картины мира, но и своеобразие его художественного мира. Говоря о языке этого писателя, невозможно обойти стороной и ряд экстралингвистических факторов.

Курт Воннегут – писатель острого социального зрения, его художественный стиль привлекает внимание читателя своей неординарностью, выходом за рамки традиционной прозы. Его произведения охватывают широчайший круг современных насущных проблем, они словно разворачивают перед читателем панораму современной американской жизни, в которой есть место обыденному, причудливому, гротескному и смешному, но больше грустному и заставляющему задуматься о том, что что-то, где-то в этом мире, в этом обществе, пошло не так, и поэтому кругом такая путаница и кавардак. Для достижения этого эффекта автор часто синтезирует различные жанры и стили в рамках одного произведения. Его также иногда называют мастером «черного юмора». Литературоведы затрудняются причислить его к какому-либо направлению, его нельзя отнести ни к неоавангардизму, ни к постмодернизму, его произведения - это причудливый коллаж сатиры, психологической прозы, фантастики и интеллектуального романа. В его романах можно выделить четыре основные темы: осуждение всех войн и орудий смерти, необходимость контролировать технический прогресс, тему экологии, защиты природы и одиночества людей в современном обществе.

Несмотря на широкий интерес к Воннегуту и его творчеству, можно заметить, что пишут о нем и по сей день мало, словно неохотно. До сих пор не появилась полная, исчерпывающая биография Воннегута, не был проведен целостный или хотя бы частично носящий научный характер анализ произведений автора. Все работы автора постепенно удостоивались литературоведческой критики, аннотаций, заметок, но ни разу не был проведен лингвистический анализ его трудов. На наш взгляд, это весьма прискорбное упущение, ибо Воннегута можно назвать не только передовым писателем современности, но и великолепным мастером слова. Именно это упущение мы и попытались частично восполнить.

Цель нашего исследования – рассмотреть семантику фразеологизмов с компонентами GOD, DEVIL, HEAVEN, HELL в произведениях Курта Воннегута. Материалом для картотеки послужили произведения: «Bimbo's snuffing shell», «Bluebeard», «Deadeye Dick», «Galapagos», «God Bless You, Mr. Rosewater», «Hocus Pocus», «Jailbird», «Cat's Cradle», «Mother Night», «Player piano», «The Sirens of Titan», «Timequake», «Venus On The Half-Shell», «Slaughterhouse-Five». Наша картотека включает в себя 224 единицы, 801 употребление.

Фразеологических единиц с компонентами GOD, DEVIL, HEAVEN, HELL с процессуальной семантикой в творчестве Курта Воннегута больше всего (103 единицы (46% от общего числа фразеологизмов), 329 употреблений (41% от общего числа фразеологизмов)).

Их особенностью является, в первую очередь, то, что весьма часто употребляются фразеологизмы, обладающие семантической недостаточностью. Ученые, рассматривающие фразеологизмы, которые обладают семантической недостаточностью, выделяют, с одной стороны, слова-сопроводители, которые находятся в препозиции по отношению к фразеологизму и управляют им [Жуков]; с другой стороны – семантические конкретизаторы, являющиеся структурными и семантическими факультативными компонентами фразеологизма, занимающие в них интерпозицию и зависящие от одного из компонентов единицы. Проницаемость семантически недостаточных процессуальных фразеологизмов обусловлена синтаксической моделью словосочетания, которое может распространяться за счет компонента, выраженного, как правило, прилагательным или местоимением.

Преобладают в этой группе фразеологизмы с компонентом - существительным GOD. Нами обнаружены процессуальные фразеологизмы с компонентом GOD, которые обладают семантической недостаточностью (10 единиц): GOD send, God put, GOD left, GOD made, GOD created, GOD gave, GOD helped, GOD blessed, GOD rest, GOD protect.

Специфика исследуемых фразеологизмов состоит в том, что их значение формируется под влиянием семантических распространителей, которые не являются структурным элементом фразеологической единицы. Семантические распространители выступают в качестве дополнения и находятся в постпозиции по отношению к фразеологической единице. Это связано со структурной моделью анализируемых фразеологизмов. Все описываемые фразеологические единицы по структуре восходят к простому двусоставному нераспространенному предложению, в котором компонент GOD - генетическое подлежащее, а глагольный компонент – генетическое сказуемое. Эти фразеологизмы характеризуют семантический субъект, который лишается воли, так как наделяется/не наделяется чем-либо с помощью сверхъестественных сил и выражен дательным или родительным падежами имени существительного или личного местоимения [Шведова].

Объект, семантический распространитель, при процессуальных фразеологизмах может иметь форму винительного падежа со значением прямого объекта: (GOD send (whom, what)?, GOD put (whom, what)?, GOD left (whom, what), GOD made (whom, what), GOD created (whom, what), GOD give (whom, what), GOD help (whom, in what, where, how), GOD bless (whom, what), GOD rest (what?), GOD protect (whom? of what?)

«You think you're Eve, and **GOD only made one Adam** for you?»

«The actress playing Celia could ask why **GOD had ever put her on earth**».

«**GOD made** man and woman, beautiful little miniatures of Him and her, and turned them loose to see what might become of them».

«His jailor was a woman. **GOD rest** his soul, and her soul, too».

«Alexander meant to say in his prayer that afternoon that **GOD** should **protect** the working people from leaders like Colin Jarvis, who had encouraged them to bring such misery and heartbreak on themselves».

Интерпретация исследуемых единиц в словарях дается без учета семантических распространителей. По данным нашей картотеки, эти фразеологизмы являются многозначными, и формирование их значений зависит от семантических распространителей.

Во всех приведенных выше фразеологизмах можно выделить схожую модель формирования семантики: компонент-существительное GOD вносит сему «в религиях (политеистических и монистических) одно из высших, стоящих над миром неземных существ» в индивидуальное значение единицы. Богу приписывается власть над миром, Бог управляет нашей жизнью, он помогает, оставляет, посылает на землю, созидает, творит и т.д. Глаголы, становясь компонентами процессуальных фразеологизмов с компонентами GOD, DEVIL, HEAVEN, HELL формируют категориальное значение процессуальности. Глагольный компонент в составе процессуальных фразеологизмов может сохранить или утратить субкатегориальное или групповое значение. Изменение этих сем наблюдается несколько реже, чем их сохранение.

Глаголы, обозначающие деятельность (39 единиц), утрачивают свою субкатегориальную принадлежность в составе процессуальных фразеологизмов с компонентом GOD и на уровне фразеологического значения создают иное субкатегориальное значение – состояния: to see GOD, to meet GOD, - биологическое состояние (умереть); to put oneself into the hands of GOD, to lean on GOD, to understand GOD - психическое состояние; to be a GOD – социальное состояние.

В формировании субкатегории состояния исследуемых фразеологизмов участвуют компоненты - глаголы, актуализирующие свои субкатегориальные семы состояния в целостном фразеологическом значении: to believe in GOD.

«For anybody who could **believe in GOD**, as you once did, it would be a piece of cake to believe in the planet Wooboo».

Таким образом, в формировании категориальной семы процессуальности основная роль принадлежит глагольным компонентам; в создании субкатегориальных и групповых сем – компонентам-глаголам и существительным;

все компоненты единицы приносят индивидуальные семы в исследуемые фразеологизмы.

Процессуальные фразеологизмы с компонентом GOD чаще всего содержат в семантической структуре сему состояния (41 ФЕ), реже – сему деятельности (39 ФЕ) и совсем редко – сему отношения (23 ФЕ).

Анализ единиц субкатегории состояния в произведениях Курта Воннегута позволил выделить три семантические группы:

1. Процессуальные фразеологизмы биологического состояния;
2. Процессуальные фразеологизмы психического состояния;
3. Процессуальные фразеологизмы социального состояния.

Первая группа процессуальных фразеологизмов с компонентами GOD, DEVIL, HEAVEN, HELL имеет значение биологического состояния и объединяет фразеологизмы, которые обозначают биологическое состояние субъекта – живого существа. Психическое и биологическое состояния часто неотделимы друг от друга: to see GOD, to meet GOD, to be in HEAVEN, to get to HEAVEN, to go to HEAVEN.

«But I somehow found the courage to go in anyway — and imagine my surprise! It was as though I had died and **gone to HEAVEN!**»

«Isaac **is up in HEAVEN** now».

Сюда так же относятся такие фразеологизмы, как: GOD shed his grace, GOD rest his soul, GOD forbid, GOD forgive me, GOD left, GOD protect, GOD help, to lean on GOD, GOD spoke through him, the DEVIL is talking through you, GOD helped, HEAVEN helped, GOD grant.

«Help yourself, and **HEAVEN will help** you».

«And she say, «Don't you tempt me like that, child. That's the **DEVIL talking through you**».

Вторая группа включает фразеологизмы, обозначающие психическое состояние субъекта-лица: to feel at one with GOD, to accuse GOD, to blame GOD, to praise GOD, to run for GOD, to put yourself into the hands of GOD, to thank GOD, to worship GOD, to understand GOD, to scold GOD, to pray to

GOD, to taste HELL, to go through HELL, to play HELL, to raise HELL, speak of the DEVIL and he will appear, to save from HELL, to be (become) (pure) HELL.

«This was it, and life would **become pure HELL** for microorganisms soon afterward: «Fill the Earth and subdue it; and have dominion over the fish of the sea and over the birds of the air and over every living thing that moves on the Earth».

«I will try to **save him from HELL**, just as I am now trying to **save you from HELL**».

Фразеологизмы, служащие наименованиями социального состояния, носителем которого является человек, составляют третью группу: to play GOD, to be a GOD, to remain GOD, to declare oneself a GOD, to be DEVIL, to feel like GOD.

«I felt like the **great GOD Thor**».

«Let it be emphasized here that, passionately fond as Rumfoord was of great spectacles, he never gave in to the temptation to **declare himself GOD** or something a whole lot like GOD».

Роль фразеологизмов с компонентами HELL, DEVIL, GOD, HEAVEN как семантических доминант языковой личности Курта Воннегута очень велика. Наибольший интерес представляют фразеологизмы с компонентом GOD.

Прежде всего, нужно отметить, что материалы нашей картотеки показывают, что их больше всего - (GOD (104), DEVIL (10), HEAVEN (44), HELL (65)), что составляет 46% от общего числа. Это можно объяснить следующим.

Воннегут тяготеет к разговорной речи, в которой по нашим наблюдениям фразеологические единицы с компонентом GOD употребляются активнее, чем с компонентами HEAVEN, HELL, DEVIL. Последние, как правило, входят в состав единиц устаревших и редко употребляются в современной английской речи.

По-видимому, в картине мира писателя понятие Бога занимает очень важное место. Именно Бог, а не дьявол правит в его художественном мире. Воннегут – писатель поколения «разорванного сознания», писатель поколе-

ния людей, выросших на рекламных слоганах и мыслящих картинками с экранов телевизоров, людей, чье сознание подменяет культура СМИ, чей мир – это пазл отрывочных знаний, чужих мнений и одиозных стандартов, поэтому не удивительно, что и проза Воннегута фрагментарна, многомерна, она тоже словно пазл, составлена из отрывков жизней, причудливых историй и бурлескных видений. Можно сказать, что Бог – это то, что держит этот хаотичный мир в гармонии и не позволяет ему разрушиться:

«GOD arranged things genetically, to keep the little families going, to cheer them up, so that they could all have somebody to tell stories around the campfire at night, and somebody else to paint pictures on the walls of the caves, and somebody else who wasn't afraid of anything and so on».

«I do solemnly swear that I will respect the sacred private property of others, and that I will be content with whatever station in life GOD Almighty may assign me to».

Многие критики говорят о выработавшемся «телеграфно-шизофреническом» стиле Воннегута. Анализ фразеологии также позволил зафиксировать легкий, бойкий, желчный и мрачный стиль автора. Но разве не таков сегодня мир, окружающий нас?

Список литературы

Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. - Л., 1963.

Жуков, В.П. О знаковости компонентов фразеологизма [Текст] / В.П. Жуков // Вопросы языкознания. – 1975. - № 6. - С. 36-46.

Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А.В. Кунин. – М., 1984.

Чепасова, А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов [Текст]: учебное пособие к спецкурсу / А.М. Чепасова. - Челябинск, 1983.

Шведова, Н.В. Фразеологизмы с компонентами «Бог» и «Черт» в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В.Шведова. – Тюмень, 2004.

Концепт «Любовь» в поэтической речи К.М. Симонова

Цель работы - выявить специфику вербализации концепта «Любовь» в поэтической речи Симонова на основе сравнения средств вербализации данного мыслительного образования в русской языковой картине мира и в индивидуальной картине мира писателя.

Для достижения поставленной цели мы решаем следующие задачи:

- рассмотреть особенности вербализации представлений о любви наиболее значимых в картине мира Симонова объектов;
- охарактеризовать индивидуальный концепт «Любовь» К.М. Симонова, связи этого когнитивного образования с другими частями концептосферы («Человек», «Общество», «Жизнь»).

Изучение концептов является одним из актуальных направлений в лингвистике последних лет. Об этом свидетельствуют теоретические исследования концепта (Алефиренко, Воркачев, Карасик, Попова, Стернин, Кошарная). Значительное количество работ посвящено описанию самих концептов (Ружицкий, Адамсон, Балущ, Чурилина, Воркачев, Кусов, Кубрякова, Шулежкова).

В 1997 г. был опубликован словарь концептов «Константы: Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова. Он содержит словарные статьи, только уже дает не значение лексемы в каждой из этих статей, а поясняет содержание одного из концептов («Любовь», «Грех, Блуд», «Человек» и др.). Однако, несмотря на интерес лингвистов к анализу концептов, в теории данного мыслительного образования остаётся немало нерешённых вопросов, касающихся соотношения концепта и понятия, включения в состав концепта образного элемента, наименования места нахождения концепта: концептосфера (Д.С. Лихачев, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкин), концептуальная картина мира (С.И. Драчева, Т.А. Голикова), языковая картина мира (О.В. Бычихина, И.А. Федюнина), ментальность (К.Ф. Алефиренко, В.В. Колесов), языковое сознание (В.И. Карасик).

Средства вербализации концепта «Любовь» образуют его базовую составляющую, которая формируется интегральным признаком «ценность», дифференциальными признаками «положительность» и «центральность»,

дополняемыми в случае любви - личностного чувства признаками немотивированности (выбора объекта) и его индивидуализированности.

Среди анализируемых средств обнаруживаются такие, которые составляют группу «энциклопедических» признаков концепта любви (они являются авторскими, характерными для миропонимания конкретного человека, то есть для К.М. Симонова).

Концепт «Любовь» мы будем рассматривать по отношению к двум объектам – женщине и родине. Два этих направления нашего исследования позволяют сделать следующие выводы.

Концепт «Любовь» в анализируемых произведениях К.М. Симонова вербализован 93 единицами, которые можно распределить по следующим группам.

Любовь к женщине:

1. Психологическая / поведенческая характеристика лирической героини (22 единицы):

Злую, ветреную, колючую,

Хоть ненадолго, да мою! [Симонов 1956 : 127]

С меня довольно нежной, тайной, той,

Что в дом ко мне неслышно приходила...[Симонов 1956 : 128]

Особенность этой группы в том, что характеристики лирической героини противоположны одна другой, уже в этом первая особенность вербализации концепта «Любовь» в лирике Симонова. Объект любви не идеализируется.

2. Вербализация происходит через контекст лексем «любовь», «любить» (19 единиц):

Ты говорила мне «люблю»,

Но это по ночам, сквозь зубы.

А утром горькое «терплю»

Едва удерживали губы. [Симонов 1956 : 134]

Лирический герой любит «по-настоящему»:

Чтоб, встретясь с ней взглядом

В бессонной тиши,

Любить в ней две рядом

Живущих души... [Симонов 1956 : 131]

Любовь лирических героев достаточно сложна, поэтому лексема «любить» реализуется в разных контекстах. Еще одна особенность вербализации концепта «Любовь» у Константина Симонова заключается в том, что нельзя однозначно определить взаимность/ невзаимность чувства героев:

Чтоб с теми, в темноте, во хмелю,

Не спутал прежними словами,

Ты вдруг сказала мне «люблю»

Почти спокойными губами. [Симонов 1956 : 135]

Причина такой перемены – «и вдруг война», на фоне которой чувство лирических героев развивается.

3. Отношения между лирическими героями (10 единиц):

За то, что я желал тебе и зла,

За то, что редко ты меня жалела,

За то, что, просьб не ждя моих, пришла

Ко мне в ту ночь, когда сама хотела... [Симонов 1956 : 73]

Складываются эти отношения не всегда идеально:

... Но до смешного, как урок,

Я, в чем была причина ссоры,

Пытался вспомнить и не мог. [Симонов 1956 : 149]

4. Близость лирической героини (7 единиц):

И отраженьем в ледяной воде

Твое лицо бы на меня смотрело. [Симонов 1956 : 41]

Вместе с тем, лирический герой Симонова понимает, что быть рядом с ним опасно, поэтому возможно выделение еще одной семантической группы.

5. Дистанцированность героев друг от друга (их разделяет война), 6 единиц.

В этой группе можно выделить две подгруппы:

- герой рад отдалению возлюбленной:

Я думал: слава богу, что

Ты так далеко от меня,

Что ты не слышишь этот гром,

Что ты не видишь этот ад,

Что где-то в городе другом

Есть тихий дом и сад... [Симонов 1956 : 58]

- лирический герой тяготится разлукой:

И этот год ты встретишь без меня...

...Но ты и этот год встречаешь без меня. [Симонов 1956 : 62]

6. Неизбежность (5 единиц). С одной стороны, - это невозможность для лирического героя убежать от своей любви:

Они кругом меня,

Куда ни кинусь я,

Все ты в мои глаза

Глядишь неумолимо... [Симонов 1956 : 162]

С другой стороны, - невозможность для лирической героини повлиять на ход событий, ожидание чего-то неизбежного:

И, на коленях разложив

Бессильные листочки писем,

Гадаешь: жив или не жив,

Как будто мы от них зависим. [Симонов 1956 : 164]

7. Отрицание лирического героя героиней и самим собой (5 единиц):

Не я тобою прощенный,

Не я тобою исканный... [Симонов 1956 : 127] Но, несмотря на это:

Я не прощусь с опасностью земною,

Чтоб в мирном небе мерзнуть, как они... [Симонов 1956 : 87]

8. Отождествление лирических героев (3 единицы):

Чтоб каждый час и каждый день

За мной ходила ты как тень.

Чтоб ты со мной делила хлеб,

Делила горести до слез,

Чтоб слепла ты, когда я слеп,

Чтоб мерзла ты, когда я мерз,

Чтоб страхом был твоим – мой страх,

Чтоб гневом был твоим – мой гнев... [Симонов 1956 : 99]

Любовь к родине

1. Соотнесение родины с женщиной, матерью (5 единиц):

За то, что на ней умереть мне завещано,

Что русская мать нас на свет родила,

Что, в бой провожая нас, русская женщина

По-русски три раза меня обняла. [Симонов 1956 : 77]

И вижу ее, накануне победы,

Не каменной, бронзовой, славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Все снесшей, все вынесшей русскою женщиной. [Симонов 1956 : 124]

2. Соотнесение всей страны с малой родиной (5 единиц):

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком. [Симонов 1956 : 78]
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть. Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать. [Симонов 1956 : 78]

3. Связь с «родным» как поддержка в тяжелые времена (5 единиц):

Но шут с ним, с новым всплеском грома,
С дождем, упавшим на кровать.
Мы целый вечер были дома, -
Теперь – хоть зиму зимовать! [Симонов 1956 : 123]
Лишь бы домом пахнуло, лишь бы речь
Дохнула русской акающей лаской.
Скажи, ты будешь эту ночь беречь,
Как матерью рассказанную сказку? [Симонов 1956 : 123]

4. Обращение к истории страны (2 единицы):

... И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси. [Симонов 1956 : 76]
Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих. [Симонов 1956 : 76]

Итак, на основании выделенных семантических групп мы можем сделать вывод, что для лирики К. Симонова характерны следующие «энциклопедические» признаки концепта любви:

- «неидеальность» объекта любви (когда речь идет о женщине);
- невозможность определить взаимность / невзаимность чувства;
- противоречивость в отношениях героев – близость лирической героини и ее удаленность;

- присутствие «судьбы» в отношениях;
- война как испытание для любви (заменяет собой разлуку);
- любовь к родине – любовь к женщине, матери;
- Родина – прежде всего малая родина.

Для всей поэтической речи Симонова характерна антиномия – «любовь-война». Она связана с дифференциальным признаком концепта «Любовь» - «положительность» (несоотнесенность этих понятий и их близость в поэтическом мире автора). Объясняется это желанием поэта подчеркнуть парадоксальность складывающейся ситуации, противопоставления войны и любви как двух состояний мира.

В концептосфере Симонова соотносятся такие концепты, как «Любовь», «Человек», «Жизнь», «Общество». Они пересекаются в связи с понятием смысла жизни и человеческого существования. Любовь как ценность (интегральный базовый признак концепта) является необходимой частью этого самого смысла для человека. Однако она воспринимается поэтом не только как межличностное чувство (это еще и любовь к родине), поэтому, кроме собственного благополучия и благополучия объекта любви, Симонову нужно еще и благополучие родины (мир). Таким образом, «энциклопедический» признак войны оказывает значительное влияние на интегральный и дифференциальные признаки, образующие концепт «Любовь» в лирике К.М. Симонова.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы:

- концепт как когнитивная единица является составной частью концептосферы, или концептуальной картины мира, и включает в себя вербализованную (языковой концепт) и невербализованную части. Вербализованная часть концепта может быть описана в ходе анализа различных источников (дающих информацию об инвариантном коллективно выработанном ядре концепта толковых, этимологических, фразеологических, словообразовательных, энциклопедических, ассоциативных словарей и паремнологических справочников), привлечения данных, полученных в результате проведения ассоциативного эксперимента, а также на основе анализа текстов, созданных определённой личностью.

- концепт предлагаем рассматривать как лингвокультурное понятие (вслед за Воркачевым).

- концепт «Любовь» представлен в поэтических текстах Симонова 19 лексемами «любить», «любовь», «любимый».

В большинстве же случаев этот концепт вербализуется не посредством данных лексем, а косвенно, посредством эпитетов, сравнений, олицетворений, метафор, перифраз и т.п.

Совокупность дефиниционных признаков концепта «Любовь» в поэтической речи К.М. Симонова формируется интегральным признаком «ценность», дифференциальными признаками «положительность» и «центральность», дополняемыми в случае любви - личностного чувства признаками немотивированности выбора объекта, его индивидуализированности.

Можно выделить следующие «энциклопедические» (свойственные только Симонову) признаки концепта «Любовь» в лирике поэта: «неидеальность» объекта любви (когда речь идет о женщине), невозможность определить взаимность / невзаимность чувства, верность, противоречивость в отношениях героев, присутствие «судьбы» в отношениях, война как испытание для любви (заменяет собой разлуку), любовь к родине – любовь к женщине, матери, Родина – прежде всего малая родина, «нужность», необходимость чего-то родного на чужбине.

Особенность вербализации концепта «Любовь» заключается также в необходимом для автора наличии такого признака в структуре концепта «Любовь», как «война», который оказывает значительное влияние на соотношение данного концепта с другими («Жизнь», «Человек», «Общество»). Любовь воспринимается поэтом не только как межличностное чувство (это еще и любовь к Родине), поэтому, кроме собственного благополучия и благополучия объекта любви, Симонову нужно еще и благополучие своей страны (мир).

В концептосфере Симонова соотносятся такие концепты, как «Любовь», «Человек», «Жизнь», «Общество». Они пересекаются в связи с понятием смысла жизни и человеческого существования. Любовь как ценность (интегральный базовый признак концепта) является необходимой частью этого самого смысла для человека.

Полевая схема концепта «Любовь» у К. Симонова может быть представлена в следующем виде:

Список литературы

Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры [Текст] / Н.Ф. Алифиренко. – М., 2002. – С.12-16.

Воркачев, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. – М., 2007. – С. 41-45, 48-54, 70-71 79-81, 124-126, 242-245.

Кошарная, С.А. Миф и язык [Текст] / С.А. Кошарная. – Белгород, 2002. – С.38-55.

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачёв // Известия РАН. Сер. Литература и язык. – М. 52. – 1993. - № 1. – С. 3-6.

Позерт, И.Н. «Души откровенный дневник» (о лирике К. Симонова) [Текст] / И.Н. Позерт // РЯШ. – 2003. - № 3. – С. 33-36.

Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001.

Источники и словари

Симонов, К. М. Лирика [Текст] / К.М. Симонов. - М., 1956. - С.29-72.

Симонов, К. М. Стихотворения. Поэмы [Текст] / К.М. Симонов. - М., 1985. - С. 125-180.

Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. - М., 1984.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 452 с.

Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика [Текст] / Т.В. Матвеева. – М., 2003. – С. 116-117, 383-384.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М., 2003.

Г.П. Левченко

Политкорректность в межкультурной коммуникации

«Политическая корректность» (Political correctness (PC)) представляет собой культурно-поведенческую и языковую тенденцию, зародившуюся в Соединенных Штатах Америки в конце 70-х - начале 80-х годов XX века и в той или иной мере распространившуюся во всем цивилизованном мире. Политкорректность выражается в стремлении найти способы языкового выражения взамен задевающих чувства и достоинства индивидуума, ущемляющих его человеческие права в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.

Исследователи этого феномена выделяют несколько направлений PC и соответственно языковых групп. Это лексика:

1) ориентированная на устранение межнациональных и социальных конфликтов в сложных политических ситуациях, военных действиях;

- 2) исключаящая расовую и этническую, культурную и религиозную дискриминацию;
- 3) смягчающая дискриминацию по половой принадлежности, созданная с целью повышения статуса женщины и исключения проявлений сексизма в языке;
- 4) социальная, возрастная РС, вуалирующая бедность, безработицу, непрестижность занятий, старость;
- 5) исключаящая дискриминацию по состоянию здоровья человека, его внешнему виду (болезни, физические недостатки, лукизм, сайсизм и др.).

Как проблема межкультурной коммуникации «политическая корректность» заслуживает особого внимания. Как донести до реципиента перевода, что информация на исходном языке окрашена РС, и следует ли передавать это вообще? В трансляции Euronews в комментарии на русском языке немецкое предложение «Professor Menke hat diese Ausstellung mit seinen Studentinnen| Studenten besucht» звучит как «Профессор Мэнке привел на выставку своих студентов и студенточек». В переводе явная ошибка. Должно быть: «Профессор Мэнке привел на выставку своих студентов». Даже нейтральные «студентки» в русскоязычном тексте были бы лишними. Русский язык в генерическом наименовании лиц использует лексемы мужского рода, нейтральные в отношении индивидуальных признаков человека (пола, возраста и т.д.). Ядерной доминантной семой выступает то качество человека, которое обуславливает его вхождение в данный класс, все остальные качества не являются различительными для членов класса [Аринштейн : 27-28].

О переводческих проблемах, трудностях межкультурной коммуникации, несовпадении языковых норм свидетельствует содержание нормативных лексикографических источников. Так, авторитетные словари русского языка толкуют слова типа брендового для политкорректности *негр* и сегодня без стилевых или эмоционально-экспрессивных помет. Следуя американским образцам (*negroes – non-whites/ colored/ blacks/ African Americans/ Afroamericans*), в русскоязычной действительности, вероятно, вместо *негр* стилистически нейтрально нужно употреблять *афророссиянин*, в немецкоязычной – *Afrodeutsche* и т.д. В сфере национальных взаимоотношений современный русский язык демонстрирует только попытки политкорректности, не всегда удачные. Так, сложно определить отношение к словосочетанию *лицо кавказ-*

ской национальности. Введенное как политкорректная лексема, в настоящее время оно вызывает множество возражений.

В некоторых обсуждаемых разделах в русском языке, тем не менее, сегодня наблюдаются возможности адекватной передачи информации. Обычно это случаи, восходящие не только к калькированию идеи западной политкорректности, но и имеющие корни в традиционной русской эвфемии. Толстый человек уже до провозглашения РС был назван *полным*, *урод* и *калека* именовались *инвалидами*. *Излишний вес*, *ограниченные возможности* и *преодоление трудностей из-за...* - лишь следующие ступени в эволюции слов с дискриминационными и оскорбительными смыслами.

Политкорректность хорошо ассимилировалась в социальной сфере. Так, если невозможно избежать упоминания о богатых, названных в немецком тексте «Besserverdienende» («лучше зарабатывающие», даже если они не работают вообще), используются словосочетания «хорошо обеспеченные» или «привилегированные слои населения». О бедности также лучше говорить завуалировано: американский английский для этого случая предлагает вместо «poor» (*бедный*) и «needy» (*нуждающийся*) политически корректные варианты «deprived» (*обездоленный*), «underprivileged» (*недопривилегированный*) и «disadvantaged» (*потерпевший ущерб*), русский в этом случае использует прилагательные «малообеспеченный», «малоимущий», «нуждающийся».

Altersheim /Altenwohnheim, реконструированное в политкорректное *Seniorenheim*, может быть переведено на русский язык уже не как *дом престарелых*, а как *дом ветеранов труда*. Напоминающие о социальной ущербности слова и словосочетания *пенсионер*, *пенсия*, *уйти на пенсию* заменяются эвфемизмами типа *ветеран труда*, *заслуженный отдых*, *уйти на заслуженный отдых*.

В названиях непрестижных профессий также наблюдается общая тенденция: русские *уборщицы*, названные *техническим персоналом*, который позднее под воздействием реальности превратился в *техничек*, сейчас именуются *клининговой службой*, *мастерами* или *менеджерами по чистоте*, что соответствует подобной эволюции немецкой *Putzfrau* в *Schönheitspflegerin*.

Особое место занимает лексика гендерной политкорректности. Немецкие *Bundeskanzlerin*, *Präsidentin*, *Bürgermeisterin*, *Dekanin*, *Dozentin* в соответствии с необходимостью передать политкорректный оттенок немецких

текстов следовало бы переводить как *бундесканцлерша, президентша, бюргермайстерша, деканша и доцентша*, подобрав суффикс маркер женского рода. Эту проблему можно попытаться решить аналитическим способом, используя лексемы, обозначающие лиц женского пола, например: *госпожа декан*. Если последний вариант вне контекста может в каких-либо случаях использоваться, то суффиксальные образования будут интерпретироваться как стилистически маркированные или с иным значением как наименования жен лиц, занимающих вышеуказанные должности. В контексте же суффикс-маркеры окажутся избыточными, так как эту функцию возьмет на себя грамматическое окружение: *Бундесканцлер сделала заявление... Декан приняла решение...*

В современном русском языке гендерно мотивированные антропонимы с аффиксальным показателем женского рода, даже соответствующие системной грамматической норме, по-прежнему остаются за пределами официально-делового стиля. Однако они востребованы и частотны в других стилях и жанрах современного русского литературного языка – в разговорной речи, в художественной литературе и публицистике [Саватеева : 13]. Таким образом, в большинстве случаев при переводе на русский язык наиболее приемлемым переводческим решением оказывается дать вариант перевода, который никак не отражает РС качеств исходного текста. В русском языке наименования лица, используемые в генерическом смысле, нейтральны в отношении пола, а также возраста, расовой или этнической принадлежности.

При переводе же с русского языка на язык, в котором политкорректность в этом направлении является нормой, необходимо руководствоваться принципом функциональной адекватности. Русское обращение *Дорогие читатели!* следует переводить на немецкий как *Liebe Leserinnen und Leser!* Если в исходном тексте соблюдены культурные и языковые нормы, то и в тексте перевода они должны соблюдаться.

По причине социокультурных различий в плане распространения политкорректности целесообразно использовать метод сопоставления семантических полей. В ассоциативные поля объединяются коннотативные реалии, которые вызывают национально-специфические ассоциации в сознании носителей языка, отличающиеся от ассоциаций, вызываемых теми же самыми словами в сознании носителей сопоставляемого языка. Кроме того, при переводе политкорректных текстов наиболее востребованными оказываются сле-

дующие переводческие приемы и методы: использование трансформационной модели перевода (добавления, опущения, замены, перестановки, синтаксические трансформации), а также калькирование, транскрибирование, транслитерация, описательный перевод, антонимический перевод, генерализация, конкретизация и контекстуально-описательный перевод.

Список литературы

Аринштейн, В.М. Движение за политическую корректность и его языковая политика [Текст] / В.М. Аринштейн // Языковая система и социокультурный контекст. – СПб., 1997.

Саватеева, Л.В. Идеи политкорректности и их воплощение в современном лингвориторическом пространстве (на материале русского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008.

С.В. Омельченко

Выражение условно-следственных отношений в сложносочинённом предложении (сравнительный аспект)

На синтаксическом уровне условно-следственные отношения наиболее полно и специализированно выражаются на уровне сложного предложения. Сложное предложение состоит не менее чем из двух предикативных единиц, одна из которых выражает пропозицию условия, а другая - пропозицию следствия, которые соотносятся с событиями реальной действительности и максимально ориентировано на выражение условно-следственных отношений.

Выделяемые внутри синтаксического ряда сложного предложения единицы – сложноподчинённое, сложносочинённое и бессоюзное сложное предложение – в разной степени специализированы на выражении условно-следственных отношений. В качестве доминирующего начала здесь выступает маркированность / немаркированность данной связи. Ядерной, доминантной единицей является сложноподчинённое предложение, поскольку именно в нём событие-условие и событие-следствие представлены развёрнутыми пропозициями, эти пропозиции маркированы. Условно-следственная связь передаётся наиболее адекватно и эксплицитно. В бессоюзном и сложносочи-

нённом предложениях эксплицированы также оба события, однако данные типы не располагают специальной системой маркеров. Отсутствие специализированных маркеров условно-следственной связи событий требует поэтому определённого порядка следования предикативных единиц. Возрастает и роль двучленной структуры предложения, используются средства «скрытой грамматики» - определённым образом организованной, типизированной лексики.

К сложносочинённым предложениям мы вслед за целым рядом исследователей относим конструкции с определённой долей автограмматичности и автосемантической частей, соединённые сочинительными союзами. Каждая из предикативных частей ССП является в достаточной мере самостоятельной и не требует своего продолжения другой предикативной единицей, между ними нет отношений определяемого и определяющего.

К сочинительным союзам, способным выразить условно-следственные отношения в русском языке, можно отнести союзы **и, а (иначе, или)**. Предложения с союзом «и», выражающие условно-следственные отношения, составляют особую группу в ряду типичных ССП с союзом «и», т.к. в них выражаются не сочинительные (противительные или распространительные), а подчинительные отношения условно-следственной обусловленности. Можно сказать, что предложения с союзом «и» и условно-следственными отношениями частей относятся к числу конструкций, располагающихся на периферии сочинения, для них характерна сочинительная структура и подчинительная семантика. Выражаемые данными предложениями подчинительные смысловые и логические отношения накладывают отпечаток и на структуру модели. Поэтому наряду с подлинно сочинительными свойствами (относительной автономностью и синтаксическим равноправием ПЕ, одинаковой степенью их формальной самостоятельности и одинаковыми функциями в составе СП) в составе ССП с союзом «и», выражающих условно-следственные отношения, можно отметить факторы, приближающие модель в целом к подчинительным конструкциям: закрытость и негибкость структуры, объяснительная интонация, союз «и», способствующий выражению условно-следственных отношений, соотношение видо-временных форм сказуемых пре- и постпозитивного компонента, при котором постпозитивная единица всегда называет событие, более позднее по времени своего осуществления.

Я покажу тебе свои фильмы, и ты поймёшь, что мне надо. [У СЛ, 67]

*Посмотришь – **и** обомлеешь. [А ЛС, 5]*

*Да и делаю я это так, для себя: на бумагу выплеснешь, **и** вроде душа меньше болит... [К А, 307]*

В немецком языке союз **und** также является средством связи частей сложносочинённого предложения и выражает противительные или распространительные отношения. Выражение условно-следственных отношений с помощью союза **und** возможно и в немецком языке, однако нужно отметить нетипичность использования этого союза в данной функции. Союзом **und** подчёркивается больше последовательность действий, а условие уходит на второй план.

*Wir müssen auf nichts mehr hinweisen, wir sehen zu, was sich immer wieder vor unseren Augen abspielt, **und** wir gewinnen eine ungeheure Befriedigung daraus... [EWH W, 376]*

*In einem besonders willensstarken Moment, jedenfalls stellt er sich das so vor, wirft er den Schlüssel aus dem Fenster, **und** die Vergangenheit ist endgültig ausgesperrt. [EWH W, 438]*

Достаточно распространённой моделью ССП с союзом «и» в русском языке и с союзом «und» в немецком являются предложения, сказуемое условной части которых имеет форму повелительного наклонения. Часть, содержащая глагол в форме повелительного наклонения, может находиться только в препозитивном положении.

*Спроси землю, **и** она укажет тебе, где они, куда положены. [С ПВ, 645]*

*Скажи «да», **и** я останусь... [У ИВШ, 82]*

*Дайте им побыть в мужской компании, поостыть, **и** тогда они снова примут цивилизованный облик, станут контролируемыми. [А ТГ, 165]*

*Будь моей, **и** я вознесу тебя на небывалые высоты! [А ЛС, 165]*

*Найдите их, ребятки, **и** вы доставите старику самую большую радость за эти годы... [К А, 537]*

*Geben Sie mir eine Minute, **und** ich mache Ihnen ein anständiges Parfüm daraus! [PS P, 109]*

*„Wilhelm ohne H“, sagte sie, „tu uns beiden einen Gefallen, **verwandel dich** in ein richtiges Bett, **und** ich komme rüber“ [BK S, 24]*

*Ändere dich **und** du wirst gesund. [EWH W, 121]*

*Lassen Sie der Ungerechtigkeit ihren Lauf, **und** Verzweiflung und Bitternis geben nach. [EWH W, 450]*

Однако во всех подобных сочинительных конструкциях как в русском, так и в немецком языке, от повелительного наклонения остаётся только форма. По сути своей в части, содержащей условный компонент и имеющей форму императива, преобладает характер сообщения, т.е. партнёру предлагается проверить на деле, испытать сообщаемое условие. Исследователи отмечают в данном случае квазиимперативный тип употребления формы повелительного наклонения, т.к. глагол в форме повелительного наклонения имеет в данных конструкциях значение изъявительного или сослагательного наклонения.

Выражаемое условие может быть как реальным, так и ирреальным. Реальность / ирреальность выражается с помощью форм индикатива или конъюнктива.

*Прорвёт она заслон, **и** ничто её уже не остановит. [А СС, 151]* (реальное условие)

*Ещё **бы** немного здесь поработал, **и** перемололи **бы** тебя, как меня в своё время... [К А, 54]* (ирреальное условие)

*Sie war kein Glühwürmchen, das man einmal anblasen musste **und** es flog in eine ganz andere Richtung. [EWH W, 148]* (реальное условие)

*Er **hätte** damals allerdings auch die zweite ihm offen stehende Möglichkeit ergreifen und schweigen und den Weg von der Geburt zum Tode ohne den Umweg über das Leben wählen zu können, **und** er **hätte** damit der Welt und sich selbst eine Menge Unheil sparen. [PS P, 28]* (ирреальное условие)

В условно-следственных ССП может присутствовать и субъективный фактор. Объективно обязательная условно-следственная связь между двумя ситуациями может быть представлена как необходимая (в случае уверенного знания) или как возможная (в случае неуверенного знания). Показателями уверенности / неуверенности субъекта в наступлении действия выступают модальные глаголы или специализированные лексические элементы. Такие предложения, как правило, выражают ирреальное условие.

*Переспала бы с Мишкой, **может, и** с Веником получше бы пошло! [У СЛ, 126]*

*Во-вторых, его самого **могли** при наблюдении «срисовать», **и** возникли бы неприятные вопросы. [К. А, 86]*

Ihr könnte auch alles fehlen, und es würde genauso wenig auffallen. [EWH W, 233]

Конструкции с союзами «а то», «не то», «иначе», «а не то», «или» и отношениями альтернативной мотивации также могут выражать условно-следственные отношения, осложнённые, однако, причинным характером.

*Извольте-ка прикусить язык, **не то** кликну часового да отправлю вас на гауптвахту за азартные игры в лагере. [А ТГ, 78]*

*Немедленно открывайте, **или** я прикажу подорвать дверь динамитом! [А ТГ, 190]*

*Да не забудь, **не то** худо будет. [А ЛС, 33]*

*Легайте, **не то** Ёшка вас стрелит. [А ЛС, 55]*

*А про тело писать мне больше не смейте, **иначе** переписке нашей конец. [А ЛС, 210]*

В следующем примере данный оттенок причинности выражен эксплицитно союзом «**потому что**», одновременно с которым употреблён и сочинительный союз **иначе**. Этот пример мы взяли только для иллюстрации утверждения, что условно-следственные ССП с союзом «иначе» и остальными из той же группы находятся на периферии ФСП условия, т.к. имеют наряду с условным причинный оттенок.

*И ему нельзя медлить не секунды, **потому что иначе** с Верой произойдёт то, что произошло с бабушкой... [У ИВШ, 105]*

Следует упомянуть и ССП с повторяющимся союзом «**или... или**», которые, конечно, находятся на самой периферии поля условия, но тем не менее способны выражать условно-следственные отношения, также осложнённые причинным оттенком. В данных конструкциях повторяющийся союз вносит в предложение «специфический модальный оттенок потенциальности».

*Ему предложена чёткая программа: **или** он согласится с ней, **или** подохнет сегодня же, как собака! [В ЕОП, 529]*

*Ещё через день Роман вернулся и орал на всю улицу, что **либо** жена вернётся, **либо** он опозорит её на весь город. [М ГТ, 118]*

*Вариантов, как выражается Егор Шубин может быть только два: **или** Леонтьев подставил её и, следовательно, он с самого начала знал, что документы фальшивые, **или** не знал и, следовательно, его тоже кто-то подставил. [У СН, 204]*

Или я тебя везу, или ты остаёшься у меня! [У СН, 258]

Ну-с, Варвара Андреевна, или стану героем почище Бонапарта, или сложу, наконец, свою дурную голову. [А ТГ, 174]

В немецком языке достаточно распространённым типом сложносочинённых предложений, способных выражать условно-следственные отношения, также являются предложения с сочинительным союзом «sonst».

*Der weiß es **nicht**, sonst wäre er hier. [BK S, 105]*

*Busche hat die Schultz **nicht** umgebracht, sonst hätte man die Seite bei ihm gefunden... [BK S, 217]*

*...auf der Pappelallee darf man in **keinem** Fall zu weit mit der Geschwindigkeit heruntergehen, sonst ist beim nächsten Schatten Endstation. [EWH W, 91]*

*Da müsse die Chemistry stimmen, sonst gehe gar **nicht**. [EWH W, 184]*

Альтернативная мотивация предполагает обязательное наличие отрицания в одной из частей, либо глагола, придающего высказыванию альтернативную семантику, что можно наблюдать в следующем примере:

*Aber du musst sie jetzt nach dem SkyDome fragen, sonst **verlernst** du deinen Beruf noch ganz! [EWH W, 299]*

Итак, сложносочинённые предложения не являются распространённым типом сложных предложений, выражающих условно-следственные отношения. Их количество невелико. Это касается как немецкого, так и русского языка. Для них характерна сочинительная структура, но подчинительная семантика. Сложносочинённые предложения с условно-следственными отношениями способны выражать реальное и ирреальное условие.

Список литературных источников и их сокращений:

А ЛС – Акунин, Б. Любовник смерти [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2002.

А СС – Акунин, Б. Статский советник [Текст] / Б. Акунин. - М.: Захаров, 2002.

А ТГ – Акунин, Б. Турецкий гамбит [Текст] / Б. Акунин. - М.: Захаров, 2002.

В ЕОП – Вайнер, А. А. Евангелие от палача [Текст] / А.А. Вайнер, Г.А. Вайнер. – М.: А / О Международная книга, West-East communication, Inc, N-Y, 1993.

К А – Константинов, А. Адвокат [Текст] / А. Константинов. – М.: Олма - Пресс; СПб.: Нева, 1999.

М ГТ – Маринина, А. Городской тариф [Текст] / А. Маринина. - М.: Эксмо, 2006.

С ПВ – Семёнов, Ю. Приказано выжить [Текст]/ Ю.Семёнов. Семнадцать мгновений весны. – М.: Эксмо-Пресс, 1997.

У ИВШ – Улицкая, Л. Искренне Ваш Шурик [Текст] / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2005.

У СЛ – Улицкая, Л. Сквозная линия [Текст] / Л. Улицкая. - М.: Эксмо, 2003.

У СН – Устинова, Т. Седьмое небо [Текст] / Т. Устинова. – М.: Эксмо, 2007.

ВК S – Kirchhoff, B. Schundroman / B. Kirchhoff. - Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, Frankfurt am Main, 2002.

ЕWH W - Händler, E.W. Wenn wir sterben / E.W. Händler. – Frankfurter Verlagsanstalt GmbH, Frankfurt am Main, 2002.

PS P - Süskind, P. Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. – Diogenes Verlag AG Zürich, 1985.

А.А. Пережогина, Н.С. Федотова

Лексико-грамматические средства выражения эмотивности (на материале французского и русского языков)

Проблема эмоций является одной из самых сложных как в психологии, так и в лингвистике. Вербальное представление чувств предполагает наличие в каждом языке специфической категории эмотивности, которая объединяет языковые средства на основе эмотивной функции. К.А. Долинин определяет эмотивность как выражение эмоций – субъективных реакций человека, его переживаний, возникающих под влиянием внешних факторов [Долинин : 320]. Эмотивность – это особый аспект содержания предложения. Ее выражение составляет особую грамматическую категорию, именуемую «категорией эмотивности», или «эмоциональным аспектом предложения» [Гак: 674].

В связи с рассмотрением понятия «категория эмотивности» возникает семантический вопрос об отличии значения эмотивности от смежного поня-

тия экспрессивности. Анализ лингвистических работ позволил выделить три основные позиции по этому вопросу.

В лингвистическом энциклопедическом словаре (далее ЛЭС) экспрессивность определяется как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения говорящего к содержанию или адресату речи» [ЛЭС : 591]. Составители словаря полагают, что категории экспрессивности и эмотивности отождествляются. О равнозначности понятий эмотивности и экспрессивности говорит французский грамматист Ж.Дюбуа: «On donne parfois le nom de fonction émotive à la fonction expressive du langage» (Иногда экспрессивную функцию называют эмотивной функцией речи (перевод автора)) [Dubois : 176].

В ряде лингвистических работ понятия эмотивности и экспрессивности рассматриваются как часть и целое: эмотивность есть одно из средств выражения экспрессивности (В.Г. Гак, М.В.Тарасова). Кроме того, В.Г. Гак соотносит с этими сложными понятиями категорию оценки, которая «может быть лишена эмотивности, но может и сопровождаться выражением чувств» [Гак : 675].

Другие языковеды считают, что эти категории являются самостоятельными и выполняют различные функции. Так, В.И. Шиловский отмечает, что эмотивность и экспрессивность – это две равноправные, но не тождественные категории. Экспрессивность связана с «представлением», усиливающим воздействие и силу высказывания, а эмотивность связана с чувствами и ощущениями [Шиловский : 54]. К.А. Долинин отмечает: «Экспрессивность относится к стилистическому значению языковой единицы, но не является таким же его компонентом, как эмотивность, поскольку сама по себе не несет информацию о субъекте речи, а лишь определяет характер и интенсивность восприятия...» [Долинин : 120].

Авторы французских словарей *Le Nouveau Petit Robert* и *Le Petit Larousse* придерживаются аналогичной точки зрения. «Emotivité – capacité de réagir par des émotions. Un des éléments essentiels du caractère » (Эмотивность – способность реагировать через эмоции. Одна из составляющих частей характера (перевод автора)) [*Le Nouveau Petit Robert* : 744]. Функция экспрессивности – убедить собеседника: «On appelle fonction expressive la fonction du langage par laquelle on tente de persuader le locuteur » [*Le Petit Larousse* : 413].

На наш взгляд, последняя позиция является наиболее убедительной. Дифференциация категорий экспрессивности и эмотивности основана на их различной природе: эмотивность связана с выражением чувств и эмоций, а экспрессивность – с интенсивностью и намерением убедить собеседника. Хотя на практике очень много примеров, где эмотивные средства являются одновременно экспрессивными, все же функции этих категорий различны. Положение о различной природе категорий эмотивности и экспрессивности легло в основу дальнейшей работы по выявлению и сопоставлению средств выражения эмоций во французском и русском языках.

В каждом языке существует особый способ реализации эмотивности, именуемый «эмотивным кодом». Это особый набор средств, от фонологических до структурных, передающий всю гамму чувств, переживаний [Шаховский : 68]. В связи с этим, совокупность языковых средств можно рассматривать как функционально-семантическое поле, ядро которого составляют системно-языковые единицы (лексические эмотивы), периферию – речевые средства передачи эмоций (фонетико-интонационные, морфологические, синтаксические и др.), невербальные (жесты, мимика, пантомимика) [Морозов : 11].

Таким образом, категория эмотивности может быть выражена различными средствами. Мы ограничились изучением лексико-грамматических средств выражения эмоций в разговорном французском и русском языках.

На основе анализа лингвистических работ французских и русских авторов (Ш. Балли, Н.В. Белик, К.А. Долинин, Р.С. Сакиева, И.П. Тарасова, J.-Ch.Pellat-René, M. Riegel) были выделены следующие лексико-грамматические средства выражения эмотивности во французском языке:

1. Лексические средства:

- употребление междометий и восклицателей типа *que, combien, comme, quel*;

- употребление аффективной лексики.

2. Грамматические средства (синтаксис):

- риторический вопрос;

- инверсия подлежащего;

- эллиптические конструкции;

- эмфатические конструкции;

- повтор.

Проанализировав работы русистов Г.Н. Акимовой, Б.И. Додонова, Д.Э. Розенталь, Т.Н. Синеоковой, А.П. Сковородникова и др., мы выделили следующие лексико-грамматические средства выражения эмотивности в русском языке:

1. Лексические средства:

- использование аффективной лексики;
- употребление в речи паронимов, однокоренных слов;
- употребление различных экскламаторов (междометий: ох, ах, эх; восклицательных частиц: как, какой, что за, вот как, же, ну и др.).

2. Грамматические средства (синтаксис):

- парцелированные конструкции;
- сегментированные конструкции;
- повтор;
- эмфатический порядок слов;
- цепочки номинативных предложений;
- вставные конструкции;
- вопросно-ответные конструкции и риторический вопрос;
- эллипсис и усечение.

Более подробное рассмотрение и сопоставление перечисленных выше средств показало общее и особенности в их употреблении во французском и русском языках.

Оба языка характеризуются разнообразием средств выражения эмотивности.

Среди лексических средств выражения эмотивности существенных расхождений нет. И французские, и русские лингвисты основными лексическими средствами называют употребление содержательной аффективной лексики, выражающей и передающей те или иные чувства и эмоции, а также разнообразных междометий, экскламаторов и специальных слов, выражающих определенные эмоции, но не передающих их содержание вне контекста, ситуации. Так, например, прилагательное «ужасный – affreux» само по себе выражает негативные эмоции. А междометие «ах – ah» в разных ситуациях может выражать разные эмоции – испуг, удивление, радость и т.д.

К лексическим средствам выражения эмотивности в русском языке лингвисты относят употребление паронимов и однокоренных слов в одном высказывании. Например, использование в речи слов-паронимов служит для

выражения насмешки, скрытой иронии или просто хорошего настроения у собеседника: «Он учится в школе с математическим наклоном. – С наклоном куда?» [Розенталь : 371]. Можно предположить, что аналогичное средство есть и во французском языке, но о нем не упоминается в рассмотренных нами работах.

Синтаксические средства обоих языков характеризуются бóльшим разнообразием. Многие синтаксические средства совпадают во французском и русском языках (риторический вопрос, эллипсис, сегментированные конструкции, повтор, инверсия в предложении), однако внутри синтаксических средств двух языков наблюдаются качественные различия:

1. Эллиптические конструкции различаются по отсутствующему члену предложения (в русском языке чаще всего – подлежащее, что крайне редко встречается во французском языке).

2. Романисты и русисты по-разному рассматривают и определяют виды риторического вопроса. Во французском языке – риторический вопрос, выражающий чувства говорящего и риторический вопрос, оказывающий воздействие на слушающего. В русском языке – подвиды риторического вопроса: утвердительные и отрицательные вопросительно-риторические предложения.

3. Во французском языке эмотивным считается инверсия подлежащего, тогда как в русском – инверсия всего предложения.

О некоторых средствах говорится только в работах русистов относительно русского языка (вставные конструкции, цепочки номинативных предложений). Подобные фигуры имеют место и во французском языке, но не рассматриваются в работах романистов в качестве средств выражения эмотивности в разговорной речи. Кроме того, только в русских источниках мы встретили понятие «антиэллипсис», которое представляет собой избыточные эмоционально окрашенные элементы в предложении [Сковородников : 24].

Практическая часть исследования основана на сопоставительном анализе лексико-грамматических средств выражения эмотивности на примерах из романа французского писателя Э. Базена «Змея в кулаке» и его перевода на русский язык. Выбор романа не случаен. Роман пронизан страстной ненавистью к буржуазному семейному укладу с его деспотизмом и алчностью, с его атмосферой унижения и привычкой попираť человеческое достоинство. В основе романа конфликт между тираншей-матерью и вольнолюбивым сыном,

рвущим все отношения со своим классом. В своем произведении автор стремится показать характер главных героев, их душевное и эмоциональное состояние. Речь героев романа выразительна, эмоциональна. Об этом свидетельствует тот факт, что практически каждое второе диалогическое высказывание является эмоциональным.

Нами было изучено 259 реплик, из которых выбрано 133 эмотивных предложения во французском варианте романа и 134 эмотивных предложения в его переводе на русский язык. Далее были проанализированы и сопоставлены лексико-грамматические средства выражения эмотивности, имеющие место в данных примерах.

Анализ показал, что во французском и русском вариантах романа большую часть составляют синтаксические средства выражения эмотивности (67,7% во французском тексте романа и 72,2% - в русском), из которых основным средством является риторический вопрос (44,4% во французском и 42,7% в русском тексте). В русском варианте романа больше распространены эллиптические конструкции (15,6%), тогда как в этих же предложениях французского текста эмотивность чаще выражена эмфатическими конструкциями и повтором (16,7% и 17,8% соответственно). Для французского варианта романа характерна инверсия подлежащего (10%), в русском - это обратный порядок слов и сегментация (8,3% и 11,5% соответственно).

Что касается лексических средств выражения эмотивности, то во французском тексте преобладают разнообразные восклицатели (21,8%), а для русского текста больше характерно использование аффективной лексики (14,3%). Употребление паронимов и однокоренных слов (лексическое средство выражения эмотивности, выделяемое только в русском языке), было обнаружено только в трех предложениях.

Список литературы

Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка [Текст]: учеб. пособие / Г.Н. Акимова. - М.: Высш.шк., 1990. - 168 с.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. - М.: Изд-во иностр. лит., 1955. - 416 с.

Белик, Н.В. Риторический вопрос в современном французском разговорном языке [Текст] / Н.В. Белик. - Орел, 1993. - 232 с.

Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.

Додонов, Б.И. В мире эмоций [Текст] / Б.И. Додонов. – Киев: Полит. изд-во Украины, 1987. – 344 с.

Долинин, К.А. Стилистика французского языка [Текст]: учебное пособие для студентов фак. и пед. ин-тов иностр.яз. / К.А. Долинин. – Л.: Просвещение, 1978. – 344 с.

Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

Морозов, В.П. Акустический язык эмоций в жизни и науке [Текст] / В.П. Морозов // Язык эмоций, мозг и компьютер. – М.: Знание, 1989. – С. 3-18.

Розенталь, Д.Э. Русский язык и культура речи [Текст] / Д.Э.Розенталь. – М.: Просвещение, 1995. – 587 с.

Сакиева, Р.С. Немецкий язык. Эмоциональная разговорная речь [Текст]: учебное пособие / Р.С. Сакиева. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.

Синеокова, Т.Н. Парадигматический подход к изучению синтаксических особенностей речи в состоянии эмоционального напряжения [Текст] / Т.Н. Синеокова // Филологические науки. – 2003. - № 5. – С.68-75.

Сковородников, А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка [Текст] / А.П. Сковородников. – Томск, 1981. – 459 с.

Тарасова, И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие [Текст] / И.П. Тарасова // Вопросы языкознания. – 1993. - №5. – С.70-82.

Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания [Текст]: учебное пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский. – Волгоград: ВГПИ, 1988. – 96 с.

Шиловский, В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий стилистики [Текст] / В.И. Шиловский. – Рязань, 1975. – 175 с.

Dubois, J. Dictionnaire de linguistique / J.Dubois. – Paris: Larousse-Bordasse, 1994. – 514 p.

Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / A.Rey, J.Rey-Debove. – Paris: Société du nouveau littré, 1996. – 2551 p.

Le Petit Larousse / Larousse. Paris: Larousse Bordas, 1997. – 1870 p.

Riegel, M. Grammaire méthodique du français / M.Riegel, J.Ch.Pellat-René Rioul. – Paris: Quadrige, 2001. – 709 p.

Н.М. Ротанова

Речевые средства манипуляции в агитационных текстах (на материале предвыборной кампании в Курганской области)

Одним из основных признаков демократии как типа политического устройства государства является выборная власть, поэтому население страны время от времени становится электоратом, то есть избирателями. Политики в борьбе за голоса граждан выступают в роли ораторов, кроме того, на них работают журналисты и политтехнологи, которые организуют и осуществляют пиар-акции в поддержку того или иного политика.

Большинство населения не может осуществить политический выбор на основе собственных интересов, рациональной оценки программ определенных политических партий. Значительная часть избирателей прежде всего учитывает степень доверия/недоверия к конкретным лидерам и организациям, а степень эта зависит, как правило, от эмоционального восприятия полученной через СМИ информации. Именно эмоциональное состояние общества, стереотипы людей являются главной мишенью для политиков-манипуляторов.

Манипулятивные речевые стратегии в качестве первого коммуникативного хода предполагают создание манипулятором собственного образа как единомышленника (т.е. первый шаг производится в рамках аксиологических коррелятов «свой – чужой»). Создавая определенным подбором лексических средств языка смысл «я тебе свой», политик-манипулятор внедряется в сознание избирателя через представление людей о «своих»: своих не надо опасаться, они хотят нам добра, готовы оказать помощь, они так же воспринимают мир и т.п.

Смысл «свой» имплицитно представлен уже в обращении к избирателю, которым начинаются многие агитационные тексты: «Дорогие друзья!», или «Уважаемые земляки!», или «Дорогие товарищи!». При удачном, убедительном внедрении смысла «я свой» в сознание избирателя манипулятор может делать следующий коммуникативный ход.

Итак, рассмотрим конкретные примеры использования лексических маркеров речевой манипуляции в политических агитационных текстах, которые использовались политиками в предвыборной кампании в Курганской области. Наиболее частотное средство для создания смысла «я свой» – местоимение «мы».

Мы можем жить лучше! Мы будем жить лучше! (Родное Зауралье. И.А. Камшилов). *У нас общая цель и одна цель – величие России!* (Листовка «Единой России»).

Такое объединение оратором себя и избирателей позволяет ему сказать: мы с вами хотим одного и того же («жить лучше», сделать страну великой державой), я иду во власть, чтобы осуществить это наше желание («у нас общая цель»), я могу это сделать («будем жить лучше»). Кандидат в депутаты, таким образом, предлагает себя как средство осуществления желания, а способ получения этого «средства» для избирателя один – голосуй за данного кандидата. В приведенном примере используется лексический повтор – одна из фигур прибавления: навязчивому, повторяющемуся чувству соответствуют повторяющиеся слова («жить лучше»). Внушение поддерживается убеждением, т.е. указанием на причинно-следственную зависимость фактов: «мы можем жить лучше», следовательно, «мы будем жить лучше».

Я уверен: вместе мы добьемся, чтобы просторы нашей области вновь радовали глаз золотом пшеницы, а не нагоняли тоску по лучшим временам пустотой и зарослями бурьяна (П.И. Назаров. Буклет «Будем созидать вместе»).

Манипулятором эксплуатируется один из законов общения – закон ближнего круга: степень моего доверия к мнению собеседника прямо пропорциональна степени его социальной близости ко мне. В приведенном примере «работают» несколько маркеров манипулятивного речевого воздействия, кроме указанного – «мы». Во-первых, смысл местоимения «мы» усили-

вается наречием «вместе»^{*}; во-вторых, социальная близость избирателей и кандидата утверждается через указание на земляческие отношения («просторы *нашей* области»). В-третьих, оратор обращается к чувствам избирателя, учитывая, что наши стереотипы наполнены предпочтениями, приятностью и неприятностью, ассоциируются со страхами, желаниями, влечениями, гордостью, надеждой. Кандидат предлагает свои усилия, чтобы избавить земляков от душевной тревоги, вызванной запустением, разрухой («нагоняли тоску <...> пустотой и зарослями бурьяна»), чтобы вернуть согражданам ощущение уверенности в завтрашнем дне. Делается это использованием газетного клише советского периода («просторы <...> радовали глаз золотом пшеницы»). Через противопоставление «золото – бурьян» манипулятор активизирует в сознании воспринимающего корреляты «хорошо – плохо»: в советское время сельское хозяйство процветало, а сейчас в упадке. Используется распространенное мнение зауральцев о состоянии сельского хозяйства в Курганской области, уверенность в завтрашнем дне манипулятор предлагает искать в дне вчерашнем («добьёмся, чтобы просторы нашей области *вновь* радовали глаз *золотом пшеницы*»), из чего можно заключить, что его речь адресована старшему поколению и молодым приверженцам социалистических идей. Рекламируя себя как средство решения проблемы, кандидат формирует положительную эмоцию, которая должна ассоциироваться в сознании избирателя с личностью данного политика. Усиливает впечатление его категоричное «я уверен».

Установки ближнего круга общения для человека всегда весомее и сильнее, чем нормы отстоящих сообществ, включая и общество в целом. Люди охотнее воспринимают «своего»: мы больше доверяем тому, кто нам социально близок. Для того, чтобы эффективно воздействовать на человека, надо, чтобы то или иное мнение высказал социально близкий ему человек или хотя бы человек, выглядящий как социально близкий, что обычно стараются делать политики, создавая имидж «своего» для той или иной категории потенциальных избирателей.

Первоочередная наша задача – сохранение и развитие сельского хозяйства, ведь более половины жителей Курганской области живут в сельской

* Этот усилитель смысла «я свой» используется П. Назаровым уже в названии буклета, где местоимение «мы» заменяет форма глагола «будем»

местности. *Мы можем и должны вернуть Зауралью славу аграрного лидера в Уральском федеральном округе!* (П.И. Назаров. Буклет с биографией «Будем созидать вместе»).

В этом примере оратор демонстрирует заботу о большинстве своих избирателей – это сельское население, поэтому «первоочередной» провозглашается задача «сохранения и развития сельского хозяйства». В основе популизма всегда лежат заманчивые обещания. Для советского человека (а Петр Назаров свой электорат, не без оснований, воспринимает как носителей советских стереотипов) «светлое будущее» – привычная, понятная, хотя и недостижимая цель. Объединяя себя с избирателями («мы можем и должны»), манипулятор вновь предлагает дорогу в «светлое будущее» («развитие сельского хозяйства») через день вчерашний («вернуть Зауралью славу аграрного лидера»). Объединяя себя с избирателями, П.И. Назаров манипулирует социальными установками граждан. Для любого человека очень важным являются отношения «я – общество – я в обществе». Кандидат как бы включает избирателя в группу лидеров, профессионалов, указывает на его особое место в иерархии. При этом завуалированным остается смысл прилагательного «должны»: на этапе агитации именно кандидат (в данном случае на должность губернатора области) обязуется выполнить свой долг перед гражданами, однако Петр Назаров говорит от имени народа и предлагает избирателям выполнить свой долг, фактически требуя «отдать должное» ему, кандидату. Другими словами, имплицитно предлагается проголосовать за кандидата и, кроме того, разделить с ним ответственность в будущем за его деятельность на посту губернатора. Это не настораживает избирателя, потому что заявлены благие цели – «вернуть Зауралью славу аграрного лидера». Как уже говорилось, оратор манипулирует социальными установками человека, такими, как самооценка, самоутверждение, общественное мнение.

Создавая смысл «свой», кандидаты на место во властных структурах нередко берут на вооружение такой прием, как популизм. В агитационных материалах П.И. Назарова этот прием достаточно часто используется, он указывает на популизм как стиль поведения кандидата. Например, в буклете «Будем созидать вместе», рассказывая избирателям о себе, Петр Назаров стилизует письменную речь под разговорную: используются неполные предложения и просторечная лексика (крутить баранку – *прост.* водить машину, быть водителем [МАС, П : 139]). Создается впечатление непосредственной

беседы кандидата с избирателями, причем в понятной речевой манере, привычной для потенциального электората П.И. Назарова – сельских жителей:

Моя «малая родина» - Целинный район (я родился в селе Половинном). Школу закончил в селе Сумки Половинского района. После учебы работал шофером, потом ушел в армию, а после снова продолжил «крутить ба-ранку» в совхозе «Комсомольский» (П.И. Назаров. Будем созидать вместе).

Чтобы подчеркнуть, что он социально близок своим избирателям, говорящий акцентирует их внимание на том, что он родился, учился и долгое время работал в селе. Делается это через использование позиционного способа выражения логического ударения: информация о том, что кандидат по сути «человек сельский», а значит, «свой», находится в конце предложения. В письменной речи именно конечная позиция придает слову логическое ударение.

Таким образом, основными маркерами манипуляции в приведенных примерах являются слова-стимулы, активирующие в сознании избирателя ту часть системы стереотипов, которая связана с положительной оценкой советского периода жизни народа; создавая образ себя как единомышленника, как «своего», манипулятор использует местоимение «мы», смысл единения с избирателями подчеркивается словом «вместе». Однако, говоря от имени народа, кандидат поступает как нечестный оратор, так как, манипулируя социальными установками, перекладывает ответственность за свои решения на избирателей.

«Один в поле не воин», - гласит народная мудрость. Без команды сильных опытных помощников руководителю, согласитесь, трудно вытаскивать регион из нищеты и вечного упадка (последние годы жизни Зауралья наглядно свидетельствуют об этом) (П.И. Назаров. Будем созидать вместе).

Каждый человек имеет собственные представления о мире и его законах. Знания, навыки, опыт, эмоции и ощущения постепенно складываются в единую картину действительности, в своей объективной основе совпадающую с общепринятой, но, безусловно, различающуюся субъективными личностными оценками (т.е. фактически мы имеем дело с интерпретацией объективной картины мира). Это позволяет политику-манипулятору создавать свои «версии мира», его эмоционально-оценочные образы, и выдавать их за реальные. Манипулятор выстраивает собственный образ части действитель-

ности, подавая его целевой аудитории как объективный факт, для чего используются высказывания в форме мудрых мыслей (в том числе народной мудрости: *один в поле не воин*), афоризмов, безапелляционных заявлений («последние годы жизни Зауралья *наглядно свидетельствуют* об этом»). Наглядно, т.е. убедительно, совершенно очевидно из непосредственного наблюдения [МАС, II : 337]. Действительно, плохое бросается в глаза, так как хорошее в сознании человека – это норма, то, как должно быть. «Очевидно» означает «бесспорно, не требует доказательств своей истинности; то, что легко обнаружить» [МАС, II : 732]. Хорошее нужно предъявить, а плохое само себя показывает. Но не бывает всё плохо, хотя бы что-то хорошее делает любая власть. П.И. Назаров, оценивая деятельность О.А. Богомолова на посту губернатора Курганской области, говорит только о плохом, причем выбирает слова, подчеркивающие категоричность его оценок: нищета (*крайняя бедность* [МАС, II : 503]), *вечный упадок* (вечный – *никогда* не прекращающийся; сохраняющий свое действие, значение на всё время существования кого-, чего-либо; бессрочный [МАС, I : 160]). Категоричные отрицательные оценки конкурента противопоставлены имплицитно выраженным положительным оценкам кандидата. Во-первых, позитивная характеристика его содержится в описании «команды»: сильные, опытные помощники. Как говорится, скажи мне, кто твой друг... Во-вторых, наречие «трудновато» (за счет суффикса -оват-) в приведенном контексте создает смысл «сложно, но возможно»... и без команды помощников кандидат способен «вытащить регион из нищеты и вечного упадка». Положительная оценка усиливается из-за того, что противопоставлена в данном случае усиленной отрицательной оценке.

Любой человек в течение жизни усваивает систему ценностей, принятых в обществе, и на ее основе выстраивает свою. Политическая реклама активно использует различные ценностные установки. В приведенном выше примере активируются такие ценностные установки, как стремление к лучшей жизни («вытащить регион из нищеты»), гарантия и надежность («сильных, опытных помощников»).

В последних двух примерах, кроме того, использовано одно из сильных языковых средств манипулирования – скрытое сравнение. В политической рекламе явные (открытые) сравнения с конкурентами нежелательны, т.к. могут насторожить думающего избирателя, дать обратный эффект.

В предвыборной агитации в Курганской области такой прием, как популизм, используется часто (например, в агитационных материалах П.И. Назарова). Область считается аграрной, большинство населения – сельские жители, от их голосов зависит, кто будет управлять Зауральем, поэтому социальная близость избирателям подчеркивается описанием ценностей, понятных сельским жителям, понятны и слова, которые использует в своей речи кандидат.

Я родился в селе, и поэтому для меня счастье – это то, что родит земля, еще стада здоровой, сильной скотины (Геннадий Алибеков. Буклет «Я родился в селе»: очерк).

Счастье – состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости [МАС, IV : 320]. Безусловно, кандидат обращается прежде всего к своим землякам (Г. Алибеков баллотировался в областную думу от Звериноголовского района): именно у сельских жителей могут найти отклик в душе слова, характеризующие счастье как «стада здоровой, сильной скотины». Городской житель, пожалуй, «скотину» назовет «домашними животными», по крайней мере, для горожан более привычно прозвучало бы слово «скот» (крупный рогатый скот, например). Для любого человека счастье – это своего рода мера жизни. Давая определение «собственного» счастья, Алибеков уверен, что его земляки (вообще сельские жители) счастье понимают так же. Но это не просто определение понятия, описание чувства или призыв разделить с ним это чувство, это обещание воплотить мечту о счастье для зауральцев-аграриев (срабатывает закон ближнего круга).

Смысл «свой» может создаваться и использованием других местоимений – «ты», «мой». Его употребление в агитационной речи создает впечатление разговора с другом, хорошим знакомым, сокращается дистанция в общении кандидата и избирателя. Близким людям принято доверять – таковы стереотипы. Другими словами, мы доверяем тем, кого считаем близкими, следовательно, если кандидат «считает нас близкими ему людьми», то он нам доверяет, а мы не можем обмануть его доверие.

ЛДПР с тобой! (Лозунг либерально-демократической партии России).

Срабатывает «закон зеркального восприятия»: отправитель высказывания говорит – «с тобой», получатель воспринимает – «со мной», т.е. воспринимает как собственные слова, поэтому не доверять (себе), сомневаться нет необходимости. Кроме того, фамильярность в обращении к электорату, свой-

ственная некоторым политикам, используется, как уже говорилось, для создания образа манипулятора как «своего».

*Сегодня подлизы губернатора обложили меня, как загнанного волка, красными флажками. Но ни с чем останутся политические охотники, если вы, **мои** избиратели, скажете мне «да». <...> 24 марта **мы** должны найти друг друга, **мой** избиратель, я тебе верю!* (А. Иванов. Листовка «Правда – ложь избиркома»).

Основным средством манипуляции в приведенном примере являются местоимения. Кроме того, имплицитно выражен призыв проголосовать именно за данного кандидата и надежда на это («мы должны найти друг друга»). Предикатив «должны» (употребляется для выражения предположения с оттенком обязательности [МАС, I : 423]) помещен в такой контекст, что избиратель связывает его не столько с собой (я должен), сколько с кандидатом (он должен), что в ситуации выборов кажется избирателю правильным. На самом деле это императив, смягченный фамильярным «ты» и комплиментом в адрес избирателя («я тебе верю»): верить – быть уверенным в достоинствах, положительных качествах кого-либо, считать кого-либо способным оправдать ожидания, надежды [МАС, I : 150].

Наши с тобой родители, заслуженные ветераны, пенсионеры, не живут, а доживают свой век, униженные и оскорбленные мизерной пенсией, недоступностью лекарств, недостаточностью медицинского обслуживания... (А.А. Кутенин. Листовка кандидата от КПРФ).

Оратор намеренно нагнетает отрицательные эмоции путем использования оценочной лексики, противопоставляя положительную оценку («заслуженные ветераны, пенсионеры») отрицательной («доживают свой век, униженные и оскорбленные...»). Отношение к действующей власти моделируется через отрицательную эмоцию, которая и выражается, и усиливается за счет оценочной лексики и аллюзии («Униженные и оскорбленные» – роман Ф.М. Достоевского).

В значении многих слов имеется эмоциональная составляющая, и посредством выбора таких слов можно оказывать сильное эмоциональное воздействие (особенно если оно дополняется другими средствами воздействия). Эмоции сильнее логических рассуждений, они непосредственно влияют на сознание манипулируемого, их легче смоделировать. Формирование эмоции в агитационных текстах рассчитано на определенную социальную и/или воз-

растную группу. В России до сих пор самой активной электоральной аудиторией являются пенсионеры и люди старше 45-50 лет. Для них всё ещё значимыми являются ценности советского периода, поэтому политик-манипулятор в своей речи выражает положительную оценку того, что является достоинством (это их «хочу») для названной группы; эмоция со знаком плюс противопоставляется обычно отрицательной оценке того, что не приемлет потенциальный избиратель данного кандидата.

О том, что к прошлому нельзя относиться легкомысленно, Алексей задумался еще в 4 классе, когда учительница сожгла свой партбилет, а пионерскую организацию и комсомол упразднили «за ненадобностью». Потрясение всей страны года 91-го одиннадцатилетний «пионер» Алёша воспринял как личную обиду. Он не выбросил, как другие, свой значок-звёздочку, детским сердцем чувствуя: нельзя предавать то, во что веришь (Алексей Гудков. Биографическая листовка «Энергия молодости, опыт поколения»).

Любой человек в течение жизни усваивает систему ценностей, принятых в обществе, и на её основе выстраивает свою. Агитатор активно использует различные ценностные установки, обращаясь или к общественно-идеальным ценностям (любовь к ближнему, стремление к лучшей жизни, свобода, нравственность, справедливость, патриотизм, гражданские права и др.), или к индивидуально-материальным (экономия, выгода, польза, прибыль, эффективность, гарантия, надежность, защита). В приведенном выше фрагменте листовки А. Гудкова активируются ценностные установки разного уровня – и индивидуальные, и общественные. Но все они ассоциативно связывают реципиента с представлениями о нравственном в социалистической, советской России, недаром использовано столько концептуально значимых для советских людей понятий: партбилет, пионер, пионерская организация, комсомол, значок-звёздочка. Именно советский период истории назван «прошлым», к которому, по мнению говорящего, «нельзя относиться легкомысленно» (легкомысленно – необдуманно, несерьезно [МАС, II : 170]). Другими словами, высказывается мысль, что россияне напрасно, не просчитав последствий, отказались от прежних ценностей, причем автором листовки не случайно в связи с этим упоминается учительница («сожгла свой партбилет»). Когда-то Лев Толстой сказал, что всё воспитание в примере нашей жизни, которой всегда подражает ребенок. Учитель по долгу службы обязан подавать пример нравственного поведения и «не предавать то, во что ве-

ришь». Противопоставляя «пионера Алешу» всем тем, кто с легкостью отказался от социалистических ценностей («пионерскую организацию и комсомол упразднили “за ненужностью”»), манипулятор внушает избирателю, что кандидат – человек вдумчивый, серьезный, а значит, способный принимать верные и правильные с точки зрения общечеловеческой морали решения. Имплицитно обозначено и такое качество кандидата, как ответственность: события 91-го года, расколовшие страну на два лагеря и одновременно сплотившие людей внутри каждой группы, кандидат оценивает от своего имени. «Потрясение всей страны <...> воспринял как *личную* обиду <...> не выбросил, *как другие*, свой значок-звездочку» – герой биографической листовки как бы противопоставляется легкомысленной, безответственной массе, которая слепо идет за своими вожаками. Другими словами, он не ведомый, Алексей Гудков сам, обладая умом и совестью, способен вести за собой и отвечать за все, что готов сделать для людей. Созданный пафос подчеркивается сентенциозным обобщением: «нельзя предавать то, во что веришь». Посредством глагола в форме 2-го лица ед. числа (веришь) говорящий обращает призыв непосредственно адресату (*ты* веришь), следовательно, воспринимающий извлекает смысл «тебе = мне нельзя предавать». А вот во что «веришь», избирателю объяснили, описав поведение и чувства «пионера Алешки». Агитатор предложил собственную интерпретацию картины мира, отразив субъективные личностные оценки кандидата, но изложил это так, будто знания, опыт, эмоции и ощущения героя рассказа не могут не совпадать с общими для всех людей. Основным приёмом оратора можно считать апелляцию к публике: нет фактов, подтверждающих правоту точки зрения кандидата, зато названы его чувства и через них оценка событий. «Детским сердцем чувствуя» - чистый, верный, не испорченный жизнью взгляд, то же самое, что «устах младенца глаголет истина». Однако оценочные высказывания не могут быть истинными или неистинными, т.к. они не соотносятся с действительностью, а отражают субъективное восприятие действительности говорящим. Для манипулятора это не важно: для него главное – создать эмоционально положительный образ кандидата, совпадающий с представлениями о хорошем потенциальной электоральной группы. Его не смущает даже то, что он 11-летнего ребенка представляет читателю как вдумчивого, умудренного опытом человека, с развитым чувством долга и сложившимися нравственными приоритетами, ведь из сказанного избиратель должен понять, что А. Гуд-

ков, будучи еще ребенком, был способен понять и правильно оценить судьбу страны.

Сегодня нам, жителям Зауралья, необходимы такие депутаты, которые стоят на защите интересов избирателей, ответственно подходят к принятию решения (Листовка кандидатов от партии «Родина» «За нами будущее, за вами выбор!»).

Целый ряд эффективных механизмов коммуникативного воздействия основан на использовании имплицитной информации, т.е. информации, которая представлена в сообщении в скрытом виде: она в явном виде не выражается, но с необходимостью извлекается адресатом при интерпретации сообщения. Адресат может использовать при этом свои знания о мире и социальные стереотипы, ценностные установки, представления о намерениях адресанта, сведения о свойствах языка. Имплицитная информация очень часто используется в предвыборной агитации для присвоения объекту оценочных значений и повышения этой оценки. Прямая оценка кандидата, утверждение о его высоком потенциале могут быть восприняты с недоверием. Манипулятор знает, что в субъективном плане более интересным для адресата представляется извлечение скрытой информации, т.е. соучастие в создании сообщения. У избирателя создается впечатление, что оценка, которую он извлекает из сказанного, либо его собственная, либо эта оценка совпадает с его оценкой. Если же параллельно используется прием «я свой», то доверие к сказанному усиливается. В листовке партии «Родина» для создания образа единомышленника, во-первых, употреблено местоимение «мы», во-вторых, указание на земляческие отношения кандидата и электората («нам, жителям Зауралья»). Подчеркивается актуальность проблемы («сегодня <...> необходимы»). Необходимый – такой, без которого трудно, невозможно обойтись [МАС, II : 458], затем дается описание качеств кандидата, подходящих под эту оценку: «стоят на защите интересов избирателей, ответственно подходят к принятию решения». Эта характеристика настолько общая по смыслу и общая для всех претендентов на власть, настолько совпадает с ценностными ориентирами всех избирателей, что вызывает вопрос: почему партия «Родина» заявляет эти требования к кандидатам как «выстраданные ею». Всё дело в инференциях, которые извлекает читатель из сказанного в листовке. Имплицитно заложен смысл: *действующая* власть (а это депутаты от тех партий, которые опять идут в думы всех уровней) не озабочена защитой интере-

сов зауральцев и не хочет отвечать за неэффективные решения (вам, избиратели, это известно по собственному опыту); мы – новая партия, мы – другие, мы ответственные, мы идем во власть, чтобы сделать вашу жизнь лучше – «за нами будущее», т.е. ваше, избиратели, лучшее будущее (эмоциональный, оценочный концепт «лучшее будущее» остается для россиян актуальным по сей день). Другими словами, электорату объясняют, чего он хочет (активизируя определенный фрагмент картины мира), и называют средство, с помощью которого можно осуществить это «хочу». А вторая часть названия листовки указывает способ получения средства для улучшения жизни – «за *вами* выбор»: выберете кандидата от нашей партии – получите лучшее будущее, выберете других кандидатов – получите безответственную власть, которая не способна и не желает защищать ваши интересы. Как видим, манипулятивная стратегия использована в классическом варианте. В отличие от информации, которая содержится в сообщении в явном виде, имплицитная информация, как правило, не осознается адресатом, она действует в обход аналитических процедур обработки информации. Поэтому адресат не склонен подвергать ее какой-либо оценке, относиться к ней критично или сомневаться в ней, тем более что оценочная часть информации высказывания (благодаря тактике «я свой») адресат воспринимает как собственную интерпретацию сообщения, потому не ищет оценочной информации подтверждения. Во время последних выборов на улицах Кургана можно было видеть огромный плакат с портретом кандидата и надписью: «**Владимир Казаков** – *выбор ответственных людей!*». В сознании воспринимающего сообщение срабатывает социально значимая оценка себя: я человек ответственный. Семантическое следствие «Казаков – мой выбор» определяется имплицитно высказанной причиной: «потому что Казаков – выбор ответственных людей». Подводя избирателя к этому выводу, манипулятор использует как оружие обращение к общественно-значимым ценностям, в частности к нравственным стереотипам.

Один из видов имплицитной информации представляют семантические пресуппозиции. Например: «Мы работаем, чтобы сохранить Ваше доверие». Данное суждение имеет пресуппозицию «Вы нам доверяете», которая сохраняет истинность даже при отрицании суждения: «неверно, что (мы работаем, чтобы сохранить Ваше доверие)» или «Мы работаем, чтобы не (сохранить Ваше доверие)». Источником имплицитной информации в данном случае служит семантическая структура предиката «сохранить» (сохранить – не ут-

ратить чего-либо, не лишиться чего-либо *имеющегося, присущего* кому-, чему-либо [МАС, IV : 213]). Если бы пресуппозиционная часть суждения была представлена в явном виде, как в приведенных ниже искусственных примерах (Вы нам доверяете, и мы работаем, чтобы сохранить Ваше доверие), утверждение вызывало бы внутренний протест у многих людей.

Повлияйте на своё будущее... Я уверен: Вам хватит мудрости и времени, чтобы хорошо подумать и сделать правильный выбор. Вам никогда не будет стыдно перед детьми, если Вы проголосуете за ЛДПР. Окажите доверие нам! (Листовка ЛДПР).

Стыд – чувство сильного смущения, неловкости от сознания предсудительности, неблагоприятности своего поступка [МАС, IV : 296]. Пресуппозиция данного суждения «голосование – поступок, который детьми избирателя оценивается как нравственный/безнравственный». На первый взгляд, пресуппозиционная часть суждения выглядит абсурдной, однако её восприятие подготовлено контекстом, который активизирует ценностные установки избирателей. Будущее для человека всегда связано с детьми, с заботой о них, с их будущим. Человек всегда надеется на лучшее будущее, но понимает, что оно зависит от настоящего, поэтому фраза «не будет стыдно перед детьми» означает: сейчас сделай то, что обеспечит тебе лучшее будущее (вы повлияете на свое будущее положительно, если сегодня проголосуете за ЛДПР). Это семантическое следствие определяется еще одной пресуппозицией – «Вам хватит мудрости», которая сохраняет истинность и при отрицании суждения (вам не хватит мудрости). Источником имплицитной информации является семантическая структура предиката «хватит» (хватать – *быть* достаточным для кого-, чего-либо [МАС, IV : 595]). Другими словами, избиратели – народ мудрый (т.е. умный и *обладающий* достаточным жизненным опытом), именно поэтому стало возможным утверждать, что избирателям *хватит* мудрости, чтобы сделать правильный выбор. Только мудрый человек способен сделать такой (т.е. правильный) выбор (в народе говорят: умный человек может исправить свою ошибку, мудрый ошибок не допускает). Пресуппозиции используются как способ внедрения в сознание адресата нужного суждения без опасений, что это суждение будет воспринято с сомнением.

Перечисленные речевые средства позволяют привлекать внимание адресата высказывания и удерживать это внимание. Кроме того, они форми-

руют нужное политику-манипулятору отношение избирателей к его деятельности.

Список литературы

Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981-1984. (МАС)

М.В. Савельева

Роль отрицания в формировании семантики высказываний, содержащих императивные процессуальные единицы

Задачей данной статьи является определение роли отрицания в зависимости от его позиции в высказываниях, содержащих процессуальные единицы с императивной семантикой. Высказывания без отрицания имеют сложную синтаксическую структуру, которая включает в себя следующие компоненты:

- 1) субъект (адресант) побуждения – лицо, которое оказывает прямое или косвенное воздействие на другого участника (или других участников) ситуации общения, побуждая того (тех) к действию;
- 2) акт побуждения (сама процессуальная единица с императивной семантикой) – воздействие на волю и разум адресата сообщения-побуждения;
- 3) адресат сообщения-побуждения – лицо, на которое оказывается воздействие – объект воздействия и одновременно предполагаемый субъект действия, к реализации которого его побуждают;
- 4) действие (выражено инфинитивом), к выполнению (или невыполнению) которого побуждается адресат – цель воздействия [Володина : 10].

В высказываниях с отрицанием пятым компонентом становится собственно отрицание, которое может занимать различные синтаксические позиции и тем самым придавать высказыванию различную семантическую нагрузку. Порядок слов в высказывании, интонация, наличие частиц придают высказываниям с императивными процессуальными единицами дополнительные модальные оттенки.

Некоторые авторы (Т.В. Царева, О.В. Озаровский) полагают, что при тождественном лексическом составе и грамматической структуре высказывания с императивными процессуальными единицами несут схожую семантическую информацию независимо от позиции отрицания и рассматривают в качестве синонимичных такие предложения, как «Я *не* советую вам читать эту книгу» - «Я советую вам *не* читать этой книги» или «Я *не* просил вас приходить» - «Я просил вас *не* приходить» [Царева : 132; Озаровский : 40-42]. Конструкция с императивными процессуальными единицами не является элементарной в семантическом отношении, она состоит из четырех смысловых компонентов. При изменении позиции отрицания происходит перераспределение логической нагрузки и коммуникативной значимости этих компонентов высказывания [Бондаренко : 170-176]. Роль отрицания в формировании общей семантической направленности высказывания с императивными процессуальными единицами является в значительной степени комплексной и заслуживает особого внимания и детального изучения.

В структуре значения всех императивных процессуальных единиц присутствует инвариантная сема «побуждение к действию». Анализ семантических компонентов и их реализация в тексте в зависимости от ситуации общения позволяют разделить императивные единицы на следующие группы: приказ, просьба, разрешение / запрет, совет, приглашение, принуждение. В некоторых из этих групп есть единицы, которые, в силу своих индивидуальных семантических особенностей, в сочетании с отрицанием вызывают изменение семантики высказывания или придают высказыванию некоторый модальный оттенок, отличный от того, который присущ высказыванию без отрицания.

Отрицание в позиции при инфинитиве, обозначающем каузируемое действие, имеет чисто синтаксическое значение, т.е. происходит четкое указание на то, что имеет место побуждение адресата к невыполнению названного инфинитивом действия. Например:

*Я дала стражникам строгий приказ никого **не** впускать.* (Белянин «Свирепый ландграф»). Красный от ярости, я строго постучал в ворота. <...> стучать пришлось дважды. <...> бдительный дед лет ста восьмидесяти сурово *потребовал **не** буйнить*, а ежели кому невтерпёж, так он и милицию вызвать может! (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). *Было дано особое указание из Департамента - попыток **не** предпринимать* (Акунин «Статский советник»). Шашку Хасан племяннику не давал, <...>, но кинжал подарил в первый же

день и велел никогда с ним *не расставаться* – <...> (Акунин «Смерть Ахиллеса»). Когда Осман-паша из Плевны на прорыв пошел, вы тоже «*заклинали*» без приказа *не выступать* (Акунин «Турецкий гамбит»). Президент РФ не обошел вниманием и вопрос о защите мирного населения: «*Обязываю* всех должностных лиц, <...>, *не применять насилия* против мирного населения, взять его под защиту» (Сообщение на www.memo.ru). Может быть, тогда мне *позволят не есть* мышей на ежегодном шабаше, <...> (Макс Фрай «Энциклопедия мифов»). – *Попрошу вас не употреблять* таких выражений (Булгаков «Собачье сердце»). В напутственном слове судья Виксен *порекомендовал* присяжным *не поддаваться давлению* извне <...> (Акунин «Смерть Ахиллеса»).

Из приведенных примеров видно, что имеет место акт побуждения, выраженный императивными процессуальными единицами различных семантических групп: дать приказ, потребовать, дать указание, велеть, обязывать – группа «приказ», заклинать, просить – группа «просьба», позволять – группа «разрешение / запрет», рекомендовать – группа «совет». Отрицание при инфинитиве четко определяет цель побуждения – не выполнять названное действие.

Императивные единицы группы «приказ» - *направлять, отправлять, посылать*, и группы «приглашение» - *приглашать, звать*, имеют в структуре своего значения сему «целенаправленная установка на *выполнение* каузируемого действия», поэтому не допускают употребления отрицания при инфинитиве, например, нельзя сказать * Он пригласил меня *не танцевать*; * Я направляю вас *не выступать* на конференции. Если речь идет об уточнении действия, к выполнению которого побуждается адресат, то логично и необходимо использование противопоставления, например: «В Европу *отправляю не* по магазинам *шастать*, а учиться» (разговорная речь).

Таким образом, мы установили, что отрицание при инфинитиве, называющем каузируемое действие, при процессуальных единицах с императивной семантикой имеет синтаксическое значение и не вызывает изменения побудительной семантики высказывания.

Отрицание при процессуальной единице с императивной семантикой может указывать на отсутствие акта побуждения как такового, например: *Рассказывать* ничего не стал, стрельцы и *не требовали*, понимающе хмыкая в усы... (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). - Ну, например, ты ни разу *не попросил* меня *показать* тебе компьютер, - Веня похож на обиженного ребенка. - Неужели тебе совсем не интересно? (Макс Фрай «Энциклопедия ми-

фов»). – Ну и меня называйте по имени и отчеству! – совершенно основательно ответил Шариков. – Нет! – загремел в дверях Филипп Филиппович, – по такому имени и отчеству в моей квартире я вас *не разрешу называть* (Булгаков «Собачье сердце»). Ибо во храме Божиим кагор стаканами *пить не позволяю!* (Белянин «Отстрел невест»). - Заходи, Фома! *Садиться не предлагаю*, время не ждёт (Белянин «Отстрел невест»). Как потом благодарил я судьбу за то, что *не попросил* какого-нибудь знатока арабского *прочесть* письма на полях! (Акунин «Левиафан»).

Отрицание может использоваться также для уточнения иллокутивной силы процессуальной единицы, чтобы подчеркнуть уровень категоричности высказывания. В этом случае может иметь место противопоставление, например:

- Три взрослых человека тебя уговаривают, а? У царя не получилось, у меня тоже, может, твой поцелуй решит судьбу всего следствия! Я даже *не приказываю*, я - *прошу*. Плюнь, поцелуй и отвяжись! (Белянин «Тайный сыск царя Гороха»). Я *не прошу*, а *требую* раскрыть это преступление, заявил глава республики. (Цит. по: www.riadagestan.ru).

В приведенных примерах отрицание при императивных процессуальных единицах имеет синтаксическое значение, указывая либо на факт отсутствия самого акта побуждения, либо на уровень категоричности побуждения. Как показало исследование, единственной императивной процессуальной единицей, значение которой с отрицательной частицей *не* зафиксировано в словаре, является единица «советовать»: «2. с отриц. и инф. *рекомендовать (не делать чего-н.)*, *предостерегать (от чего-н.)*. Я вам *не советую братья за это* (Ушаков. Цит. по: <http://dic.academic.ru>).

- Я вам *не советую* его *искать*, - вдруг вкрадчиво говорит мой далекий собеседник. – Поверьте мне, вам не это сейчас нужно. У вас ведь других забот по горло, правда? (Макс Фрай «Энциклопедия мифов»). *Очищать* платы от пыли с кисточкой очень сильно *не советую*, так как статическим разрядом можно случайно убить какие-нибудь элементы (Цит. по: <http://mirsovetov.ru>). Действует правило: одно полотенце - один лежак. Личными вещами *занимать не советую*. Скинут или сдадут как забытые (Цит. по: <http://www.rgb-tour.ru>).

Из примеров видно, что императивная фразеологическая единица «не советовать» имеет значение «предостерегать», которое усиливается словами

«вкрадчиво, очень сильно» или становится ясным из описания ситуации. Одной из основных сем единиц группы «совет» является сема «полезность для адресата». Если каузируемое действие угрожает реализации этой семы, то срабатывает защитный механизм, и появляется отрицание. Параллельно с семой «полезность», единицам группы «совет» свойственна сема «свободы выбора» адресата побуждения выполнять или не выполнять действие, к которому его побуждает говорящий. Поэтому конструкция «советовать не делать что-либо» предполагает отсутствие каких-либо санкций или какого-либо наказания со стороны говорящего. В конструкции «не советовать делать что-либо», в силу наличия у императивной единицы семы «предостережение, имплицитное говорящим или ситуацией» предполагается возможность применения санкций говорящим по отношению к адресату побуждения, в случае выполнения им действия, от реализации которого он был предостережен.

Императивная процессуальная единица *велеть* с отрицанием проявляет свою многозначность. В структуре ее значения появляется новая групповая сема «запрет», не свойственная семантической группе «приказ», к которой относится единица *велеть* без отрицания. Например:

- На полке, за пачками с бракованными «Анжеликами», которые я уже три месяца предлагаю продать, а ей совесть *не велит*... (Макс Фрай «Энциклопедия мифов»). <...> *встать и уйти* – невежливо, да и любопытство *не велит* ... (Макс Фрай «Энциклопедия мифов»). Бог матери, про которого говорить вслух не следовало, был добрый: разрешал радоваться, играть и *не велел давать спуску* обидчикам. (Акунин «Смерть Ахиллеса»). И хочется, и колется, и мама *не велит* (народная мудрость).

Значение единицы «не велеть» не зафиксировано в словарях русского языка ни как самостоятельное, ни как дополнительное. Только у Даля мы находим следующее замечание о многозначности «велеть» без отрицания: «Народ говорит велеть, вместо позволить. Вели-ка мне трубочки покурить». Возможно, такое значение закрепилось этимологически благодаря родственным в силу родства с литовским *vėlti, pavėlti* «хотеть, позволять» (Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера. Цит. по: <http://dic.academic.ru>). Полагаем, что наряду с фразеологической единицей «не советовать» процессуальная единица с императивной семантикой «не ве-

леть» может быть зафиксирована в словарях русского языка как фразеологическая со значением «запрещать что-либо делать».

Отрицательная частица «*не*» в высказываниях, содержащих процессуальные единицы с императивной семантикой, занимает различные позиции и в большинстве случаев имеет синтаксическое значение, особенно в случаях употребления при инфинитиве, при этом происходит указание на то, что адресата побуждают к невыполнению названного действия. Перед императивной процессуальной единицей отрицание может указывать на отсутствие акта побуждения. В некоторых случаях, например, с единицами «советовать» и «велеть», отрицание влияет на формирование семантической структуры этих единиц. Таким образом, императивные процессуальные единицы «не советовать» и «не велеть» становятся фразеологическими и приобретают значения «предостерегать» и «запрещать» соответственно.

Список литературы

Бондаренко, Н.В. Отрицание как логико-грамматическая категория [Текст] / Н.В. Бондаренко. - М., 1983.

Володина, Г.И. Описание простого предложения с позиций семантического синтаксиса [Текст] / Г.И. Володина // Семантический и прагматический аспекты высказывания: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991.

Озаровский, О.В. Синонимия высказываний с разным расположением отрицания [Текст] / О.В. Озаровский // Филологические науки. - № 3. – М., 1981.

Царева, Т.В. О синтаксических синонимах [Текст] / Т.В. Царева // Синонимия и функциональная взаимозаменяемость на различных уровнях языковой структуры. – Нальчик, 1976.

Н.Б. Усачева

Фразеологические связки, выражающие эмоционально-положительную оценку

Под эмоцией понимают внутренний психический процесс, мотивирующий, организующий и сопровождающий мышление, выражающий отно-

шение к деятельности, состоянию и разнообразным отношениям, существующим в реальной действительности. Возникновение и выражение эмоций связано с внешними условиями и внутренними свойствами личности, поэтому принято разграничивать невербальные и вербальные средства эмоциональных реализаций. Под невербальными понимают совокупность средств общения, связанных с кинетическими движениями лица, рук, тела человека в процессе коммуникации. Вербальные средства выражения эмоций – собственно языковые, универсально передающие эмоциональное состояние субъекта.

Способы вербализации эмоций многоплановы и разнообразны, вызывают активный интерес современных лингвистов, выявлением и описанием фактов проявления эмоций в языке занимаются такие ученые, как Л.Г. Бабенко, В.Н. Гридин, В.Ю. Меликян, Ж.З. Мительская, Ю.А. Сорокин, И.Г. Торсуева, В.И. Шаховский и др. Установлено, что эмоции проявляются на разных языковых уровнях:

- фонетическом (интонации, звукоподражания, аллитерация, ассонанс, рифма и т.д.),
- словообразовательном (суффиксы, окказионализмы, неморфологические способы словообразования и др.),
- лексико-фразеологическом (на категориальном, субкатегориальном, групповом и индивидуальном уровнях семантической структуры),
- синтаксическом (модели как способы передачи эмоционального состояния, порядок слов, неполные предложения, повтор и т.д.).

Учитывая, что семантическая структура разных знаков языка не является одинаковой, необходимо, на наш взгляд, различать три типа языковых знаков, в структуре значения которых по-разному проявляет себя эмотивность:

- 1) слова и фразеологизмы, лишённые номинативной и релятивной функций, непосредственно передающие эмоции, являющиеся эмоциональными сигналами, служащими «для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений» [Виноградов : 584].

Таковыми словами в русском языке являются междометия и модальные слова (**Ах! О! Фу! Черт возьми!** и т.д.).

2) слова и фразеологизмы, называющие и описывающие эмоции и эмоциональные состояния человека, структура значения которых включает в себя номинацию проявлений эмоциональной сферы человека (**ненависть, сожаление, горевать, изумляться, рвать на себе волосы, делать большие глаза** и т.п.). С грамматической точки зрения единицы этой группы могут иметь предметное, призначное, процессуальное и другие значения. Точную характеристику семантических особенностей таких номинативных единиц на примере процессуальных дала В.А. Лебединская: «Процессуальные фразеологизмы прежде всего называют процесс, а затем уже характеризуют, оценивают его. Невозможно оценить то, что не названо» [Лебединская : 10].

3) слова и фразеологизмы, в структуре значения которых наличествуют релятивные семы, выражающие эмоциональное отношение к процессам, которые говорящий оценивает в процессе познания себя самого или с целью воздействия на адресата (**обожаю читать, любил убежать, лишился удовольствия видеть, имел жестокость** заметить и др. под.).

Для первого типа сема эмотивности является категориальной, составляющей самое общее представление о семантико-грамматическом классе междометий, она позволяет отграничить междометия от других классов слов и фразеологизмов. Единицы второго типа содержат сему эмотивности на индивидуальном или даже потенциальном уровне, степень ее абстрактности значительно ниже, эмоциональность сопровождает категориальное, субкатегориальные и групповые значения. В словах и фразеологизмах третьего типа сема эмотивности является субкатегориальной, это, наряду с рациональностью, один из способов конкретизации категориального значения копулятивности.

Посредством фразеологических связок с субкатегориальным значением эмоциональности говорящий доводит до сведения адресата свое положительное или отрицательное отношение к процессам, названным инфинитивами, дает им эмоциональную оценку, экспрессивно выражает эмоциональное состояние субъекта. Это состояние говорящий может квалифицировать как

позитивное или негативное, поэтому внутри субкатегории эмоциональности четко выделяются две группы. В первую вошли единицы, выражающие *эмоционально-отрицательное отношение* к действию, например: **дернул черт, дернула нелегкая, иметь беззастенчивость, иметь беспечность, иметь глупость, иметь жестокость, иметь наглость, иметь нахальство, иметь неосторожность, иметь несчастье, иметь подлость, иметь хамство, находить неприличным, отказывать в удовольствии, показалось неприличным, счесть преступлением, счесть унижительным, терять надежды, хватать дерзости, хватать наглости, чувствовать отвращение** и т.п.

Вторую группу образуют фразеологические связки, характеризующие *эмоционально-положительное отношение* к совершаемому действию: **выпало счастье, доставить наслаждение, иметь интеллигентность, иметь корректность, оказать милость, иметь любезность, иметь смелость, иметь счастье, находить удовольствие, иметь удовольствие, иметь чуткость, испытывать наслаждение, найти смелость, обрадовать случаем, обрадоваться случаю, почесть за счастье, почесть за честь, предвкушать удовольствие** и др.

Групповая семантика исследуемых единиц формируется в большой степени под влиянием именных компонентов, которые в свободном употреблении называют положительные человеческие чувства, состояния удовольствия, радости, приятные ощущения:

Для них **доставляет** неизъяснимое **наслаждение** обмануть своей гордой красотой и фальшивыми чувствами неопытную жертву и жестоко насмеяться над ней. (*А.И. Куприн. Гранатовый браслет*). Княгиня с видневшимися следами слез на каждом письме, умоляла его переселиться для лечения в Москву, где и доктора лучше - и она сама **будет иметь счастье** быть при нем. (*А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов*). Император **находил** особую **приятность** в том, чтобы утешать генерала. (*Ю. Тынянов. Пушкин*). Пишу к вам, пишу для того только, чтоб **иметь** последнюю, может быть, **радость** в моей жизни – высказать вам все презрение мое... (*А.И. Герцен. Кто виноват?*) А после этого я еще прикинул недельку единственно ради того, чтобы **иметь удовольствие** потягаться с могучим новым профессором из «перемещенных лиц», или Ди-Пи (от «Дементии Прекокс»), очень знаменитым, который славился тем, что умел заставить больного поверить, что тот был свидетелем собственного зачатия. (*В. Набоков. Лолита*).

Часть фразеологических связок, передающих эмоционально-положительное отношение к действию, содержат в своем компонентном составе бывшие имена существительные, обозначающие качества, свойства человека, которые высоко оцениваются носителями русского языка: *мужество, смелость, ловкость, добродетель, благоразумие* и под.:

Поздний Баратынский **взял на себя смелость** выступить как поэт мысли. (*В. Кожин. Об одной из великих книг Пушкина*). Я достаточно смел, чтобы разбудить главнокомандующего, но у меня **не хватает храбрости** будить самого императора. (*В. Пикуль. Нечистая сила*). Каждую минуту я должен **иметь ловкость** выхватывать из этого громадного материала самое важное и нужное. (*А.П. Чехов. Скучная история*). Баклагин хоть **имел мужество** не щадить себя, а ты, Егор Егорыч, извини, ведь в своих ответах говорил неправду. (*К.М. Станюкович. Морские рассказы*). Левко, несмотря на изумление, происшедшее от такого неожиданного оборота его дела, **имел благоразумие** приготовить в уме своем другой ответ и утаить настоящую истину, каким образом досталась записка. (*Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки*). Я так опьянен Зинаидой, что **возымел смелость** написать стихи. (*Л.Н. Толстой. Письма*).

Значительно реже формирование групповой семантики происходит под воздействием глагольных компонентов, которые в нефразеологическом употреблении используются для обозначения состояния радости, удовольствия, удовлетворения:

Он **обрадовался предложению** Ольги побережся и не приходите в воскресенье и написал ей, что, действительно, для совершенного выздоровления нужно посидеть еще несколько дней дома. (*И.А. Гончаров. Обломов*). Максим **обрадовался случаю** уйти из этого дома. (*Т. Светлова. Место смерти изметить нельзя*). Ребята так **обрадовались возможности** впервые выступить на городской сцене, что целый день только об этом и говорили. (*Природа Зауралья. 2002. № 5*). Он (Николай Артемьевич – Н.У.) как будто **обрадовался случаю** показать себя в полном значении хозяина дома, во всей силе главы семейства. (*И.С. Тургенев. Накануне*). Искра **обрадовалась случаю** хоть чем-то помочь Вике. (*Б.Л. Васильев. Завтра была война*).

Чрезвычайно частотная фразеологическая связка **иметь удовольствие** характеризует не только эмоционально-положительное отношение к обозначенным инфинитивами процессам, но и передает фатическую (контактоуста-

навливающую) информацию, входит в состав устойчивых формул русского речевого этикета, сигнализирует об определенной социальной роли и ролевой позиции говорящего. Такая дополнительная этикетная «нагрузка» обуславливает преимущественное употребление единицы в диалогической речи в форме первого лица:

Кажется, я **имел удовольствие** встретить... у княгини Щербацкой, - сказал он, подавая руку Левину. - Да, я очень помню нашу встречу, - сказал Левин и, багрово покраснев, тотчас же отвернулся и заговорил с братом. (*Л.Н. Толстой. Анна Каренина*). Опомнившись и совершенно догадавшись, с кем имеет дело, офицер вежливо (закрывая впрочем лицо платком) обратился к князю, уже вставшему со стула. - Князь Мышкин, с которым я **имел удовольствие** познакомиться? (*Ф.М. Достоевский. Идиот*). Я, кажется, **имел удовольствие** встречаться, - сказал он ему, беспокойно оглядываясь то на Анну, то на Вронского, чтобы не проронить ни одной черты из выражения их лиц. (*Л.Н. Толстой. Анна Каренина*). Я сейчас **имел удовольствие** танцевать с вашей супругой. (*А.Ф. Писемский. Тюфяк*). Хлестаков (раскланиваясь). Как я счастлив, сударыня, что **имею** в своем роде **удовольствие** вас видеть. (*Н.В. Гоголь. Ревизор*). Не вашего ли супруга я **имел удовольствие** видеть за чаем? (*Н.А. Некрасов. Три страны света*). Как же, как же, - отозвался Вольанд, - я **имел удовольствие** встретиться с этим молодым человеком на патриарших прудах. Он едва самого меня не свел с ума, доказывая мне, что меня нету! Но вы-то верите, что это действительно я? (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*). Я **имел удовольствие** присутствовать за чаем во время спора. (*А.П. Чехов. Учитель словесности*).

В тех случаях, когда исследуемая единица употребляется в монологической речи, в речи автора, подчеркнутая чрезмерность этикетности может являться способом выражения иронии или неприязненного отношения:

Скоро Селифан показался в дверях, и барин **имел удовольствие** услышать те же самые речи, какие обыкновенно слышатся от прислуги в таком случае, когда нужно скоро ехать. (*Н.В. Гоголь. Мертвые души*). Привалов через несколько минут **имел удовольствие** узнать последние новости и был посвящен почти во все городские тайны. (*Д. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы*). Полный комплект родственников я **имел удовольствие** наблюдать на свадьбе, которая случилась месяца через полтора после нашего разговора. (*Е. Козловский. Киносценарии и повести*). Да еще-с, вот я дом у

Матвеева сторговал, переедем на днях, так уж надеюсь, что не **буду иметь удовольствия** вас на новоселье у себя увидеть. (*Ф.М. Достоевский. Повести и рассказы*).

Фразеологические связки с компонентом «счастье» обладают большим прагматическим потенциалом, позволяя говорящему информировать собеседника о своем положительном эмоциональном чувстве-отношении к ситуации реальной действительности, которая в речевой деятельности передается процессами, обозначенными инфинитивными формами глаголов и процессуальных фразеологизмов. Исследуемые фразеологические единицы отражают стратегические цели говорящего в конкретном речевом акте, позволяя экспрессивно воздействовать на слушателя, являясь стимулом появления соответствующей эмоциональной реакции. Прагматическая функция эмоционально-положительных фразеологизмов заключается в позитивной оценке тех или иных фактов. Например:

Почтительностью своего тона Ростов как будто показывал, что, несмотря на то, что он **за счастье бы счел** свое знакомство с нею, он не хотел пользоваться случаем ее несчастья для сближения с нею. (*Л.Н. Толстой. Война и мир*). Последние дни своего пребывания на земле Перегуд **испытал** высокое **счастье** верить в возможности лучшей жизни в этой юдоли смерти. (*Н. Лесков. Заячий ремиз*). И вдруг я совершенно неожиданно начинаю так, просто задаром, давать эти самые деньги этим же бедным — не всем, но тем, кому мне вздумается. Как же не ожидать каждому бедному, что, может, и на него **выпадет** нынче **счастье** быть одним из тех, с которыми я забавляюсь, раздавая мои дурашные деньги? (*Л.Н. Толстой. Письма*). Державин в своих объяснениях на свои сочинения говорит, что он **имел счастье** освободить около полутора тысяч пленных колонистов от киргизов. (*А.С. Пушкин. История Пугачева*). Он **испытывал** великое **счастье** обладать любимой женщиной. (*А. Константинов. Бандитский Петербург*). Все, **имевшие счастье** быть близкими к императрице, знают, что она умела быть очаровательной, красноречивой и тонкой, когда хотела привлечь к себе или убедить кого-нибудь. (*Е.Р. Дашкова. Литературные сочинения*).

В части употреблений, преимущественно в диалогической речи, фразеологические связки с компонентом «счастье» играют этикетную роль, служат для установления и поддержания контакта при вежливом межличност-

ном общении, сигнализируют о подчеркнуто уважительном отношении к собеседнику:

Я давно желал **иметь счастье** представиться вам. (*А.С. Пушкин. Альманашиник*). Я **имел счастье** слышать о ваших добрых делах и о том, что вы с любовью уделяете лепты на созидание и украшение храмов божиих, на келии иноческие. (*И.А. Бунин. Деревня*). Когда вы **доставите** мне **счастье** увидеться с вами снова? – спросил Ипполит Матвеевич в нос. (*И. Ильф, Е.Петров. Двенадцать стульев*). Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен и **имею счастье** быть любим. (*Д.И. Фонвизин. Недоросль*). Передай кстати Валерьяну, что я на днях **имел счастье** представляться его бывшему генералу. (*Л.Н. Толстой. Письма*). Я даже **имел счастье** интересоваться вас моими суждениями. (*Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание*). Еду к Вам! В четверг утром я **буду иметь счастье** прижимать Вас к своей полной любовью груди! (*А.П. Чехов И то и со*).

Фразеологические связки субкатегории эмоциональности, выражающие положительную оценку процессов, обладают значительным прагматическим потенциалом, позволяют говорящему довести до сведения адресата свое негативное или позитивное чувство-отношение к фактам и событиям реальной действительности.

Список литературы

Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В.В. Виноградов. - М.: Высшая школа, 1972.

Лебединская, В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка [Текст] / В.А. Лебединская. - Челябинск, 1987.

Н.В. Шведова

Механизм формирования семантической структуры предметных фразеологизмов с компонентом «бог» и предметных фразеологизмов с компонентом «черт»

В современном русском языке, по данным нашей картотеки, насчитывается 28 предметных фразеологизмов с компонентом «бог» и 28 предметных фразеологизмов с компонентом «черт». Такие фразеологизмы образуют две

разные фразеологические подсистемы, которые имеют собственные особенности в механизме формирования семантической структуры. Цель нашей статьи – выявить эти особенности и провести сравнительный анализ предметных фразеологизмов с компонентом «бог» и с компонентом «черт».

В образовании предметных фразеологизмов с компонентом «бог» принимают участие имена существительные, имена прилагательные, предлог, союз. Высокой фразообразовательной активностью обладают имена существительные (их 23), имеющие разную субкатегориальную принадлежность: одушевленные (*бог, славяне, отец, сын, свидетель, творец, вседержитель* и др.) и неодушевленные (*бессмертие, счастье, искание, закон, дух* и др.).

Компонент «бог» или другие субстантивные компоненты (*закон, искание, ответ, верующий* и др.), которые выступают в роли грамматического центра фразеологизма, сохраняют присущее им предметное категориальное значение и распространяют его на весь фразеологизм в целом, сообщая последнему предметную семантику.

Грамматически главный компонент способен формировать не только категориальную, но и субкатегориальную семантику фразеологизма с компонентом «бог». Так, компонент «бог» в свободном употреблении имел одно из значений «в религиях (политеистических и монотеистических) одно из высших, стоящих над миром неземных существ, или создатель вселенной, всего сущего, высший разум, управляющий миром». Это значение актуализируется во фразеологизмах, обозначающих сверхъестественное существо (*бог бессмертия, бог огня, бог победы, бог счастья, бог громов*), и формирует у них субкатегориальное значение одушевленности.

Абстрактные существительные, являющиеся грамматически главными компонентами в составе описываемых фразеологизмов, определяют субкатегориальное значение неодушевленности: *искание бога, ответ богу, закон бога*. Лексема «бог» в таких фразеологизмах актуализирует семы второго значения «воплощение доброты, всемогущества, абсолютной благости, вечности, независимости, величия, славы, истины и т.п.», которые создают индивидуальные фразеологические значения.

Переносное значение лексемы «бог» - «о человеке могущественном, обладающем властью над другими людьми» - и компонент-личное существительное «царь» вносят в семантическую структуру фразеологизма **бог и царь** значение лица, благодаря чему фразеологическая единица становится наиме-

нованием человека. Субкатегориальные значения одушевленности и лица, присущие лексеме «бог», при образовании предметных фразеологических единиц сохраняются: «Категории одушевленности и лица онтологически неразрывно связаны с реальной действительностью. Категория одушевленности–неодушевленности в специфически языковой форме отражает разделение человеком окружающего мира на живое и неживое; категория лица в сфере предметных имен отражает понятие о человеке (лице)» [Ратушная : 71].

Зависимые компоненты-существительные вносят в описываемые фразеологизмы групповые семы, например: имена существительные **бессмертие, гром, победа, счастье** формируют групповое значение «обозначение языческих богов» (*бог бессмертия, бог громов, бог победы, бог счастья*). Зависимые компоненты-имена прилагательные (их 4) также формируют у фразеологизмов предметной семантики групповое значение, например: компонент **русский** во фразеологизме **русский бог** сему «относящийся к русскому народу» преобразует в сему «один» и создает групповую семантику «обозначение монотеистического бога»; компонент **олимпийский** во фразеологической единице **олимпийский бог** преобразует сему «относящийся к Олимпу» в сему «один из многих», в результате единица приобретает групповое значение «обозначение языческих богов».

Формирование индивидуального значения исследуемых предметных фразеологизмов происходит за счет актуализации отдельных сем из лексического значения каждого компонента, которые выдвигаются на первый план и образуют новую фразеологическую семантику. Например, во фразеологизме **бог и царь** союз **и** соединяет два равноправных компонента, которые в свободном употреблении обозначали глав земного (*царь*) и небесного (*бог*) миров; компонент **бог** актуализирует сему «могущественный, обладающий властью человек», компонент **царь** – сему «единовластный человек, властитель»; в целом фразеологизм приобретает индивидуальное значение «деспотичный человек, пользующийся неограниченной властью».

Таким образом, анализируемые предметные фразеологизмы отличаются друг от друга компонентным составом. Во фразеологизмах с компонентом «бог» участвуют 23 конкретных и абстрактных существительных. В большинстве фразеологизмов реализуются отдельные семы первого значения лексемы «бог» - «в религиях (политеистических и монотеистических) одно из высших, стоящих над миром неземных существ,

или создатель вселенной, всего сущего, высший разум, управляющий миром». Менее продуктивно во фразообразовании второе значение лексемы «бог» - «воплощение доброты, милости, справедливости и др.»; оно актуализируется во фразеологизмах, обозначающих абстрактные понятия. Семы четвертого значения лексемы «бог» - «о человеке могущественном, обладающем властью над другими людьми» - формируют всего два фразеологизма, обозначающих человека. Особую активность проявляют абстрактные имена существительные, создающие категориальную, субкатегориальную, групповую семантику фразеологизмов. Имена прилагательные (их 4), формирующие семантику подгруппы, занимают небольшое место среди компонентов описываемых фразеологизмов.

В образовании предметных фразеологизмов с компонентом «черт» принимают участие имена существительные (их 8), имена прилагательные (их 19), предлоги, частица. Категориальное значение предметности в описываемые фразеологизмы вносят имена существительные.

Фразеобразовательной активностью отличаются первое, третье и четвертое значения лексемы «черт». Эти значения не входят прямо в семантическую структуру описываемых фразеологизмов, а лишь актуализируют отдельные семы, например: первое значение лексемы «черт» актуализирует сему «нечистая сила» и участвует в формировании субкатегориального значения «одушевленность» и группового значения «обозначение сверхъестественной силы». Третье значение «отрицательная оценка человека» создает субкатегориальные значения «одушевленность» и «лицо», участвует в формировании группового значения «обозначение человека» и значения подгруппы «отрицательная характеристика человека». Четвертое значение «положительная характеристика человека» также привносит во фразеологизм субкатегориальные значения одушевленности и лица, участвует в формировании группового значения «обозначение человека» и значения подгруппы «положительная характеристика человека».

Фразеологизм **черту баран** называет самоубийцу. Компонент–зооним **баран** играет определяющую роль в процессе образования фразеологизма – наименования человека: он формирует у фразеологизма категориальное значение предметности. Занимая позицию грамматически господствующего компонента, зооним сохраняет свою предметную семантику и сообщает ее всему фразеологизму в целом. Этот же компонент формирует у фразеологиз-

ма субкатегориальное значение одушевленности. В процессе формирования фразеологического значения компонент–зооним утрачивает свое значение нелица, в результате чего фразеологизм становится наименованием уже не животного, а человека; таким образом, фразеологизм получает новую семантику.

Остальные компоненты-имена существительные (*ад, юбка, преисподняя, правда, рога*), как правило, вносят в исследуемые единицы значение подгруппы и создают предельно конкретный образ обозначаемой нечистой силы или человека, например: компонент **юбка** (*черт в юбке*) актуализирует сему «женский пол», создает значение подгруппы «обозначение человека по половому признаку». Компонент **рога** (*черт с рогами*) формирует значение подгруппы «обозначение нечистой силы по внешнему признаку».

Имена прилагательные, являющиеся зависимыми компонентами, также вносят во фразеологизмы с компонентом «черт» семантику подгруппы, например: прилагательные **рогатый, серый, голый** создают во фразеологизмах значение подгруппы «название нечистой силы по внешнему признаку» (*рогатый черт, серый черт, голый черт*); прилагательные **старый, седой** – «название человека по внешнему признаку» (*старый черт, седой черт*).

Итак, во фразеобразовании предметных фразеологизмов с компонентом «черт» активное участие принимают имена прилагательные (их 19), которые выделяют из совокупности свойственных человеку или нечистой силе один признак. Все имена существительные (8), вошедшие в состав анализируемых фразеологизмов, являются конкретными; вместе с именами прилагательными они создают наглядный образ обозначаемого человека.

У лексемы «черт» есть два противоположных значения «отрицательная характеристика человека» и «положительная характеристика человека», которые наиболее активны во фразеобразовании; менее продуктивно первое значение «вообще нечистая сила, враг рода человеческого, искуситель человеческих душ».

Сравнивая исследованные фразеологические единицы, мы пришли к следующим выводам:

1. Во фразеобразовании предметных фразеологизмов с компонентом «бог» активное участие принимают имена существительные, имеющие разную субкатегориальную принадлежность. Компонент «бог», входящий почти во все

предметные фразеологизмы в качестве главного компонента, а также абстрактные имена существительные участвуют в формировании категориального, субкатегориального, группового и индивидуального значений.

2. Компонент «черт» в исследуемых фразеологических единицах формирует категориальное, субкатегориальное, групповое и индивидуальное значения единицы. Остальные компоненты (чаще всего – имена прилагательные) приносят значение подгруппы и создают предельно конкретный образ обозначаемой нечистой силы или человека.

Список литературы

Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе формирования и функционирования (на материале фразеологизмов-наименований человека в современном русском языке) [Текст] / Е.Р. Ратушная. – Курган, 2000. – 223с.

Текст. Язык. Литература

Е.Н. Барбашова

Красноярск

Поэтика пейзажного бытописания в сибирском рассказе о старообрядцах (опыт поэтико-стилистического анализа рассказа А.Е. Новоселова «Жабья жизнь»)

Публикация рассказа «Жабья жизнь» (1916) А.Е. Новоселова в горьковском журнале «Летопись» свидетельствовала о пристальном внимании автора к теме старообрядчества. Ученый-этнограф, осуществлявший многочисленные поездки по Алтаю и Казахстану, в частности, по старообрядческим селениям на реках Убе и Ульбе, Бухтарме и Уймон, не только собрал богатый этнографический материал для научных статей, но и попытался творчески осознать и воспроизвести жизнь и нравы старообрядцев. Предшествовавшие рассказу научно-этнографические исследования и очерки действительного члена Западно-Сибирского отдела Русского географического общества явились материалом для литературно-художественной обработки. Из путешествий по Алтаю 1912, 1913, 1914 гг., в воспоминаниях Г. Вяткина, А.Е. Новоселов «возвращался в город с папками разных материалов: собирал и записывал песни, сказки, бытовые наблюдения. Ящики его письменного стола были всегда полны этнографическим и литературным сырьём» [Тарлыкова]. По результатам исследовательской поездки на Алтай в ноябре 1912 года Новоселов прочитал доклад «У старообрядцев Алтая» перед членами Русского Географического общества в Омске, который впоследствии был опубликован в «Известиях Западно-Сибирского отдела РГО».

Работа над темой старообрядчества проводилась писателем упорно и методично. Писатель, несмотря на то, что не имел религиозных пристрастий, все же подверг детальному изучению верования старообрядцев. Суровые заповеди поселенцев не могли не отразиться на их незатейливом быте. В «Отчёте о поездке на Алтай» он делится впечатлениями от путешествия. В Малоубинке, например, ему удалось побывать на богослужении федосеевцев: «Кажется, попал в катакомбы первых христиан. Шли века, развивалась жизнь, а тут каким-то волшебством всё осталось в полной неприкосновенно-

сти» [Тарлыкова]. Именно последняя поездка и вдохновила Новосёлова на написание одного из лучших его произведений - «Жабья жизнь».

Изучение жизни и быта старообрядцев, знакомство с их культурой легли в основу рассказа А.Е Новоселова «Жабья жизнь». Именно в глухой заимке, затерявшейся в горах Алтая, живет состарившаяся прежде времени героиня рассказа Катерина. История ее жизни печальна. Она почти случайно оказалась здесь. Ранее она жила в городе и служила у хозяев в Семипалатном «по стряпкам». «Все, бывало, по-людски, не как-нибудь. Изготовить ли чего, подать ли... Не то что... Что это? Как попала? А так уж вышло оно. На несчастную мою голову. Жила я, значит, у священника, отца Ксенофонта. Вот хороший был батюшка!» [Новосёлов 1981 : 246]. Бесхитростная женщина поверила вдовцу-староверу Мирону, угрюмому, нелюдимому человеку, и в полном неведении о грядущей жизни отправилась в эту глухомань. Женское сердце ранимо, жалость, являясь основой любви и привязанности, привела ее к томлению и унынию. Бесправное существование превратило жизнь молодой еще женщины в «жабью», вопреки обещаниям бездетного, «вдового» хозяина пасеки, ранее занимавшегося лесным сплавом. Именно такие ассоциации возникли у автора-рассказчика после посещения заброшенного жилья изувера-раскольника. Отнюдь не лучшие стороны старообрядческого уклада живописует автор. Фанатизм, невежество и суровость нравов поселенцев глубинки находят отражение в рассказе.

Пейзаж становится действенным: он предупреждает, сопутствует и завершает события в повествовании. Оказаться в старообрядческом селении нелегко. «Я пробрался волчьими тропами в поморский скит, заброшенный к самому сердцу Алтая» [Новосёлов 1981 : 241]. Непроходимость и девственность природы Алтая такова, что «голос потерялся в бойком рокоте речушки». Горный ландшафт определяет тропу «заблудшему» путнику, проводником по таинственно сказочному лесу является Резвая речка. «Уже полдень. Горы подступают все плотнее. Черные угрюмые леса одели их по склонам. Зеленовато-голубой волной идет река по каменным ущелинам. Стремительно бросается она на мокрые стены утесов и, отраженная, в безумной ярости несет белую пену, а за поворотом мчится уже гладкой зыбью, отражая красоту лесов и неба, чтобы снова в узком коридоре звонким жемчугом засыпать с гор скатившиеся валуны. Едва приметная тропинка извивается по берегу, порой спускаясь в воду или поднимаясь на приречный утес» [Новосёлов 1981 :

241]. Прием олицетворения, уместно используемый автором при описании гор и реки, сопутствует нагнетанию таинственности и страха перед всепобеждающей силой дикой природы. «Угрюмость леса» и «безумная ярость» реки способствуют, однако, сравнительно-метафорической передаче «звонким жемчугом» падающих камней. Особо привлекателен «приречный» утес, целенаправленно поставленный художником слова в зависимость от мощи «несущейся белой пеной реки». Возможно, рассказчик должен оказаться в самом «сердце» горного Алтая, но для этого ему, как и любому сказочному герою, придется преодолеть множество препятствий. «Мелкие речушки, вырываясь к ложу царицы-реки, шумными каскадами встают нам на дороге» [Новосёлов 1981 : 241]. Многофункционален и метафоричен образ горной реки: она создает преграды и в то же время становится проводником по бескрайним непроходимым местам Алтая. Ее разрушающая сила одновременно символизирует источник жизни. Смысл этой внутренней антитезы проецирует противоположность отношений героев рассказа.

Вид сверху позволяет рассмотреть веероподобные очертания местности. Освещенная солнцем поверхность, в видении автора, меняет характер восприятия. Однако ощущение «теплоты и света» контрастирует с «серой вязкой грязью», которая «под корень скосила лес». «Солнышко, теряясь в гуще леса, радуется теплом и светом лишь на россыпях. Вершины россыпей углом уходят вверх. Когда посмотришь издали, то кажется, что из горы течет серая вязкая грязь. Она веером раскинулась по склону, под корень скосила лес. Гигантский веер нижней гранью падает к воде» [Новосёлов 1981 : 242]. «Бом» оживает под пером рассказчика и вступает в противоречие с мощью реки. «Вот опять суровый бом упрямо пялит в реку свою каменную грудь, встает ей на пути несокрушимый, неприступный. Дорога замирает у воды» [Новосёлов 1981 : 242]. В борьбу за выживание вступает горная тропа, которая находится над обрывом. «Другая тропинка поднимается круто на бом. Выбираю ее. Она лепится по скалам гранита, виснет над самой рекой» [Новосёлов 1981 : 242]. Естественная преграда вновь заслоняет только что наметившийся путь к жизни, возможно, к цивилизации. «Неожиданно через тропу ложится глыба серого гранита. Она гладкая, скользкая» [Новосёлов 1981 : 242]. Именно через столькие трудности приходится пройти путнику, чтобы добраться до затерянного в горах алтайского жилья. А дальше «дорожка спокойно уходит через лес пологой мякотью» [Новосёлов 1981 : 242]. Все затихает в тени глу-

хой сибирской тайги. «Тропинка мягкая, но следу нет. Она упрямо поднимается в вершину» [Новосёлов 1981 : 243]. Девственный лес «густой-густой», не тронут цивилизацией, «еще не знающий железа». Биологический процесс естественен: деревья «изживают век и падают, где выросли». Сопоставляя стволы их с «колодами», автор подчеркивает мощь и силу не исчезающей, а переходящей из одного в другое состояние господствующей здесь природы. Таинственный лес не пропускает солнечных лучей, прикрыв их «ажуром зелени». «Лицом поминутно разрываешь липкую невидимую паутину. Внизу, под деревьями сыро. Густо пахнет землей» [Новосёлов 1981 : 243]. Пейзажные зарисовки способствуют воспроизведению реальной картины сибирской тайги. Подобные приемы использованы автором не случайно, в них проявляется бытописательский талант А.Е. Новоселова. «Дорожка смело опрокидывается, ведет зигзагами все через лес, куда-то вниз, к неведомому, жутко интересному» [Новосёлов 1981 : 243]. Возможно, нарушение лексической сочетаемости «жутко интересный» автором использовано преднамеренно, с целью объективации внимания читателя, подготовки его к развитию дальнейших событий.

Точечные пейзажные штрихи переданы автором посредством перемежающихся последовательных и параллельных синтаксических структур, что способствует рассеиванию внимания наблюдателя. Метонимический штрих «на косогоре лес растаял» дополняется либо уточняется причинно-следственным сегментом «не любит он южных уклонов». И далее автор метафорически живописует в параллельной взаимосвязи точечные картины, представшие взору странника-наблюдателя. Под пером художника «тесное ущелье» метафорически «синеет» в облике «сказочно голубой дали». «Неслышная» речка видится путнику «нитью серебра». А вот и селение, которое виднеется «из-за груди откоса», вдали «чуть сереет крыша» [Новосёлов 1981 : 243]. Эффект приближающейся киносъёмки позволяет «резче» обозначить контуры домика. В приглушенном вечернем свете «тени от крутых гребней» падают на избу, «покрытую на два оката необрезанным тесом». Ощущение неуютности, тесноты интуитивно подсказывает, что обитатели ветхого строения живут за гранью бедности. «Кругом мочажник. Лишь заимочка стоит на небольшом пригорке. Ни плетня, ни прясла» [Новосёлов 1981 : 244].

Интерьер жилища, являясь частью пейзажного описания в рассказе, дополняет общую картину авторского видения. Быт хозяина-старообрядца незамысловат, более того, аскетичен. Давящий сверху потолок символизирует отсутствие свободы и выбора. Тесно не только в доме, но и в мыслях его хозяев. Сторонний наблюдатель испытывает чувство неприязни, дискомфорта, оказавшись внутри строения. Однако долгий путь не оставляет выбора и странник должен остаться здесь на ночлег. «В низкой и тесной избе полумрак. Печка пышет жаром. Пахнет кислым хлебом и чем-то тупо-сладким, от чего мутит под ложечкой» [Новосёлов 1981 : 244].

Скептицизм А.Е Новоселова в отношении перспективного развития сибирского старообрядчества проявляется и в природоописаниях, и в презентации образов-персонажей повествования. «Жизнь наложила свою руку на алтайскую старину, и не уберегла ее ни кержацкая нетерпимость, ни замкнутость и обособленность населения» [Новосёлов 1913 : 8]. В «Отчете о поездке на Алтай. У старообрядцев Алтая» писатель-этнограф отмечает, что «религия ...крепко замыкает человеческую душу на свои потайные замки, и, окаменевши в этих путях, народ несет через века старину в большей или меньшей неприкосновенности. Чем надежней путы, тем устойчивей обряд» [Новосёлов 1913 : 6]. По словам исследователя-сибироведа К.В. Анисимова, «географическая и в особенности конфессиональная отъединенность начинает осмысливаться как уничтожение естественности в человеке, как отрицание жизни» [Анисимов : 235].

Отец Мирона, старожил, старовер, «с сухим, кротким лицом» и «тихими, умными глазами», производит впечатление «чистого», «хорошего» человека, «с ясной душой, готового умереть, когда случится» [Очерки русской литературы Сибири : 245]. Образ старика, без сомнения, вписывается в общие бытовые и культурные картины старообрядческой жизни, где «господствовал культ чистоты» и уважения к старшим по возрасту.

Однако патриархальная идиллия и благостное отношение к старообрядческому укладу нарушает «отвратительная сцена» семейного конфликта, когда «муж Екатерины Мирон обрушивается с бранью и угрозами на бедную женщину только за то, что она по приглашению гостя выпила с ним чашку чая» [Очерки русской литературы Сибири : 542]. Возможно, строгий блюститель старообрядческих канонов таким образом пытался противостоять нарушению раздражающего многих запрета на общение с мирскими в «ядении,

питии и дружбе». С одной стороны, запрет есть из одной чашки и пить из одной посуды с не старовером - явление вполне объяснимое, он преследовал гигиеническую цель – не перенять болезнь от другого человека. С другой стороны, в данном эпизоде традиция русского гостеприимства оказалась попорченной в грубой форме. Екатерина, обрадовавшись посещению в «гиблом месте» случайного путника, действительно нарушила один из запретов старообрядческой общины - проживающим в ней не разрешалось пить чай и кофе. «Катерина вскипятила чайник. Сизо-черный от смолистой копоти» чайник на столе хозяйки «сердито хлопчет под крышкой» и «стреляет паром» [Новосёлов 1981 : 246], домашняя суета по поводу встречи гостя естественна и приятна для измученной от «жабьей жизни» и мечтающей о побеге в город женщины. Убогость быта и скромность «в ядении» подчеркнута А.Е. Новоселовым в описании подготовленного для встречи стола, который «накрыт серой запачканной холстиной. На холстине – треснувшая чашка, горка длинных ноздреватых ломтей хлеба и деревянное корыто с сотами» [Новосёлов 1981 : 246]. В старообрядческих поселениях часто занимались пчеловодством. Продукты и предметы натурального хозяйства позволяют читателю представить в деталях быт староверов-алтайцев. Катерина с насмешкой и грустью поясняет: «Пьем бадан да всякие травки». Желание не существовать, а жить «по-людски» порождает естественное неприятие как бытовых условий и физического насилия, так и методичного «склонения» к вере федосеевцев. «Дескать, как знаешь, а только нельзя ему (Мирону) с тобой в разных обрядах, разведем. Тот и почнет укорять» [Новосёлов 1981 : 247]. Появление мужа приводит в смятение совсем недавно радушную хозяйку, словно «кто-то вспугивает ее душу» [Новосёлов 1981 : 246]. Теперь уже в ее глазах страх перед расправой, мечта освободиться от мужа-истязателя, чья душа подобна самой заимке, «глухой, скрытой от посторонних глаз» [Новосёлов 1981 : 250].

Протест выражен в отчаянии: «Жабья жизнь!» В авторском отклике на эмоциональный всплеск героини аллегорические размышления: «Жабья! Да, их много тут на болоте. Серые, грузные...что-то хлюпает...Жаба! Глубоко вдавил ее копытом в грязь. Она выпучила круглые глаза и трепещет передними лапками, туго надувая зоб» [Новосёлов 1981 : 251].

Пейзаж в финале рассказа символичен. Молитва Мирона восходит к «гордому небу», которое «блещет миллионами святых огней», но это небо

для него «недосягаемо». Поэтому автор завершает повествование, вводя прием отрицания или ироничного сомнения посредством риторического вопроса: «Слышит ли гордое небо слова Мироновой молитвы, видит ли оно, как умирает на болоте жаба?» [Новосёлов 1981 : 251]. Как безапелляционно заявляет Н. Яновский: «Ответ тут только один: не слышит и не видит. И на сердце у писателя – тоска...» [Яновский : 432].

Художественная форма рассказа позволяет иллюстративно воспроизвести своеобразие авторского видения жизни. Рассказ, как утверждает Н.В. Кузьмич, - «продукт отражения действительности, ибо только действительность – воплощенная писателем в образах – является источником содержания, так как в ней заключены темы, идеи, проблемы» [Кузьмич : 135]. В то же время обозначенная форма – явление эстетическое, так как полем ее реализации является субъективный мир писателя, репрезентируемый посредством сюжетно-композиционного, образно-выразительного и стилевого ресурсов. Таким образом, рассказ отражает не только действительность, но и художественно-эстетические воззрения писателя.

Список литературы

Анисимов, К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции [Текст] / К.В. Анисимов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.

Кузьмич, Н.В. Рассказ: к проблеме формы и художественной формы [Текст] / Н.В. Кузьмич // Филология в парадигме гуманитарных наук: традиции и современность. – Караганда, 2008. – С. 134-138.

Новоселов, А.Е. Отчет о поездке на Алтай. У старообрядцев Алтая [Текст] / А.Е. Новосёлов // Изв. Зап.-Сиб. отд. имп. русского геогр. об-ва. - 1913. - Т.1. - Вып. 2.

Очерки русской литературы Сибири: в 2 томах. - Новосибирск: Наука, 1982. - Т. 2: Советский период.

Тарлыкова, О. Он громко славил жизнь и торопился жить / О. Тарлыкова. - Электронный ресурс: [http:// prstr.narod.ru/texts/num0905/tar0905.htm](http://prstr.narod.ru/texts/num0905/tar0905.htm)

Яновский, Н. Александр Новоселов. Послесловие / Н. Яновский // Беловодье. – Иркутск, 1981. – С.409-445.

Источники

Новоселов, А.Е. Жабья жизнь [Текст] / А.Е. Новоселов // Беловодье. - Иркутск, 1981. – С.241-251.

Р.П. Бекетова, В.Д. Маликова

Текст школьного учебника: экстралингвистические и паралингвистические аспекты

1. Изменения государственного стандарта общего образования

Конец XX века внес существенные изменения в целевые установки обучения иностранному языку: ведущим становится формирование коммуникативной компетенции. Изменяется доминанта в развитии речевой деятельности с чтения на говорение. Содержание обучения наполняется информацией о жизни страны изучаемого языка. Разнообразие сфер коммуникации (бытовая, научная, общественно-политическая, официально-деловая и т.д.) требует не только лексико-грамматических знаний, но и владения коммуникативными единицами от предложения до сверхфразового единства (текста).

Соответственно с изменением целей обучения изменяется и учебное пособие. Ориентиром для их составления является *Федеральный компонент государственного стандарта общего образования*, определяющий содержание, объем учебного материала, требования к обеспечению образовательного процесса и уровню подготовки выпускников образовательных учреждений. *Примерные программы по иностранным языкам* конкретизируют содержание государственного стандарта. Но при всех преобразованиях целевых установок текст по-прежнему занимает ведущее место в структуре школьного учебника. Однако изменяется его назначение. Текст является не только носителем информации, средством для обучения различным видам чтения, он становится образцом для овладения коммуникативными единицами различных сфер общения в их устной и письменной формах.

Разнообразие социальных сфер общения, социальной деятельности человека порождает соответствующие им типы коммуникативных единиц. По их образцу и подобию, закрепленному в тексте, обучающиеся получают знания о структурной модели, лексико-грамматических способах ее заполнения

и создания коммуникативной единицы соответственно сфере ее функционирования.

На примере одного из школьных учебников (*Objectif*) делается попытка анализа экстралингвистических и паралингвистических аспектов текста.

2. Экстралингвистический аспект текстов школьного учебника

Текст школьного учебника претерпевает изменения не только с точки зрения содержания (насыщение лингвострановедческой тематикой), его структурной принадлежности той или иной социальной сфере общения, но и с точки зрения авторства текста. Например, тема «Путешествие, каникулы» представлена отрывком художественного текста, объявлениями и интервью из молодежного журнала *Phosphore*. Содержание аутентичных текстов может служить решению не только учебных, но и воспитательных задач (воспитание сострадания, уважения к культурным ценностям нации). Ср.:

▪ **BÉNÉVOLAT**

L'Association des paralysés de France recherche des jeunes pour des séjours de 15 jours minimum avec des handicapés moteurs (prise en charge totale de votre voyage).

Renseignements : tel. 01.40.78.69.00.

Работа на общественных началах

Ассоциация инвалидов Франции ищет молодых людей для двухнедельного сопровождения людей с ограниченными возможностями (полная оплата дорожных расходов).

▪ **CHANTIERS**

L'Union des remparts (tel. 01.42.71.96.55) propose à des jeunes de 16 ans de restaurer des chapelles et des églises dans les Pyrénées-Orientales.

Строительные работы

Ассоциация по восстановлению древних строений предлагает молодым людям 16 лет участвовать в восстановлении часовен и церквей в Восточных Пиренеях.

Хотя аутентичные тексты занимают небольшой объем в структуре учебника, следует отметить разнообразие их функционального подбора: художественные произведения, французская молодежная пресса (заметки школьников, интервью, объявления), эпистолярный стиль (личные письма,

открытки, телеграммы), официально-деловой (образцы заполнения анкет, автобиография – *curriculum vitae*).

Ссылка на аутентичный источник текста несомненно расширяет границы познавательного интереса; привлекает не только содержание, но и необычность его построения, структуры, порой отличной от идентичных текстов на русском языке, например, автобиография, личное письмо. Представленные в учебнике образцы письма французского друга явно не отвечают требованиям аутентичности, поскольку их структура (место даты, зачин, концовка) скорее отражает образец письма русского друга. Это говорит о том, что вопросы структурирования, построения текста (дискурса) различных сфер общения, равно как и вопросы речевого этикета не нашли того внимания, которое уделяется лингвострановедческой тематике в школьных учебниках.

Несомненно, аутентичные тексты, созданные носителями языка в реальной действительности, являются ценным источником лингвострановедческих знаний. Они могут включаться как в оригинальном, так и в адаптированном к учебным целям вариантах. В методической литературе появился термин «методическая аутентичность» [Носонович : 15], которая допускает в целях создания учебных материалов «упрощение оригинальных текстов и составление текстов учителями и авторами учебников» [там же].

Тексты, составленные в учебных целях отечественными учителями и авторами учебников, сохраняющими нормативное или узуальное употребление лексики и грамматики, все же не являются аутентичными. Что касается «методической аутентичности» в области «упрощения оригинальных текстов», то издавна существует термин «адаптация», применимый и к такому явлению, как «приспособление текста для недостаточно подготовленных читателей» [Розенталь : 25]. Кроме адаптации лексико-грамматического материала данные тексты могут сопровождаться комментариями, словарем [Objectif: Unité 1-10].

В книге для учителя к учебнику *Objectif* говорится, что обучение чтению проходит на «частично адаптированных аутентичных текстах различной функциональной направленности, среди которых тексты из газет и журналов, научно-популярной и художественной литературы» [Григорьева : 11]. Подобная «методическая аутентичность» без ссылок на указание источника

вступает в противоречие с этическими нормами по использованию материалов других авторов.

3. Паралингвистический аспект текстов школьного учебника

В 60–е годы XX века лингвистика получает дополнительное развитие. Языкознание выходит «за пределы изучения только собственно языковой системы» [ЛЭС : 367]. Внимание ученых привлекают невербальные средства, усиливающие эффективность речевой деятельности: кинетические, фонационные, графические.

Новое направление и совокупность его средств получают название *Паралингвистика*, а тексты, в создании которых участвуют различные семиотические коды – вербальные и невербальные – получают название *креолизованные тексты*.

В основе паралингвистических средств письменного текста лежат различные семиотические коды и знаки:

- пространство и текст: пространственная аранжировка текста, сегментация, поля, абзацы, пробелы, длина строки и т.д.;
- параграфические: шрифт, цвет, заглавная/ строчная буквы, их комбинации;
- иконические знаки: фотографии, рисунки, карикатуры, географические карты, цифры, символы, чертежи, схемы, пунктуация и т.д.

Следует отметить как положительный тот факт, что в дизайне школьного учебника в целом удачно используется всё разнообразие невербальных средств.

В достаточном количестве представлены тексты с полной креолизацией, где основную информацию несут иконические знаки, а вербальные лишь сопровождают их и не являются автономными. Примерами таких текстов в школьных учебниках являются фотографии, таблица жестов, рисунки, схемы, карты [Objectif : 30, 102, 210, 211, 296].

В текстах с частичной креолизацией доминирует вербальная часть [Анисимова : 15]. Избыточность паралингвистических средств, неудачный подбор цветовой гаммы могут осложнять восприятие вербального текста [Objectif : 152, 153, 183, 238, 239]. Такие случаи единичны и находят коррекцию в следующих изданиях учебника. В целом соотношение семиотических

кодов учебника *Objectif* способствует реализации основной цели – формированию межкультурной компетенции.

Таким образом, отечественные авторы и дизайнеры школьного учебника по французскому языку обратили должное внимание на лингвострановедческую и паралингвистическую насыщенность учебных текстов, отражающих реалии и национально-культурную специфику речевого и неречевого поведения (деятельности) носителя языка. К недостаткам следует отнести отсутствие ссылок на источники.

Список литературы

Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на примере креолизованных текстов) [Текст] : учебное пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е.Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.

Григорьева, Е.Я. Французский язык [Текст] : учебник фр. яз. для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений / Е.Я. Григорьева, Е.Ю. Горбачева, М.Р. Лисенко. – 6-е изд., испр. – М.: Просвещение, 2007. – 347 с.

Носонович, Е.В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам [Текст] / Е.В. Носонович, Р.П. Мильруд // Иностр. яз. в шк. – 2005. - №7. – С. 2-14.

Розенталь, Д.Э. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Мир и образование: ОНИКС, 2003. – 624 с.

Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с. (ЛЭС)

А.Б. Григорьева

Языковая личность свахи в свадьбе среднего Притоболья

В каждом речевом поведении участвует языковая личность. По мнению Ю.Н. Караулова, «языковая личность» - это «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности, а с другой стороны, по уровням языка» [Караулов : 29].

Языковая личность обусловлена национально-культурными стереотипами, то есть обобщенными представлениями, характеризующими типичные черты какого-либо народа. В нашем случае языковой личностью является сваха. Свадебный чин свахи определяется нами как лицо, осуществляющее целенаправленное коммуникативное воздействие на остальных участников свадебной драматургии.

Объектом исследования является языковая личность свадебного чина – свахи.

Источниковедческой базой исследования послужили материалы, включенные в книги М.Г. Екимова «Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья» [Екимов], В.П. Фёдоровой «Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья» [Фёдорова], Н.О. Осипова «Ритуал сибирской свадьбы» [Осипов], А.И. Мякутина «Песни Оренбургских казаков» [Мякутин], а также фонды архива кафедры древней литературы и фольклора Курганского государственного университета.

В древнеиндийской мифологии слово «сваха» употребляется как восклицание при жертвоприношении богам (типа: «Да будет благо!», «Во здравие!», «Благослови!» и т.п.). Сваха - это слово, обозначающее то, что приносится в жертву богам и употребляется с целью приглашения богов на предстоящее жертвоприношение» [Мифы народов мира : 420]. О происхождении возгласа «сваха» сообщается, что «Праджапати породил из своих уст Агни, которому нечего было есть, так как земля в это время была еще голой. Он решил создать для Агни пищу из самого себя и предпринял для этого определенные действия. Не будучи уверенным в том, что полученное им подходит для жертвы, он вдруг услышал голос: «Жертвуй это!» и понял, что его (свое, др.-инд. *sva*) величие сказало (*aṅa*) это. После этого Праджапати произнес *svaṅa* и принес первую жертву. С тех пор при жертвоприношении произносилось это ритуальное слово» [Мифы народов мира : 420].

В современной науке этимология слова «сваха» трактуется по-разному. В.Н. Топоров считает, что «возглас *svaṅa*, видимо, должен толковаться как *su*, «хорошо» и *aṅa* «сказал» и, следовательно, представляет собой обычный тип благопожелания» [Мифы народов мира : 420]. Этимологический словарь М. Фасмера дает достаточно полное объяснение происхождения слова «сваха». Сваха - «посаженная мать, старшая родственница жениха и невесты. Со-

кращенное образование от «сват» [Фасмер : 570]. А слово «сват» в свою очередь произошло от «сведу», «сводить» [Фасмер : 568].

К первым двум истолкованиям, думается, следует прислушаться, исходя из понимания особенной роли свахи в самые решающие моменты свадебного обряда. Она принимала деятельное участие во время сватовства – «сводила». В этом обряде сваха выступала посредником между двумя сторонами: «своей» и «чужой». Профессия свахи закрепилась под влиянием устойчивости аналогичного традиционного обрядового свадебного чина.

Образ свахи является одним из значительных в драматургии и поэзии свадебного обряда, чем задано ее речевое поведение. Оно должно соответствовать заранее продуманным коммуникативным и прагматическим целям. Так, она должна была владеть стандартными речевыми конструкциями, необходимыми для осуществления успешной беседы. Она должна иметь качественную речевую подготовку во избежание коммуникативных проблем, свободно оперировать вариативными речевыми конструкциями, чтобы иметь возможность выбрать из арсенала разнообразных моделей речевого поведения наиболее адекватную данной коммуникативной ситуации.

Роль свахи раскрывается в ее обязательном присутствии в наиболее значимых частях структуры свадебного обряда не только в традиции Среднего Притоболья. От нее полностью зависел исход сватовства. Сваха воплощает в себе черты «чужой» стороны. От нее требовалось умение красиво и убедительно говорить, у нее «сахарные уста с приговором». В одной из песен подчеркивалось речевое мастерство свахи:

*Сваха сватала, хвастала,
За чужу душу божилася,
За чужу, за молодецкую:
Чужу сторону хвалила...* [Екимов : 76].

На протяжении всего свадебного обряда Среднего Притоболья, начиная со сватовства, принимались различные меры для противостояния злым силам, которые могли помешать творению единства двух родов и благополучному переходу невесты из «своего» пространства в «чужое». Анализ материалов позволяет говорить об устойчивости ритуально-магических действий. Для благополучного перехода невесты были призваны обычаи магического характера, которые определяли поведение свахи в доме невесты.

Сваха всегда знала, с чего начинать разговор в доме невесты. Для

свадьбы Среднего Притоболья были характерны экзопатетические обряды, которые сводились к попытке ввести в заблуждение, обмануть демонов, скрыть от них истинный смысл происходящего. Проявлением экзопатетической магии при сватовстве было использование свахой иносказаний. В поэзии сохранились отголоски древнего типа брака «купли-продажи», в котором каждая сторона стремилась выгадать свои интересы. Поэтому заводили разговор издалека, хотя подлинная цель визита была очевидна. Сначала говорили об урожае, о хозяйстве, затем переходили к делу. Для этого чаще всего использовались иносказательные выражения «У вас товар - у нас купец», «У вас курочка - у нас петушок, нельзя ли их загнать в один хлевушок» или «У вас есть берёза, у нас дуб, давайте вместе гнуть». «Говорили загадками ишшо: “Вот у вас, говорят, телушичка есть продажная, а у нас бычок”» [Мифы народов мира : 56]. Иносказания связаны с древними представлениями об иносказании как средстве защиты от порчи и злых духов, которые могли помешать благополучному исходу сватовства.

Во всех компонентах драматургии свадьбы сваха владеет эзотерическими знаниями: она знает семантику пространства дома невесты, использует иносказательность на сватовстве, обереги при одевании жениха и невесты и т.д. Все ее действия определены мифологическими представлениями об обереге, порче, тех мерах, которые определяют благополучие брака. Благодаря действиям свахи происходит зарождение семьи. По представлениям зауральцев, именно от выбора свахи зависела будущая судьба молодых. Народная пословица гласит: «Выбирай не невесту, а сваху».

Эффективность речевого воздействия обуславливается соответствием используемых приемов менталитету и коммуникативным целям говорящего, то есть свахи. В речи свахи отражаются представления о невесте, женихе, об организации брака, о хозяйстве.

Национально-культурная специфика речевого поведения свадебного чина свахи обуславливает создание дружелюбной атмосферы общения участников свадьбы с целью достижения оптимального результата профессиональной коммуникации.

Список литературы

Екимов, М.Г. Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область) [Текст] / М.Г. Екимов. – Куртамыш, 2002. – 481 с.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М., 2004.

Мифы народов мира: Энциклопедия [Текст] / гл. ред. С.А. Токарев. – Т.2. К-Я. - М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т.2. – К-Я. – 720 с.

Мякутин, А.И. Песни оренбургских казаков [Текст]: в 4 т. / А.И. Мякутин. - Т.IV. Песни обрядовые, духовные стихи, апокрифы, заговоры, очерки обрядов. – Оренбург, 1904. – 362 с.

Осипов, Н.О. Ритуал сибирской свадьбы [Текст] / Н.О. Осипов // Живая старина. – СПб., 1893. – Вып. 1. Отд. 2. – С.96 – 114.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: В 4 т. / М. Фасмер. – СПб.: Азбука, 1996.

Фёдорова, В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья [Текст] / В.П. Федорова. – Курган, 1997. – 284 с.

Л.В. Гришкова

Концепты христианской культуры в художественной литературе

Анализируя специфику объективации концептов христианской культуры в художественной литературе, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, внутри христианского мира исторически сложились два типа этой культуры – «две системы ценностей, имеющие одно происхождение, сходные, а во многом и одинаковые по составу и формальной иерархии, но решительно различные в практической ориентированности, в отношениях... с "идеалом" и "действительностью"» [Караулов 1999]. В.С. Непомнящий определяет две эти ветви как «рождественскую» и «пасхальную»:

«Общеизвестно, что на Западе, у католиков и протестантов, главный церковный праздник — Рождество, а у нас в православии — Пасха. В этом и эксплицировано, как говорят ученые люди, наше глубокое ментальное различие. Нет гнезда выше орлиного, нет праздника выше Рождества — это немецкая пословица. Почему «нет выше»? Да потому, что Рождество Христово есть Боговоплощение: Бог *вочеловечился*, говорится в Символе веры. То есть Бог так любит меня, что уподобился мне! Значит... значит, я этого достоин (вспомним рекламные слоганы). Это лестно мне, а главное: стало быть, я

имею право осознать себя, человека, точкой отсчета и мерилom всего. Не случайно именно на Западе после Ренессанса родилась, а позднее вошла в силу идея несовершенства мира — причины всех бед и несчастий людей... В конце концов к XX веку окружающий мир был фактически признан чем-то вроде груды строительного материала, из которого мне, человеку, надлежит создать нечто «совершенное», то есть совершенное на мой вкус. Такой земной рай: без «усовершенствования» самого человека — только условий его существования.

Пасха и Воскресение не льстят мне, а призывают стать лучше: «Последуй за Мною, взяв крест». Свой крест, который тебе достался в жизни. Отсчитывай не от себя любимого, а от Бога, от Христа, от идеала, наконец... Короче говоря, в «рождественском» христианстве главное событие — наличный факт уподобления Бога человеку, а в «пасхальном» — призыв Христа к человеку уподобиться Ему, Богу; «отсчет» ведется с противоположных концов» [Непомнящий 1996].

Во-вторых, концепты христианской культуры объективируются в литературе в рамках **модуса художественности**, под которым подразумевается «всеобъемлющая характеристика художественного целого», то есть «тот или иной род целостности, предполагающий не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но и внутренне единую систему ценностей и соответствующую ей поэтику» [Терра-Лексикон : 469], и как следствие этого – трансформируются.

Отсылки к Священному Писанию в художественных текстах обычно рассматриваются как интертекстуальные включения. Масштабы интертекстуальности бывают различными и могут колебаться «от реминисценций, аллюзий и цитат до включения целостных больших текстов в виде произведений, принадлежащих перу персонажей: их писем, дневников или написанных ими романов» [Арнольд : 80 – 81].

С другой стороны, Библия относится к так называемым прецедентным текстам, под которыми понимаются явления культуры, «хрестоматийно известные всем (или почти всем) носителям данного языка» [Караулов 1999 : 44]. Основное свойство любого вида цитирования – это его узнаваемость предполагаемым адресатом (читателем). Узнаваемость прецедентного текста позволяет использовать его элементы (сюжет, образную систему и т.д.) без подчеркивания первоначального авторства.

При определении самого понятия «*концепт*» Ю.С. Степанов выделяет две его функции в жизни социума: «Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов : 43].

Концепт «*мессия*» – одна из важнейших констант христианской культуры. По определению Ю.С. Степанова, константа в культуре – это «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время, или некий постоянный принцип культуры» [Степанов : 84].

Исследователи выделяют в структуре концепта ядерную и периферийную зоны. В ядерную зону входят словарные значения той или иной лексемы. Периферия включает субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации [Маслов : 30].

При определении ядерной зоны концепта «*мессия*» нужно учитывать, во-первых, его этимологические характеристики: лексема восходит к древнееврейскому *машиах*, буквально – помазанник; греческий перевод – Христос. Во-вторых (и это главное), в христианской религии мессия – Спаситель, ниспосланный Богом на землю [Терра-Лексикон : 351].

При анализе периферийной зоны полезно обратиться к приведенному ниже комментарию к Новому Завету американского издания Библии на русском языке, в котором говорится о неоднозначности истолкования евангелистами личности Христа. В комментарии также приводятся семь истин, которые лежат в основе четырех Евангелий. Мы остановимся на двух из них. Истина первая:

«В каждом из Евангелий открывается одна и та же уникальная Личность. Тот же Иисус у Матфея – Царь, у Марка – Раб, у Луки – Человек и у Иоанна – Бог. Но нигде Он не является чем-то одним, потому что у Матфея Он и Царь, и Раб, и Человек, и Бог. Раб у Марка – также и Царь, и Человек, и Бог. Человек у Луки – одновременно Царь и Раб, и Бог. У Иоанна вечный Сын является и Царем, и Рабом, и Человеком».

Истина седьмая:

«Все евангелисты предсказывают Его Второе Пришествие» [Степанов : 1086 – 1087].

Из комментария следует, что каждый евангелист предлагает свою иерархию ипостасей Богочеловека, и поскольку всякий литературный текст оказывается лишь одним из звеньев непрекращающегося социально-литературного дискурса (термин Е.А. Гончаровой), трансформации могут подвергаться не только периферийная зона концепта «*мессия*», но и его ядро [Гончарова : 6 – 15].

Ю.Н. Караулов подчеркивает, что введение в дискурс прецедентных текстов «всегда означает выход за рамки обыденности, ординарности в использовании языка, и отсылка к прецедентным текстам ориентирована не на обычную коммуникацию, не сообщение какой-то информации в первую очередь, но имеет, прежде всего, прагматическую направленность, выявляя *глубинные свойства языковой личности, обусловленные либо доминирующими целями, мотивами, установками, либо ситуативными интенциональностями*» (курсив наш.– Л.Г.) [Караулов 1988].

Все выше сказанное в полной мере можно отнести к роману С. Кинга «Зеленая миля» (*The Green Mile*), действие которого происходит в Америке в годы Великой депрессии, о чем свидетельствует уже начало этого произведения:

«This happened in 1932, when the state penitentiary was still in Cold Mountain. And the electric chair was there, too, of course» [King : 3].

Место действия – замкнутое пространство блока смертников (E Block). Рассказчик Пол Эджкомб и его сослуживцы нарушают первую заповедь – «не убий»: они приводят в исполнение смертные приговоры.

«I presided over seventy-eight executions during my time in Cold Mountain (that's one figure I've never been confused about; I'll remember it on my deathbed)» [King 1995 : 3].

Завязка (и одновременно загадка) сюжета – появление в блоке смертников Джона Коффи (John Coffey). Американские критики сразу же обратили внимание на начальные буквы его имени, созвучные с именем Христа (Jesus Christ). **Мессия** в романе С. Кинга приходит в образе огромного, физически сильного афроамериканца («big boy») с душой потерявшегося ребенка:

«He looked like he could have snapped the chains that held him as easily as you might snap the ribbons on a Christmas present, but when you looked in his face, you knew he wasn't going to do anything like that. It wasn't dull... but *lost*.

He kept looking around as if to make out where he was. Maybe even who he was» [King 1995 : 11].

«Перемещение центра тяжести из области небесного идеала в координаты земного житья-бытья помогало христианству укрепляться в “дольней” жизни и стать основой мощной европейской цивилизации, – отмечает В.С. Непомнящий. – Но зато осложнились — чем дальше, тем больше — отношения с “горним”, с небесным, с неотступно свойственной человеку тягой к идеальному, вечному». Отсюда, по мнению ученого, – свойственная западной цивилизации «доминанта нарастающего трагизма», приводящая «к скепсису, фатализму, цинизму и прочим разнообразным “цветам зла” вплоть до американских кинобоевиков с разной чертовщиной, которая, помимо прочего, выдает inferнальный ужас перед жизнью...»[Непомнящий 1996].

Трагизм романа Кинга проявляется, прежде всего, в трактовке концепта *«мессия»*. Джон Коффи – мессия, но он не Христос («Человек из Галилеи»). Он наделен всеведением пророка, но он не пророчествует, не проповедует и не учит. Он творит добро «вслепую» («in his blind way»). Цитируя булгаковского героя, можно сказать даже, что он «малодушно помышляет о смерти» подобно Пилату, но причина тому – не телесные муки, как у прокуратора, а страдания духа, не выдержавшего тягот земного бытия. Джон Коффи хочет уйти из жизни, потому что он устал от человеческой жестокости («I’ tired of people being ugly to each other»), от собственной беспомощности («I’ tired of all the times I tried to help and couldn’t»), от непонимания того, зачем пришел он в этот мир («I am in the dark»). Он готов принять казнь как избавление: «There’s too much. If I could end it, I would. But I can’t» [King : 491].

Возвращаясь к проблеме типологии христианских культур, мы позволим себе привести еще одну цитату из статьи В.С. Непомнящего:

«Христианство есть, по определению, религия не земного, а небесного, не устройства и оправдания в мире сем, а спасения «в будущем веке»; идеал христианства божествен, а не гуманитарен, его аксиология — не прагматическая, а творческая, не «закона», а «благодати», не необходимости, а свободы, — она рождена вольной крестной жертвой Богочеловека, она телеологична, она, по определению, пасхальна — и в иной, более «натуральный», более гуманитарный и удобный, порядок «отсчета» не переводится: Иисус ведь не внял предложению «оправдаться», сойдя с креста; «хитон» христианской системы ценностей не «раздирается». Тем не менее «центр тяжести» ее

был оттянут из «пасхальной» сферы в «рождественскую», из области небесного идеала в область «реальной» действительности с ее земными критериями» [Непомнящий 1996].

Применительно к литературной коммуникации проблема может быть сформулирована следующим образом: что призвана дать человеку встреча с мессией? Что она в частности дала Полу Эджкомбу - «обычному рядовому человеку», «не носителю культурных ценностей»? Сомнения в существовании высшей справедливости:

«I look back over these pages, leafing through them with my trembling, spotted hands, and I wonder if there is some meaning here as in those books which are supposed to be uplifting and ennobling. I think back to the sermons of my childhood, booming affirmations in the church of Praise Jesus. **The Lord is Mighty, and I recall how the preachers used to say that God's eye is on the sparrow, that He sees and marks even the least of His creations. When I think of Mr. Jingles, and the tiny scraps of wood we found in that hole in the beam, I think that it is so. Yet this same God sacrificed John Coffey, who tried only to do good in his blind way, as savagely as any Old Testament prophet ever sacrificed a defenseless lamb... as Abraham would have sacrificed his own son if actually called upon to do so. I think of John saying that Wharton killed the Detterick twins with their love for each other, and that it happens every day', all over the world. If it happens, God lets it happen, and when we say "I don't understand", God replies, "I don't care"» [King : 535].**

Трансформируются и два других концепта христианской культуры – концепты «*любовь*» и «*жертва*». Любовь в романе убивает:

«I think of John saying that Wharton killed the Detterick twins with their love for each other, and that it happens every day', all over the world».

Жертва – спасение становится жертвой - заклятием:

«Yet this same God sacrificed John Coffey, who tried only to do good in his blind way, as savagely as any Old Testament prophet ever sacrificed a defenseless lamb... as Abraham would have sacrificed his own son if actually called upon to do so. I think of John saying that Wharton killed».

Итогом встречи Пола Эджкомба с Мессией и даже всей его последующей долгой жизни становится мысль о том, что «иногда нет абсолютно никакой разницы между спасением и проклятием» («no difference between salvation and damnation») [King : 533].

Еще с одной трансформацией концепта «*мессия*» мы встречаемся в письме одного из «носителей культурных ценностей» – О. Уайльда, вошедшем в литературу под названием *De Profundis*:

«I see a far more intimate and immediate connection between the true life of Christ and the true life of the artist; and I take a keen pleasure in the reflection that long before sorrow had made my days her own and bound me to her wheel I wrote in *The Soul of Man* that he who would lead a Christ-like life must be entirely and absolutely himself, and had taken as my types not merely the shepherd on the hillside and the prisoner in his cell, but also the painter to whom the world is a pageant and the poet to whom the world is a song» [Wilde : 70].

Жизнь Христа, по мнению Уайльда, сопоставима с жизнью художника или поэта («the painter to whom the world is a pageant and the poet to whom the world is a song»). И жить жизнью Христа совсем несложно – надо просто «быть собой»: «he who would lead a Christ-like life must be entirely and absolutely himself».

Концепт «*мессия*» переводится в сферу искусства, эстетизируется и лишается божественного начала:

«Nor is it merely that we can discern in Christ that close union of personality with perfection which forms the real distinction between the classical and romantic movement in life, but the very basis of his nature was the same as that of the nature of the artist – an intense and flamelike imagination. **What God was to the pantheist man was to him. He was the first to conceive the divided races as a unity. Before his time there had been gods and men, and, feeling through the mysticism of sympathy that in himself each had been made incarnate, he calls himself the Son of the one or the Son of the other, according to his mood**» [Wilde : 70].

В эстетизированном пересказе евангельского текста, где тайная вечеря представлена как «the little supper with his companions», а моление о чаше в Гефсиманском саду – как «the anguish in the quiet moon-lit garden», нет ни слова о Воскресении, зато есть «the terrible death by which he gave the world its most eternal symbol; and his final burial in the tomb of the rich man, his body **swathed in Egyptian linen with costly spices and perfumes as though he had been a king's son**» [Wilde : 71].

Но главный вывод читателя ждет впереди, в самом конце письма:

«And incomplete and imperfect as I am, yet from me you may have still much to gain. You came to me to learn the pleasure of life and the pleasure of art. **Perhaps I am chosen to teach you something much more wonderful – the meaning of sorrow and its beauty**» [Wilde : 114].

Здесь все о себе любимом и как раз потому, что «центр тяжести... оттянут из “пасхальной” сферы в “рождественскую”, из области небесного идеала в область “реальной” действительности с ее земными критериями».

«Обратите внимание: ведь и распятия у нас разные, – подчеркивает В.С. Непомнящий. – На православных распятиях Распятый изображается условно — Его руки словно распахнуты для объятия, — а на западных — реалистично: тяжело провисшее тело. То есть, если для восточного христианства крест — орудие нашего спасения, то для западного — орудие пытки» [Непомнящий 1996].

Пилат в романе М. Булгакова идет навстречу «распахнутым объятиям», сначала во сне, после казни Иешуа, о которой он хочет забыть:

«И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прекрасной голубой дороге. Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. Они ни в чем не сходились друг с другом, и от этого их спор был особенно интересен и нескончаем. **Само собой разумеется, что сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением – ведь вот же философ, выдумавший столь невероятно нелепую вещь вроде того, что все люди добрые, шел рядом, следовательно, он был жив. И, конечно, совершенно ужасно было даже подумать о том, что такого человека можно казнить. Казни не было! Не было. Вот в чем прелесть этого путешествия по лестнице луны**» [Булгаков : 251].

Сон прокуратора сбывается через «двенадцать тысяч лун», потому что «за него просил тот, с кем он так стремился разговаривать», и он обретает прощение и желанное общение. Мастер освобождает своего героя:

«Он сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безлесым горам:

– Свободен! Свободен! Он ждет тебя!

Горы превратили голос мастера в гром, и этот же гром их разрушил. Проклятые скалистые горы упали» [Булгаков : 301].

Когда читаешь эти строки булгаковского романа, предваряющие его концовку, невольно вспоминаются другие – из Послания апостола Павла коринфянам: «И если я имею пророчество и постигаю все тайны и все знание, если я имею веру так, чтобы и горы переставить, но любви не имею, – я ничто».

Список литературы

Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2004.

Гончарова, Е.А. Когнитивно-коммуникативные параметры ситуации порождения, восприятия и интерпретации художественного текста [Текст] / Е.А. Гончарова // *Studia Linguistica XVI* / Язык. Текст. Культура: сборник. – СПб., 1997. – С. 6 – 15.

Караулов, Ю. Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах [Текст] / Ю.Н. Караулов // Система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 108 – 116.

Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть [Текст] / Ю.Н. Караулов.– М., 1999.

Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004.

Непомнящий, В.С. Удерживающий теперь Феномен Пушкина и исторический жребий России / В.С. Непомнящий // *Новый мир*. – 1996. - № 5.

Непомнящий, В.С. Русский человек экзистенциально — самый свободный человек на свете / В.С. Непомнящий. - <http://pravaya.ru/leftright/473/13667>

Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. - 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004.

Терра-Лексикон: Иллюстрированный энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Терра, 1998.

Тюпа, В.И. Художественность // Введение в литературоведение: Основные понятия и термины [Текст]: учебное пособие / Л. В. Чернец, В.Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; под ред. Л.В. Чернец. – М.: Высш. шк.: Издательский центр «Академия», 2000. - С. 463- 471.

Источники

- Библия. Книги Ветхого и Нового Завета [Текст]. – Чикаго, 1990.
- Булгаков, М. Мастер и Маргарита. Театральный роман. Рассказы [Текст] / М. Булгаков. – Алма-Ата: Жалын, 1988.
- King, S. The Green Mile / S. King. – N. Y., 1995.
- Wilde, O. De Profundis / O. Wilde // The Ballad of Reading Gaol and Other Writings. - L., 2002. - P. 3 – 114.

С.А. Орлова

Ряженные как часть идиостиля Ф.М. Достоевского (роман «Бесы»)

Ф.М. Достоевский принадлежит к светилам, которые высоко поднялись над художественным горизонтом человечества и видны отовсюду. Художественный мир Достоевского сложен, противоречив, часто мрачен и трагичен, хотя пронизан особым внутренним светом. Это, видимо, связано с тем, что за явлениями повседневной реальности писатель всегда видел их высший смысл.

С самого начала творческого пути Достоевский проявил свою глубокую творческую органику, которая во многом и предопределила черты его идиостиля. Ещё В.Г. Белинский заметил предрасположенность писателя к отражению трагических сторон действительности [Фридендер : 78].

Литературное произведение – это явление духовной культуры, воплощающее сознание творческой индивидуальности, обобщающее жизнь, отражающее национальные и общечеловеческие особенности изображаемого времени. Автор, моделируя образ и ситуации, «зашифровывает» их посредством художественного языка и собственного стиля.

Стиль Ф.М. Достоевского, его художественный метод выработаны в глубинах его познания жизни. Великая идея, озарившая все его творчество, идея, родившая его стиль, его метод «открывать в человеке человека», прозревать за видимостью факта его сущность, его сокровенную истину, - эта идея – страсть писателя-мыслителя, ставшая его судьбой, вынесена им в опыте его жизни [Селезнев : 30].

По словам Н. Бердяева, идиостилю великого художника присущ исключительный антропологизм и антропоцентризм, что выражается в «централизованных конструкциях его романов» [Бердяев : 27].

В.А. Михнюкевич, современный исследователь творчества Ф.М. Достоевского, рассматривая факты включения фольклора в произведения писателя, утверждает: «Иногда эти факты лежат на поверхности текста, но чаще всего у Достоевского они глубоко «запрятаны» в структуре произведения, и чтобы обнаружить их, требуется немало усилий и проницательности» [Михнюкевич : 22].

Прежде чем приступить к анализу семантической значимости ряженья в структуре романа «Бесы», определим, что же такое идиостиль. В настоящее время взгляды на то, что такое идиостиль, варьируются очень широко. Так, В.В. Ивановым высказывалось мнение, что XX в. характеризуется развитием «семиотических игр», ведущих в результате к появлению у одной творческой личности нескольких языков. Подобный взгляд на идиостиль оспаривался С.И. Гиндиным, утверждавшим, что за широким «диапазоном речевых перевоплощений» творческой индивидуальности всегда можно увидеть «структурообразующий стержень творчества», в чем усматривается характерная черта представителей художественного творчества, «дорожащих своей индивидуальностью» [Григорьев : 104].

Мы под идиостилем будем понимать систему содержательных и формальных характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения.

Вслед за М.М. Бахтиным, мы считаем, что в творчестве Ф.М. Достоевского на жанровом и композиционно-сюжетном уровнях проявляется карнавальное начало. Оно обусловлено влиянием карнавального мироощущения. Карнавальное начало литературного произведения имеет прямую связь с народным театром; а народный театр, в свою очередь, наиболее ярко выражает сущность фольклора как искусства синкретического.

Л.М. Ивлева, автор наиболее фундаментальных исследований по обрядам ряженья, считает, что «в игровой культуре любой воображаемый персонаж как бы на виду у всех воплощается в ряженном. Ряженный и представляет такого героя «во плоти», действуя в его обличье и от его имени. Эту культуру то отождествляют с театральной, то определяют целиком как народно-

смеховую. Но она до конца не вмещается ни в одни, ни в другие рамки: это и не театр, и не карнавал – это обряд, существующий в игровых формах и во многом связанный с традицией ритуального смеха» [Ивлева].

В художественном творчестве Достоевский не раз прибегает к мотивам и образам народного театра. Так, во многих произведениях писателя («Братья Карамазовы», «Бесы», «Дядюшкин сон» и др.) мы обнаруживаем мотив ряженья.

Функция ряженья как мифо-фольклорного элемента в структуре «Бесов» остается во многом не выясненной. Наша задача – рассмотреть значение и функции этого компонента в организации романа.

В отечественной этнографической науке концепция ряженья предстает в разных аспектах: как символ обновления природы (Н.П. Степанов), как отражение культа предков (С.Г. Кагаров, Ф.О. Путинцев, Б.М. Соколов), как имитация прихода нечистой силы (А.Н. Афанасьев, И.Е. Забелин), как воплощение мифологических представлений (Л.М. Ивлева), как маскарад, радость перевоплощения в другое лицо (В.Я. Пропп). Мы будем придерживаться взглядов Л.М. Ивлевой и В.Я. Проппа.

В «Краткой энциклопедии славянской мифологии» дается следующее определение ряженья: *«ряженье – обрядовое и игровое переодевание с использованием масок и т.п.»* [Шапарова : 463]. Традиция ряженья ведёт своё происхождение от языческих времён, тесно связана с календарём природы и приурочена к определённым праздничным датам. Ряженье происходило в основном на Святках и Масленице, т.е. было приурочено к переломным моментам годового цикла. В эти ритуально отмеченные промежутки времени, по словам А.К. Байбурина, «создавалась картина дезорганизации, бесструктурности. Свое и чужое перемешивалось, что невозможно себе представить в обыденной жизни. Возникла ситуация временного хаоса, необходимая для обновления мира, разделения сфер и упрочения границ между ними» [Байбурин : 133].

Часть персонажей в любой традиции ряженья направлены на то, что мыслится в данной среде как чужое, инородное, внеположенное ей [Ванченко].

Функцию, подобную ряженью, выполняла и маска. В русской деревне маски назывались «личинами», «харями»; они придавали человеку нечеловеческое обличье, являлись концентрированным выражением чужой и опасной

сущности. «Мотив маски, - отмечает М.М. Бахтин, - это сложнейший и многозначнейший мотив народной культуры; ... маска связана с переходами, метаморфозами, нарушениями естественных границ; в маске воплощено игровое начало жизни...» [Бахтин : 48].

Таким образом, и маска, и ряжение символизировали «выход» человека за пределы своей обычной сущности и были признаком восхождения в особый мир – мир праздника, который был противопоставлен реальному бытию, «мир наизнанку», как называет его Т.В. Ванченко [Ванченко].

Ряжение, маску Ф.М. Достоевский использует в романе «Бесы», во-первых, при создании конкретных образов. В самом начале романа мы встречаемся с образом-маской повествователя. В «Бесах» Достоевский впервые находит своеобразную манеру повествования – не от автора, но и не от главного героя.

То обстоятельство, что в «Бесах» все преломлено сквозь восприятие недалекого обывателя-хроникера, изумленного и потрясенного виденным и слышанным, как бы «педализирует» события, усиливает ощущения необычности, непонятности, «хаотичности» перипетий романа, пестрым калейдоскопом проходящих перед читателем [Евнин : 262]. Данный способ изложения событий позволил Достоевскому завуалировать свои подлинные (глубоко отрицательные, не вяжущиеся с заданиями антинигилистического «охранительного» романа) оценки правящей верхушки царской России, и в то же время искусно намекнуть на них, придав отзывам г-на Г-ва об «отцах города» явно эффектированный, гротескный оттенок.

С помощью маски писатель вскрывает нравы и устои провинциального города (а следовательно, России в предреволюционный период). Художник показывает «бесов» царского бюрократического режима: так именно выведен губернатор фон Лембке. При создании данного образа с целью его комического снижения Достоевский использует традиции народной площадной карнавализации. Не случайно в подготовительных материалах к роману, указывает В.А. Михнюкевич, обнаруживается сравнение из области «телесного низа»: «губернатор фон Лембке глуп, как бабий пуп» [Михнюкевич : 172]. Уподобление человека животному тоже пришло из арсенала средств карнавализованного снижения. «... изображают из себя демонов и маскируются во всяких зверей», - пишет Н. Скалозубов [Скалозубов : 37]. Лембке нередко ока-

зывается в ситуации, сюжетно реализующей поговорку «установился как баран на новые ворота».

Идея «маски» (чуждого «Я») – одна из излюбленных идей Достоевского, который считал, что неоднородность, сложность внутреннего мира человека, способность совмещать противоречивые черты ведет к тому, что люди часто играют определенную роль, которая может быть продумана заранее. Так, Петр Верховенский, идя на встречу со «своими», признается Ставрогину в том, что он решает надеть на себя определенную маску: *«... я, конечно, решил взять роль. Самое бы лучшее совсем без роли, свое собственное лицо... Ничего нет хитрее, как собственное лицо, потому что никто не поверит»* [Достоевский : 293]. Ряженье – это всегда внешнее преобразование. Меняя свой облик, сменяя лик на личину, ряженный стремится обычно к полной неузнаваемости: он использует ряд поведенческих «масок» (страшные, как бы нечеловеческие движения без слов и, наоборот, противоестественно громкие реплики):

«... Петр Степанович – всеобщий примиритель; это его роль, болезнь, конек... Он именно строчит, когда рассказывает...» [Достоевский : 274]. *«Она со злобным наслаждением выслушала все «правдивые» словоизвержения Петра Степановича, очевидно, игравшего роль (какую – не знал я тогда, но роль была очевидная, даже слишком уж грубовато сыгранная)»* [Достоевский : 279].

В народном бытовании существует выражение «ходили – глаза закрывали, чтоб не так было стыдно».

«Попутно с внешним преобразованием, включающим маску, - указывает Л. Ивлева, - происходит освобождение от груза многих будничных установок, регламентирующих в коллективе поведение каждого: публика с ряженных не взыскивает – ряженным все позволительно...» [Ивлева 1994 : 55].

Принимая на себя «маску», «роль», теряя собственное лицо, Петр Верховенский пытается скрыть свою хитрость, лживость, разрушительные и тоталитарные склонности, присущие радикальному нигилистическому типу мышления, грубость и вульгарность. При этом он рассуждает: *«Ну-с, какое же мое собственное лицо? Золотая середина: ни глуп, ни умен, довольно бездарен и с луны соскочил, как говорят здесь благоразумные люди...»* [Достоевский : 294].

Еще один из центральных образов ряженья – образ Николая Ставрогина. В «Бесах» есть целая цепь определений Ставрогина – «принц Гарри», «Иван-царевич», «князь», «сокол», «рыцарь», «учитель», «благодетель», «звезда – с», «Премудрый змий»... Этот ряд «эпитетов» выражает различия в восприятии Ставрогина другими героями, и в то же время Ставрогин действительно существует в романе как бы во всех этих проявлениях:

«Наконец мать умолила его к ней приехать, и принц Гарри появился в нашем городе» [Достоевский : 142]. *«Говорили, что лицо его напоминает маску»* [Достоевский : 142]. *«... и вот – зверь вдруг выпустил свои когти»* [Достоевский : 143]. *«Слушайте: папа будет на западе, а у нас, у нас будете вы»*, *«Ставрогин, вы красавец! – вскричал Петр Степанович почти в упоении... Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк»* [Достоевский : 459].

Одновременное сосуществование этих пластов, создающих образ – помимо восприятия Ставрогина в действии, – создает атмосферу сомнения, неустойчивости, двойственности образа, его внутренней противоречивости. Сосуществующие фантастические бездны определяют его внутреннюю трагичность. Не случайны, видимо, и такие как бы обобщающие характеристики Ставрогина, как «фантастическая голова» и «трагический человек».

Если другие персонажи романа беспокойно ищут маску, то Н. Ставрогин ею обладает, о чем повествователь не устает нам напоминать. В собственно романном времени Ставрогин появляется как человек загадочного спокойствия, безукоризненно владеющий лицом [Успенский : 79], хотя предыстория его свидетельствовала о «постоянном беспокойстве и стремлении к особым наклонностям» [Успенский : 81].

Таким образом, множественность возможных обликов главных героев романа «Бесы» говорит о том, что собственных лиц у них нет. Любое другое лицо, по мнению Л. Ивлевой, «выступает для персонажа одной из форм выражения его изначально множественной природы» [Ивлева 1998 : 51].

Не случайно ядром мифологического комплекса, порожденного самим обычаем рядиться (прежде всего, маской), стала мысль о переряживании как «бесовщине». Согласно народному суеверию, надевший маску уподобляется черту. С точки зрения христианства, живущее в бесах зло – не свойство, изначально присущее их природе, а следствие ложного выбора их свободной воли. Отсутствие личностного духовного центра Н. Ставрогина и П. Верховенского, связанное с утратой дома и семьи как основных нравственных

жизненных категорий, - такова исходная психологическая причина всех внешне многообразных беснований, обрекающих на «воспроизведение чужого содержания», на лихорадочный поиск всякого рода масок.

По ходу действия романа с Н. Ставрогина снимаются маски всех его ролей и жизнь его повествует о том, как в конце концов маска съела человека, а точнее, как герой не вынес ее бремени, обнаружив, что любой совершаемый поступок законами жизни-театра превращается всего лишь в роль.

Подведем итоги. Фольклорные элементы (ряженье), ассимилированные поэтикой Ф.М. Достоевского, играют весьма существенную роль в художественной структуре «Бесов» и во многом формируют нравственно-философскую концепцию романа. Лик, лицо/маска героев Ф.М. Достоевского – всегда органическое отражение их самосознания, жизненной позиции, сокровенной сути. «Слово, его тон, слог, - по замечанию Ю. Селезнева, - и есть зеркало их лица, лика или личины» [Селезнев : 295].

Концепция ряженья помогает понять характеры героев в структуре романа: изображая их в разных воплощениях, Ф.М. Достоевский стремился показать потребность нравственного перерождения образованного русского общества в пореформенную эпоху.

Настороженно относясь к масочности/ личинности, Ф.М. Достоевский продолжает старорусскую православную традицию. Мир, превратившийся в театральные подмостки, осуждается у великого художника как «изнаночный мир», антимир, мир антихриста [Аверенцев : 85-86], а мотив жизни как театра переживается как «конец света».

Таким образом, обращаясь к народной культуре (ее мотивам и образам), Ф.М. Достоевский, во-первых, стремился следовать ей в той степени, в какой она проявлялась в противоречивой сложности на позднем этапе её многовекового существования. Во-вторых, с помощью ряженья, маски, художник с большей яркостью передавал характер образа, определённой мысли и даже идеи произведения. В-третьих, анализируемое нами явление помогало художнику говорить правду.

Весь идейно-образный строй романа выдержан в едином стилевом ключе. Созданию этого единства способствовало ряженье.

Список литературы

Аверинцев, С. Антихрист [Текст] / С. Аверинцев // Мифы народов мира. - М., 1980. – Т.1. - С. 85 – 86.

Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре [Текст] / А.К. Байбурин. - СПб., 1993. – 133 с.

Бахтин, М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин. – М., 1965.

Бердяев, Н. Миросозерцание Достоевского [Текст] / Н. Бердяев // О русских классиках. – М.: Высшая школа, 1983. – 27 с.

Ванченко, Т.В. Массовые праздники как социальное явление [Текст] / Т.В. Ванченко // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». - 2007. – 15 января.

Григорьев, В.В. Грамматика идиостиля: В. Хлебников [Текст] / В.В. Григорьев. – М., 1983.

Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. – М.: АСТ; Астрель, 2005. - Т.5: Бесы. - 844 с.

Евнин, Ф.И. Роман «Бесы» [Текст] / Ф.И. Евнин // Творчество Ф.М. Достоевского. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

Ивлева, Л.М. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора [Текст] / Л.М. Ивлева. – СПб., 1998.

Ивлева, Л.М. Ряженный антимир (пугалашки, кудеса, страшки) [Текст] // www.cortextualism.ru

Ивлева, Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре [Текст] / Л.М. Ивлева. - СПб., 1994.

Кошелев, В.А. Человек в художественном мире А.Ф. Вельтмана и Ф.М. Достоевского [Текст] / В.А. Кошелев, А.В. Чернов // Достоевский: материалы и исследования. - Л.: Наука, 1985. – Вып. 6.

Михнюкевич, В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского [Текст] / В.А. Михнюкевич. - Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1994. – 376 с.

Селезнев, Ю.И. В мире Достоевского [Текст] / Ю.И. Селезнев.– М.: Современник, 1980. – 376 с.

Скалозубов, Н.Л. Народный календарь [Текст] / Н.Л. Скалозубов // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1901. - Вып.12.

Успенский, Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен [Текст] / Б.А. Успенский // Избранные труды. - М., 1994. - Т.1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – С. 75 – 109.

Фридлиндер, Г. Достоевский и мировая литература / Г. Фридлиндер. – Л.: Сов. писатель, 1985. – 496 с.

Шапарова, Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: ок. 1000 статей [Текст] / Н.С. Шапарова. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2001. – 624 с.

М.А. Поманисочка

Формирование академического дискурса. От анализа к синтезу

Не кажется ли тревожащим то обстоятельство, что, несмотря на ряд позитивных перемен, которые, конечно же, происходят в нашем обществе и в нашей стране, мы продолжаем работать в условиях дефицита. И дело не в дефиците денежных средств в наших карманах или в государственной казне. Речь о другом дефиците, дефиците столь нужных нам для плодотворной работы новых идей и технологий. Не тревожит нас дефицит новых публикаций, необходимых как для рутинной работы, так и для обеспечения, как теперь принято говорить, актуальности научных исследований. Нас совсем не смущает тот факт, что в книжных магазинах Кургана монографий, сборников, учебных пособий по филологии, равно как и по другим дисциплинам, за исключением литературы для юристов и экономистов, практически нет. Речь идет о дефиците конкретных идей и методов, которые помогли бы нам воплотить в жизнь достижения современной научной мысли применительно к практической деятельности по обучению студентов-филологов иностранному, в нашем случае - английскому языку.

Следует отметить, что практика анализа дискурса уже успела приобрести черты традиционности и получить достойное признание у практикующих преподавателей. Нас перестали шокировать термины оценочных категорий, мы уже довольно браво оцениваем элементы персвазивности, определяем интенционал текста, нам не удивительны вопросы о пресуппозициях и идеологической нагруженности содержания текста.

Однако наши попытки на практике перейти от детального исследования характеристик текста к созданию композиционно и содержательно полного собственного текста на изучаемом языке во многом похожи на попытки курганских архитекторов стилизовать свои творения под местные архитектурные памятники конца XIX - начала XX веков, прибегая при этом к использованию крупномасштабных элементов линейной ориентации, более характерных для эпохи отечественного постмодернизма.

Эта удаленность от желаемого успеха возникает из-за целого ряда обстоятельств, главными из которых следует считать чрезвычайно пеструю палитру тематики современных исследований дискурса, увлеченность многих коллег в своей научной деятельности умозрительными заключениями разной степени абстракции и отсутствие отлаженных моделей, позволяющих совершить обратный путь от теории к практике.

В качестве доказательства приведенных выше аргументов хотелось бы привести выдержку из обзора Н.Б. Вахтиным и Е.В. Головки вариантов трактовки одного только термина «дискурс». Как же понимается «дискурс» такими учеными, как Бенвенист, Фасольд, Стаббс, Браун и Йюл, Ван Дейк, Демьянков, и другими?

«Употребление термина ... можно свести к вариантам, в соответствии с которыми некоторые авторы ... предлагают различать два значения (и два написания) термина. Дискурс (со строчной буквы «д») следует использовать в тех случаях, когда речь идет лишь обо всех аспектах использования языка; Дискурс (с прописной буквы «Д») – когда помимо различных аспектов языка рассматривается и вся совокупность лингвистических факторов. Следует иметь в виду, что в большинстве работ такого разделения не делается, поэтому необходимо каждый раз заново решать, что вкладывает в понятие «дискурс» тот или иной автор».

Смешанные чувства вызывают пассажи, подобные следующему: «Представленные составляющие /контекстуальные единицы/ функционируют как структурно-смысловые центры текста, узловые звенья семантической сети дискурса как онтогносеологической конструкции, ориентированной как событие и как познание события Бога и человека, т.е. являются, с одной стороны, функторами-симметризаторами, которые «своей семантикой проецируют одни множества текстовых элементов в другие множества текстовых элементов, устанавливая между ними отношения симметрии и асимметрии»

(первичные во вторичные и наоборот), а с другой стороны, функторами-смыслопульсаторами национально окрашенных идей, обеспечивающими иррадиацию «множества смыслообразов в разные планы», - все это в совокупности репрезентирует гиперсмысл текста, а затем и дискурса». Даже беглый просмотр образцов академического дискурса подобного рода, появляющихся в наше время, способен вызвать самые разнообразные желания и ощущения, от очередной попытки осознать знакомую со студенческих лет сентенцию «Scio me nihil scire» до полного недоумения.

В чем же заключается смысл выше приведенного изречения? Каковы импликации подобного хитроумного нагромождения из собственных неологизмов и попытки имитировать когерентность текста прибегая к экстравагантной логике.

Поиск мотивов, стимулирующих проведение таких научных изысканий, наверное, станет проще, если обратиться к проверенным временем средствам, таким, как теория социологической драматургии И. Гофмана, объясняющая нам, что не только и не столько через осознанное и интуитивное поведение, но в первую очередь через речь мы конструируем те социальные роли, на которые нам хотелось бы претендовать.

Полезными могут показаться результаты и других исследований, таких, как классическая работа М. Клайна «Культурные различия в организации академических текстов: английский и немецкий языки», в которой сравниваются научные тексты английских и немецких ученых. Если первые весьма озабочены тем, чтобы создать материал, доступный для будущей аудитории, то вторые, может быть, излишне полагаются на прочность стимулов когнитивной деятельности этой аудитории и, как следствие, на ее способность справиться с трудно воспринимаемой даже не для посторонних манеры изложения и понять ту суть, которую автор все-таки хотел донести до своего читателя.

Как утверждают Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин, а делают они это с большой осторожностью, «<...> способы организации научного текста в русской академической традиции мало чем отличаются от немецкой модели». Их осторожность вполне понятна, они никоим образом не хотят потревожить легко ранимые чувства коллег. И делают это, пожалуй, зря. Претенциозность таких исследований свидетельствует скорее о том, что нам в последнее время свойственно стремление перекраивать не только государственные грани-

цы и устраивать очередное перераспределение различных видов собственности, но и пересматривать краеугольные понятия о социальной предназначенности фундаментальных и прикладных наук.

Возникновение новых парадигм исследовательской деятельности в лингвистике во второй половине XX века и их развитие в веке нынешнем, казалось бы, должно было осязаемо приблизить нас к желаемым целям. И действительно, в классификации И.П. Сусова, который, не претендуя на исчерпывающее описание всего происходящего в мире современного языкознания, озаглавил ее как «некоторые направления и школы», набирается семь основных направлений исследований, из них практически все на более низком типологическом уровне распадаются на четыре-пять основных подходов, в рамках каждого из них удается выделить примерно такое же количество более частных подходов. Скажем, анализ дискурса детерминируется как «совокупность ряда течений», состоящая из функционально-лингвистического, этнографического направлений и конверсационного анализа, одновременно он декларируется как «междисциплинарная область исследований», опирающаяся на «достижения антропологии, этнографии речи, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной науки, искусственного интеллекта, лингвистической философии, социологии языка, риторики и стилистики, лингвистики текста» и взаимным образом способствующая развитию этих дисциплин. А как хотелось бы, чтобы это потрясающая по масштабам творческая энергия была бы равно направленно ориентирована и на изучение особенностей процесса, составляющего оппозицию анализу.

Еще одной иллюстрацией той брешы, которая образовалась между столь очевидным прогрессом научной мысли, несмотря на некоторые сложности, о которых шла речь выше, и результатами применения этих достижений, может послужить то обстоятельство, что по-прежнему популярным на филологических факультетах остается пособие Аракина для практики устной и письменной речи по английскому языку, все обновление которого свелось к устранению номинативов идеологических выкрутасов советского времени. Что же касается трудов, посвященных собственно проблематике преподавания, самой читаемой и цитируемой у нас книгой по методике преподавания иностранных языков является в настоящее время «Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика» Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез.

В ней авторы много и нужно рассказывают о языковом образовании как ценности, о современном языковом образовании как о результате овладения не только неродным языком, но и культурой, о межкультурной парадигме как новой онтологии современного языкового образования и, конечно, о личностно-ориентированном подходе. При этом, они весьма скудно говорят, скажем, о факторах, определяющих успешность обучения говорению, выделяя для этого три основные категории факторов: индивидуально-возрастные особенности, лингвистические и дискурсивные характеристики и условия обучения. Причем, коммуникативным стратегиям в этом пособии посвящается чуть больше половины страницы, и со ссылкой на Ek van J.A. выделяются следующие виды этих стратегий: «возвращение к сказанному (Извините, я начну сначала); парафраз (Я выражу это иначе); замена на общее слово, местоимение, более общее понятие, синоним; описание при помощи общих физических качеств, специфической черты; невербальные иллюстрации (Смотрите, что я имею в виду), жесты, мимика, звуки; просьба помочь» [Гальскова : 202]. Данное перечисление коммуникативных стратегий дополняется призывом к преподавателю терпимо относиться к осознанным и интуитивным попыткам учащихся обращаться к «непосредственным» корреляциям, существующими «в использовании коммуникативных стратегий между родным и иностранными языками». В качестве стратегий, используемых «говорящими на иностранном языке», фигурируют следующие: использовать известные языковые средства для пояснения/толкования; использовать перефразу для уточнения; использовать синонимические способы выражения мысли; проявлять инициативу в общении; менять тему разговора; пользоваться переспросами (What? You what? I didn't hear what you said. Sorry? Why? Why do you ask?).

Более подходят на роль коммуникативных стратегий рекомендации, изложенные на этой же странице, но озаглавленные почему-то речевыми умениями и предполагающие «аргументацию собственной точки зрения и передачи информации, пояснения, уточнения и интерпретацию высказываемых идей, присутствие обобщений и заключений и т.д.», хотя по странному стечению обстоятельств они не соединяются в единое целое с декларируемым в начале этой книги пониманием языка как «пространства мысли и дома духа». Не озвучивается необходимость считаться с исторически сложившей риторической традицией, основанной на ментальности другого этноса.

Было бы неправильным, исходя из некоторой непоследовательности и недостаточной масштабности, недооценивать значимость теории Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез, поскольку данное пособие «призвано сформировать у преподавателей любых неродных языков общее представление о теории обучения иностранным языкам как о научной области, о закономерностях построения учебного процесса при развитии устного и письменного общения». Отдельно взятая теория отдельно взятых авторов не должна и не может быть ответом на все волнующие нас вопросы, панацеей от всех бед. Тем более, что авторы совершенно правильно утверждают, что современная наука обучения неродным языкам переживает «рубежный этап» своего развития, связанный с изменением парадигмы, «с обращением к межкультурной парадигме исследования процессов преподавания и изучения языков». Современный период развития лингвистики и наук, для которых она является пространством существования, в свою очередь, следует рассматривать как время куда более революционных перемен, когда меняется онтологическая основа всего языкознания, когда надо весь накопленный в этой науке опыт бережно перенести на новый фундамент философии слова.

Осознание самого этого факта, конечно, вселяет некоторый оптимизм, хотя мало чем компенсирует дефицит испытанных технологий обучения, способных дать нам не просто слухо-артикуляционные и ритмико-интонационные навыки, речевые умения, письменную репродукцию содержания с опорой на текст, с последующей продукцией с опорой на прежний речевой и жизненный опыт, а полноценную языковую личность, готовую к когнитивной деятельности как в сотрудничестве с академической учебной аудиторией и преподавателем, так и без нее.

Положение дел у зарубежных коллег, как утверждает Г. Дуглас Браунин из Университета штата в Сан-Франциско в четвертом издании «Principles of Language Learning and Teaching», несколько лучше. С его слов, период, когда количество обзоров публикуемых в полугодовом журнале «Second Language Instruction/Acquisition Abstracts» периодических изданий по этой проблематике достигло 180, а количество обзоров отдельных публикаций – 240, когда тридцать основных областей исследования охватывали особенности овладения языком детьми, педагогику неродного языка, оценку результатов обучения, исследование формирования языковых компетенций, обучение и управление обучением чтению и письму, билингвизм, билингвальное образование,

перевод, прагматику, дискурсный анализ, исследования отдельно взятых языков, лексикологию, межличностное поведение и коммуникацию, социолингвистику, языковое планирование и среди прочего невербальные средства общения, благополучно завершился тем, что это издание стало последним изданием на бумажном носителе. Некоторое время спустя вместо плохо организованной массы исследовательских материалов появилось скоординированное систематизированное хранилище информации, были определены области для научной работы более низкого иерархического порядка. «Ученые стали чаще встречаться, обмениваться находками, сравнивать полученные данные, приходиться к приемлемым решениям. Появилось поразительно большое число уважаемых и цитируемых журналов, где печатаются материалы о лучших и наиболее интересных исследованиях». Стало меньше, как выразился наш коллега, «мертворожденных исследований».

Вместе с тем, описание достигнутого в интересующей нас области, содержащее материалы об обучении и изучении языка, освоении первого языка, особенностях изучения языка в разном возрасте, общей проблематике познания, процессах и стратегиях познавательной деятельности, личностных и социокультурных факторах, межъязыковом влиянии и языковых особенностях изучающих, коммуникативной компетенции и теории усвоения второго языка в равной степени не дает нам готовых рецептов. Наверное потому, что их просто не может быть?

Как показывает практика, обнадеживающие результаты дает в нашем случае анализ изучаемых образцов дискурса. Эта процедура в разной последовательности подразумевает внимательное изучение прагматических характеристик рассматриваемой коммуникативной ситуации, дающее в наше распоряжение понимание истинных, а не декларируемых целей генезиса данного и подобных текстов, определение основных когнитивных параметров стереотипного описания, уточнение элементов персвазивности, используемых в образцах текстового материала изучаемой тематики, установление оценочной тональности и средств ее создания на тех же примерах, предварительный поиск адекватных вариантов передачи элементов картины мира, существующей в общественном сознании русских и других населяющих Россию этносов для будущего описания, выявление совокупности актуализируемых в данном контексте концептов, их соотношенность и взаимоотношения с другими ментальными образами в представлении культуры второго языка и обнаружение

вероятно необходимых для дальнейшей работы средств актуализации, освоение моделей последующих видов когнитивной деятельности, равно как и выполнение прочих сопутствующих задач. Хорошая мотивированность на следующем этапе совместной деятельности учебной аудитории во многом дает неплохие результаты при создании аналогичных образцов дискурса применительно к аналогичным коммуникативным ситуациям.

Список литературы

Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка [Текст] / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. - СПб.: Гуманитарная академия, 2004.

Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика [Текст] / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. - М.: Академия, 2006.

Стародубец, С.Н., Изоморфизм структуры символа и текста в дискурсе И.А. Ильина [Текст] / С.Н. Стародубец // Филологические науки. - 2009. – №1.

Brown H. Douglas. Principles of Language Learning and Teaching / H. Brown Douglas // Pearson Education. - New York, 2000.

Д.В. Портнягин

Модификация образа призрака в пьесах Шекспира

Art thou not, fatal vision, sensible
To feeling as to sight? or art thou but
A dagger of the mind, a false creation,
Proceeding from the heat-oppressed
brain?

«Macbeth», Act II, sc. 1

Драматический образ привидения, чье развитие в дошекспировской драме проследил Дж. А. Саймондс (J.A.Symonds, 1840 – 1893) [Symonds 1900], претерпел под пером самого Шекспира (Shakespeare, 1564 – 1616) значительные изменения, а его художественная роль подверглась существенной модификации. В то время как в пьесах предшественников Шекспира привидение было простой машиной, голосом, «озвучивавшим» месть, у Шекспира призрак начинает наделяться личностными чертами. Шекспировское привидение, как отметил Лессинг (Lessing, 1729 – 1781) в памятном пассаже из

«Гамбургской драматургии» («Hamburgische Dramaturgie», 1767), – «eine wirklich handelnde Person» [Lessing : 67]. Фантом Шекспира отличается от духов античных трагедий, которые пробуждались из Эреба для того, чтобы парить над актерами. Образно говоря, Шекспир не стал обряжать привидение в грязные лохмотья, а представил призрака в одеждах, присущих тому до обретения бессмертия. Не всегда понятным массовому зрителю бормотаниям о танталовых муках, исходящим из уст «вестников», «теней», «ликов» и т. п. Шекспир предпочел свойственные своему времени представления о сверхъестественном. Кроме того, по ходу «очеловечивания» призрака Шекспир придал этому образу такую степень идейной значимости, которая вряд ли присутствовала у его предшественников. Шекспировское привидение – это *одновременно* и воплощение горестного предчувствия, и инструмент божественного правосудия.

Представляется, что образ призрака привлекал внимание драматурга еще на заре писательской карьеры. Уже в «Генрихе VI» («Henry VI», 1589–91) есть несколько отсылок к миру духов, а в ранней «наипревосходнейшей и прежалостной» [Шекспир 1902-1905 : 181] любовной трагедии Шекспира Джульетта, прежде чем выпить содержимое склянки, восклицает:

O, look! methinks I see my cousin's ghost
Seeking out Romeo, that did spit his body
Upon a rapier's point.

Act IV, sc. 3 [Shakespeare 1906 : 860]

С появлением «Ричарда III» («Richard III», 1592–93) духи начинают занимать полноправное место в ряду персонажей пьес Шекспира. В эпизоде с призраками жертв Ричарда, атакующими его накануне Босуортского сражения, драматург в целом следует за своими предшественниками. Так, в сборнике «Зерцало правителей» («A Mirror for Magistrates», 1563), этом «главном елизаветинском образце» [Оден : 17] жанра пьесы-хроники (chronicle play), в истории о «трагической жизни и смерти Ричарда III» Сегара (Segar) несчастный король возглашает:

I thought that all those murdered ghosts, whom I
By death had sent to their untimely grave,
With balefull noise about my tent did crie,
And of the heav'ns with sad complaint did crave,
That they on guiltie wretch might vengeance have:

To whom I thought the Judge of heav'n gave eare,
And gainst me gave a judgement full of feare. [Segar 1815 : 803]

В анонимной «The True Tragedie of Richard III» (?1590) схожая мысль появляется снова:

Richard. Meethinkes their ghoasts come gaping for revenge,
Whom I have slaine in reaching for a Crowne;
Clarence complaines and crieth for revenge.
My Nephues bloods, Revenge, revenge, doth crie.
The headlesse Peeres come preasing for revenge.
And euery one cries, let the tyrant die. [The True Tragedy : 61]

У Шекспира:

Methought the souls of all that I had murder'd
Came to my tent; and every one did threat
To-morrow's vengeance on the head of Richard.

Act V, sc. 3 [Shakespeare 1906 : 768]

Духи убитых Ричардом людей по своему характеру схожи с призраками из трагедий Сенеки (Seneca, ок. 5 до н.э.– 65), особенно в том, что они представлены как *духи мщениа*. У Шекспира в «Ричарде III» духи жертв короля выглядят как инструменты некоего божественного возмездия, которое не даст преступнику восторжествовать в его злобе, но потребует мести кровью за кровь. Подобная идея традиционно находила выражение в образах эриний, фурий, греческой богини Немезиды. Например, «NEMESI Dea» и «FURIE infernali» фигурируют в списке *dramatis personae* у Чинцио (Cinzio, 1504 – 1573) в «Орбекке» («Orbecche», пост. 1541) [Giraldi]. По данным энциклопедии Джона Фина (Phin, 1832 – 1913), Немезида упоминается в пьесах Шекспира лишь *один* раз – в 7 сцене IV акта первой части «Генриха VI» [Phin : 185]. Формально это не дает оснований для выделения связанного с этим образом устойчивого мотива возмездия. Но в качестве невидимой силы, которая направляет ход драмы, богиня мести дает знать о себе в пьесах Шекспира снова и снова. Тени жертв Ричарда – это силы, крадущие у него храбрость: король ассоциирует выходцев с того света с мучающей его «*coward conscience*» [Shakespeare 1906 : 767]. Фантомы сделали все, чтобы лишить Ричарда мужества и решимости перед битвой. Представляется, что в «Ричарде III» читатель сталкивается с дальнейшим развитием «концепта Немезиды». Происходит это в тот момент, когда духи не останавливаются на произнесе-

нии скорбных проклятий в сторону короля, но всякий раз обращаются со словами дружеской поддержки к Ричмонду. Из вышеназванных произведений, посвященных фигуре Ричарда III, только у Шекспира эпизод с призраками выстроен *антитетически*.

Однако в сцене на Босуортском поле обнаруживаются и другие новаторские приемы. В отличие от автора (-ов) «True Tragedy», Шекспир не довольствуется повествованием, а заменяет его драматическим действием. Он заставляет привидения воочию появляться, он вкладывает слова прямо в их уста. Шекспировские привидения *внешне* никак не связаны с классической мифологией. Вместо этого автор вводит в текст отдельные элементы родной ему фольклорной традиции, вроде суеверий, примет, преданий о духах и т. д.; так, напуганный призраками Ричард говорит: «The lights burn blue» [Shakespeare 1906 : 767].

В сюжетах шекспировских комедий и исторических хроник второго периода (1594–1601) *в целом* отсутствует вмешательство потусторонних сил. Тем не менее, Шекспир, видимо, осознавал потенциальную ценность преданий о привидениях для своих драм. Доказательством могут служить встречающиеся у него и в это время отсылки к миру духов. К примеру, безутешный Ричард II из одноименной хроники (1595), рассуждающий о «graves and worms and epitaphs», с охотой делится со своими спутниками печальными историями из жизни королей:

How some have been deposed, some slain in war,
Some haunted by the ghosts they have deposed;
Some poison'd by their wives; some sleeping kill'd;
All murdered.

Act III, sc. 2 [Shakespeare 1906 : 522]

Или во второй части «Генриха IV» (1598) леди Перси, упрекая Нортумберленда за предательство Хотспера в битве при Шрусбери, восклицает:

Never, O never, do his ghost the wrong
To hold your honour more precise and nice
With others than with him!

Act II, sc. 3 [Shakespeare 1906 : 576]

Но привидение, по своей сути, – фигура трагическая, поэтому неудивительно, что именно в *трагедиях* Шекспира этот образ раскрывается как никогда прежде в его пьесах.

В шекспировском «Юлии Цезаре» («Julius Caesar», 1599) явление призрака Бруту в лагере у Сард носит иной характер, нежели визит потусторонних сил в шатер Ричарда III. В последнем случае духи жертв короля остаются «привидениями из грез», сродни призраку Патрокла из 23 песни «Илиады» («Ἰλιάς») [Гомер : 430], хотя с позволения драматурга их может видеть и слышать зритель. Бруту же призрак является, когда тот читает в своей палатке. Шекспир не дает прямых указаний, позволяющих расценивать духа как иллюзию, рожденную затуманенным от усталости сознанием Брута, поэтому вопрос о природе этого фантома по сей день остается открытым.

В научной литературе уже десятки раз указывалось на то, что «Юлий Цезарь» в большой степени опирается на «Жизнеописания» Плутарха (Πλούταρχος , ок.45 – ок. 127), см.: [Shakespeare 1906 : 867]. Однако заимствованный из перевода античного источника эпизод с вмешательством потусторонних сил подвергается у Шекспира значительной трансформации. В плутарховой «Жизни Брута» «история с привидением» выглядит следующим образом:

36. [...] Была самая глухая часть ночи, в палатке Брута горел тусклый огонь; весь лагерь обнимала глубокая тишина. Брут был погружен в свои думы и размышления, как вдруг ему послышалось, будто кто-то вошел. Подняв глаза, он разглядел у входа страшный, чудовищный призрак исполинского роста. Видение стояло молча. Собравшись с силами, Брут спросил: «Кто ты – человек или бог, и зачем пришел?» Призрак отвечал: «Я твой злой гений, Брут, ты увидишь меня при Филиппах». – «Что ж, до свидания», – бесстрашно промолвил Брут. [Плутарх]

Ни в этом отрывке, ни в следующем за ним изложении состоявшегося наутро разговора Брута с Кассием о смысле ночного видения не содержится и малейшего намека на то, что «страшный, чудовищный призрак исполинского роста» есть призрак убитого Цезаря. Между тем, у Шекспира это именно так, и данное авторское дополнение позволяет соотнести «призрачные» сцены из «Юлия Цезаря» и «Ричарда III»: везде тень убитого является убийце. Шекспир сохраняет слова Плутарха («*Ghost. Thy evil spirit, Brutus*» [Shakespeare 1906 : 889]), но в свете того, что произносит их привидение Цезаря, слова эти приобретают новый, *еще более* зловеющий смысл. Тень Цезаря выступает как воплощение предчувствия Брутом неминуемой гибели своего

дела и своего же личного поражения. Собственно, сам Брут в трагедии говорит о том, что повторное явление призрака на Филиппийских полях расценивается им как знак, что его час пробил:

The ghost of Caesar hath appear'd to me
Two several times by night; at Sardis once,
And, this last night, here in Philippi fields:
I know my hour is come.

Act V, sc. 5 [Shakespeare 1906 : 893]

Даже в «Юлии Цезаре», трагедии на античный сюжет, зритель сталкивается с суевериями елизаветинской Англии. Призрак Цезаря ничего не говорит об ужасах Тартара, но при появлении духа светильник Брута горит тусклым огнем [Shakespeare 1906 : 889].

Нарушая хронологический порядок, можно сказать, что наибольшее функциональное сходство с призраком Цезаря обнаруживает дух Банко в «Макбете» («Macbeth», 1606). Отличает же его то, что этот образ не заимствован из источников, он – плод воображения самого драматурга [Shakespeare 1906 : 1007]. Вероятно, необходимость в такой фигуре появилась в «Макбете» в силу особенного состояния *духовидца*. Разгоряченная фантазия кельтского вождя, явившая ему кинжал в первой сцене II акта, и голос, кричащий «Sleep no more! Macbeth does murder sleep!» [Shakespeare 1906 : 1014], – во второй, не могли не пробудить к жизни дух убитого Банко. Привидение Банко ничего не произносит, но его молчание страшнее иных слов. Это подчеркивается тем, что дух исчезает, когда Макбет, собравшись с силами, приглашает его заговорить. Примечательным образом оба появления фантома непосредственно сопряжены с лицемерными пожеланиями Макбета о том, чтобы «our dear friend Banquo, whom we miss» [Shakespeare 1906 : 1021] присутствовал на пиру. В сходной манере *исчезновения* призрака напрямую зависят от действий Макбета: в первый раз тень Банко распадается при смелом вызове на разговор, во второй – послушавшись приказания:

Hence, horrible shadow!
Unreal mockery, hence!

Act III, sc. 4 [Shakespeare 1906]

Никто, кроме Макбета, не видит выходца с того света, однако дух Банко есть в списке действующих лиц и его присутствие на сцене оправдано сценическими ремарками. Так «реален» ли призрак Банко или он лишь бред Макбе-

та? Ответить на этот вопрос попытался профессор Брэдли (A.C. Bradley, 1851 – 1935):

On the whole, and with some doubt, I think that Shakespeare (1) meant the judicious to take the Ghost for an hallucination, but (2) knew that the bulk of the audience would take it for a reality. And I am more sure of (2) than of (1) [Bradley : 493].

Представляется все же, что призрак Банко – галлюцинация. Тот факт, что его видят зрители (Брэдли ссылается на свидетельство астролога Саймона Формана), в данном случае не является аргументом, – ведь они видят и фантомов Ричарда III, которые приходят к нему *во сне*.

Призрак «majesty of buried Denmark» [Shakespeare 1906 : 896] по ряду причин занимает особое положение среди шекспировских фантомов и заслуживает рассмотрения в отдельной статье. В отечественном литературоведении обстоятельный анализ образа призрака старого короля с учетом новшеств, привнесенных Шекспиром в изображение духа, был проведен в статье Н. Елиной [Елина].

Вышеприведенные примеры позволяют высказать следующее соображение: призраки жертв Ричарда – дети его «совести робкой» [Шекспир 1957-1960 : 570], привидение Цезаря – облеченное в форму фантома осознание Брутом своей ужасной ошибки и предчувствие поражения республиканцев, а дух Банко – порождение взвинченного постоянной тревогой (ведь подозрения шотландских лордов крепнут) воображения Макбета. Во всех случаях выходцы с того света действуют как исполнители карающей воли Немезиды, однако Шекспир привнес ряд новшеств в существовавшие до него каноны изображения призраков.

Список литературы

Елина, Н. О фольклорной традиции в драматургии Шекспира [Текст] / Н. Елина // Шекспировские чтения 1977. – М.: Наука, 1980. – С. 5-50.

Оден, У. Х. Лекции о Шекспире [Текст] / У.Х. Оден. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2008.

Bradley, A. C. Shakespearean Tragedy: Lectures on Hamlet, Othello, King Lear and Macbeth [Text] / A.C. Bradley. – L.: Macmillan & Co, 1908.

Lessing, G. E. Hamburgische Dramaturgie / G.E. Lessing. – Leipzig: Göschen'sche Verlagshandlung, 1856.

Symonds, J. A. Shakspeare's Predecessors in the English Drama [Text] / J.A. Symonds. – L.: Smith, Elder & Co; NY: Charles Scribner's Sons, 1900.

Источники

Гомер. Илиада. – М.: Худож. лит-ра, 1978.

Плутарх Херонейский. Брут.

http://www.hrono.info/libris/lib_p/brutus_pltrh.html

Шекспир, У. Собрание сочинений [Текст]: в 5 т. / под ред. С.А. Венгерова. – СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрона, 1902-1905. – Т.1.

Шекспир, У. Полное собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. – М.: Искусство, 1957-1960. – Т.1.

Gibaldi G. B. Orbecche // <http://dante.di.unipi.it/ricerca/html/Orbecche.html>

Phin, J. The Shakespeare Cyclopædia and New Glossary [Text] / J. Phin. – L.: Paul, Trench, Trübner & Co, 1902.

Segar. The Tragicall Life and Death of King Richard the Third [Text] // Mirror for Magistrates: in 5 parts/ Ed. by Joseph Haslewood. – L.: Lackington, Allen & Co, 1815. – V.3, pts. 4-5. – P. 785-811.

Shakespeare, W. The Complete Dramatic and Poetic Works [Text] / Ed. from the text of the early quartos and the first folio by W. A. Neilson. – Boston & NY: Houghton Mifflin Company; Cambridge: The Riverside Press, 1906.

The True Tragedy of Richard the Third [a repr. of the 1594 ed.]. – L.; F. Shoberl, 1844.

С.С. Резникова

Санкт-Петербург

Особенности понятий «текст» и «дискурс»

В современных гуманитарных науках на протяжении уже нескольких десятилетий используется термин «дискурс» наряду с термином «текст», обсуждаются понятия «текст» и «дискурс», и тем не менее, вплоть до настоящего времени не существует их общепринятого определения. Причину такого положения можно усмотреть, прежде всего, в широте охватываемых данными понятиями явлений, а также в том, что каждая наука выделяет в качестве ядра термина ту его характерную черту, которая представляет наиболь-

ший интерес для данной отрасли научного знания. Из огромного потока существующей литературы на эту тему в настоящей статье рассматриваются лишь наиболее распространенные в гуманитарных исследованиях точки зрения и то, что представляется наиболее рациональным и интересным в рассмотрении этой проблемы.

На современном этапе развития лингвистической мысли можно сформулировать восемь основных значений термина «дискурс», представленных в различных работах: эквивалент речи; единица, превосходящая по размерам фразу; воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации; беседа; речь с позиций говорящего; речевая реализация единиц языка; социально или идеологически ограниченный тип высказываний; теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста (абстрактная модель речи).

Множественность значений термина «дискурс» приводит и Т.М. Николаева, важнейшими из которых являются следующие: связный текст; устно-разговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных по смыслу; речевое произведение как данность – письменная или устная [Николаева].

Анализ многоплановых подходов к установлению сущности дискурса как лингвистического феномена позволяет выделить следующие основные подходы: формальный, функциональный, ситуативный и когнитивный.

С позиций формальной или структурно ориентированной лингвистики дискурс трактуется как два или более предложения, находящиеся в смысловой связи друг с другом, при этом связность рассматривается как один из важнейших признаков дискурса [Stubbs и др.].

Функциональный подход рассматривает дискурс как всякое употребление языка и предполагает анализ функций дискурса посредством изучения функций языка [Schiffirin и др.].

Ситуативная интерпретация дискурса заключается в учете социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств. По существу данный подход является компромиссным, примиряющим формальный и функциональный подход. Интерпретация дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка предполагает наличие системы взаимосвязанных языковых

единиц (основное положение формального подхода), находящихся в функциональном отношении и функционирующих в определенном контексте.

С позиций когнитивного подхода дискурс рассматривается как когнитивное явление, то есть как феномен, имеющий дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний [Кубрякова 2000].

Таким образом, перечисленные подходы предлагают многообразные способы решения терминологической проблемы и все же не дают четкого ответа, что же такое дискурс. Наиболее простым путем в рамках лингвистики является, по-видимому, сопоставление содержания пограничных понятий и выявление на основании сравнения специфических черт интересующего феномена. Иными словами, содержание понятия «дискурс» можно определить, сопоставляя его с понятиями «текст» и «речь».

Согласно определению, предлагаемому Н.Д. Арутюновой, дискурс это: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, погруженная в жизнь» [БЭС Языкознание : 136 - 137].

Понимание дискурса как текста, взятого в событийном аспекте, означает, что основными элементами дискурса являются излагаемые события, их участники и контекст [Демьянков].

Интересно также определение понятия «дискурс», которое приводит Ю.С. Степанов: «дискурс – это "язык в языке", представленный в виде особой социальной данности. Дискурс существует главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика – в конечном счете – особый мир. Это – "возможный (альтернативный) мир". Каждый дискурс – это один из "возможных миров". Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса "Язык – дом духа" и, в известной мере, тезиса "Язык – дом бытия"» [Степанов : 44].

В приведенных определениях дискурса достаточно четко отмечается, что дискурс есть нечто, имеющее признаки и текста, и речи.

Выделяются различные аспекты дискурса: семиотический, деятельностный, материальный, политический и социокультурный [Gee].

Во многих функционально ориентированных работах понятие «дискурс» часто противопоставляется понятию «текст» по ряду оппозитивных критериев: функциональность – структурность, динамичность – статичность, актуальность – виртуальность и др.

Известна также попытка дифференцировать понятия «текст» и «дискурс» с помощью включения в эту пару категории «ситуация». Так, дискурс рассматривался как «текст плюс ситуация», в то время как текст определялся как «дискурс минус ситуация» [Widdowson].

Разграничение понятий «текст» и «дискурс» с позиций когнитивной лингвистики соответствует противопоставлению когнитивной деятельности и ее результата: дискурс – это когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму [Кубрякова 1997]. Такое противопоставление приводит к осознанию того, что дискурс – это синхронно осуществляемый процесс порождения текста или же его восприятия, соответственно текст может трактоваться как дискурс только тогда, когда он реально воспринимается и попадает в текущее сознание воспринимающего его индивида [Гурочкина].

Т. ван Дейк под текстом понимает абстрактную, формальную конструкцию; под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с разнообразными экстралингвистическими факторами [ван Дейк].

Итак, текст понимается большинством ученых как статический, реально существующий результат завершенной человеческой деятельности – результат речи. Дискурс – процесс речепроизводства, способ/форма межличностного вербального взаимодействия, процесс восприятия и интерпретации информации. Подобная трактовка позволяет не ограничивать анализ языковой интеракции только рамками «устной», диалогической коммуникации, но также включать в рассмотрение письменную коммуникацию, выделяя два основных типа (modes) дискурса: устный (talk) и письменный (text) [Dijk : 3]. Различия в используемых «каналах» коммуникации и определяют интерактивные особенности этих двух типов дискурсивной деятельности. При непосредственном устном общении участники коммуникации постоянно держат под контролем все релевантные параметры коммуникативной ситуации и ак-

тивно реагируют на происходящие в ней изменения, приводя в соответствие с ее требованиями свой вербальный и невербальный вклад в интеракцию для поддержания коммуникативного баланса. Таким образом, можно говорить о взаимной «ответственности» участников устной интеракции за результаты коммуникативного взаимодействия, обусловленной их совместным – целенаправленным и контролируемым – вкладом в ее реализацию.

В письменной коммуникации ее участники не вступают в непосредственный контакт. В этом случае отправитель информации исчисляет релевантные параметры коммуникативной ситуации, включая значимые характеристики адресата, и, исходя из своей оценки этих параметров, выполняет свое коммуникативное действие, результатом которого является письменный текст (дискурс). Поскольку в условиях письменной коммуникации ответная реакция адресата, как правило, отсутствует, то ответственность за успешность письменной коммуникации ложится в основном на адресанта и определяется адекватностью его оценки значимых параметров коммуникативной ситуации и, соответственно, выбранных языковых стратегий для достижения коммуникативной цели.

Дискурс говорящего/пишущего начинается с замысла текста и заканчивается его выдачей в процессе речепроизводства, дискурс реципиента – это процесс восприятия, заканчивающийся уяснением смысла текста с учетом значений всех слов и условий прагматического контекста.

Таким образом, на основании проведенного краткого анализа существующих точек зрения относительно понятий «текст» и «дискурс» можно сделать вывод, что в современных представлениях текст рассматривается как продукт или результат речепроизводства, а дискурс как синхронно осуществляемый процесс порождения текста или же его восприятия, т.е. как явление процессуальное, деятельностное.

Список литературы

БЭС Языкознание – Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. – 688 с.

Гурочкина, А.Г. Понятие дискурса в современном языкознании [Текст] / А.Г. Гурочкина // Номинация и дискурс. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. – С. 12 – 15.

Дейк ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк / пер. с англ.; сост. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

Демьянков, В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста [Текст] / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. – Серия ЛИЯ. – Т. 42. – 1983. - №4. – С. 320 – 329.

Кубрякова, Е.С. Виды пространства текста и дискурса [Текст] / Е.С. Кубрякова, О.Е. Александрова // Категоризация мира: пространство и время. – М.: Диалог МГУ, 1997. – с. 17-20.

Кубрякова, Е.С. Вступительное слово к Круглому столу, посвященному рассмотрению традиционных проблем языкознания в новом свете [Текст] // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания / под ред. Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, Е.М. Поздняковой. – М.: ИЯ РАН, 2000. – с. 3-10.

Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста [Текст] / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике.– М.: Высшая школа, 1978. – Вып. 8. - С. 82-114.

Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

Dijk van, T.A. Discourse as Social Interaction [Text] / T.A. Dijk van. – London: Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1997. – 320 p.

Gee, J.P. An Introduction to Discourse Analysis [Text] / J.P. Gee // Theory and Method. – London: Routledge, 1999. – 236 p.

Schiffrin, D. Approaches to Discourse [Text] / D. Schiffrin. – Oxford: Blackwell, 1994. – 235 p.

Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language [Text] / M. Stubbs. – Oxford: Basil Blackwell, 1983. – 276 p.

Widdowson, H.G. Directions in the Teaching of Discourse [Text] / H.G. Widdowson // Theoretical Linguistic Models in Applied Linguistics / Ed. by S.P. Corder. – New York: Pantheon Books, 1973. – P. 34-56.

**Литературный текст как литературный дискурс
(теоретический аспект)**

Необычайный рост исследований, посвященных тексту и дискурсу, особенно в последние годы, объясняется, прежде всего, многогранностью и многоплановостью этих двух сложных феноменов. Кроме того, притягательная сила термина «дискурс», фигурирующего не только в лингвистике, но и в философии, психологии и социологии, заключена в непреходящем интересе к проблемам коммуникации, понимаемой как важная основа жизнедеятельности человека. Описаны разные взгляды и на текст, и на дискурс, причем, пытаясь осмыслить данные явления с целью их более четкой и объективной трактовки, авторы исследований стремятся выяснить не только суть этих понятий, но и их взаимоотношения. В результате – неимоверное число дефиниций и толкований текста и дискурса, причем различие подходов приводит к тому, что в соответствующие термины вкладывается порой диаметрально противоположное содержание. Так, например, с точки зрения Ю.Е. Прохорова, «текст и дискурс не находятся между собой в родо-видовых отношениях, ... дискурс не является промежуточным звеном между системой и текстом» [Прохоров : 31]. По мнению же Е.И. Шейгал, этот подход, наоборот, вполне приемлем, т.к. дискурс в таком понимании объединяет все параметры, свойственные и речи, и тексту [Шейгал : 12]. Не имея возможности и не ставя перед собой задачу в рамках статьи подробно остановиться на частных определениях и подходах, пусть даже сгруппированных (см. статьи М.Л. Макарова, В.В. Красных, В.Г. Зусмана, В.И. Карасика и др.), отметим интересный и актуальный, на наш взгляд, подход Ю.Е. Прохорова, который рассматривает текст и дискурс как равноположенные явления, входящие в качестве элементов или участников «состояния взаимодействия» [Прохоров : 32]. При этом, имеется в виду реальная коммуникация, в которую текст и дискурс входят на правах составляющих: текст как «интровертивная фигура коммуникации», дискурс как «экстравертивная фигура коммуникации» [Прохоров : 33]. Согласимся с мнением ученых, полагающих, что строгое разграничение текста и дискурса едва ли является адекватным [Макаров : 19]. Тем более, это мнение, на наш взгляд, представляется актуальным относительно литературного текста и литературного дискурса.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению ряда гипотез, выдвигаемых относительно взаимоотношений между литературным текстом и литературным дискурсом (заметим, что сама формулировка темы носит дискуссионный характер, т.к. вопрос в данном случае - отнюдь не риторический), считаем далеко не лишним объяснить, что мы имеем в виду, оперируя понятиями текста и дискурса. «Поддержку» в этом отношении находим у великого немецкого классика И.В. Гете, который прямо указывает на подобную необходимость, рассуждая, в свою очередь, о таких понятиях, как подражание, манера и стиль, т.к. хотя соответствующие слова (в нашем случае – термины) и получают в теоретических трудах точное определение, все же каждый употребляет их по-своему: «Es scheint nicht überflüssig zu sein, genau anzuzeigen, was wir uns bei diesen Worten denken, welche wir öfters brauchen werden. Denn wenn man sich gleich auch derselben schon lange in Schriften bedient, wenn sie gleich durch theoretische Werke bestimmt zu sein scheinen, so braucht denn doch jeder sie meistens in einem eigenen Sinn und denkt sich mehr oder weniger dabei, je schärfer oder schwächer er den Begriff gefasst hat, der dadurch ausgedrückt werden soll» [Victor : 295]. Итак, несмотря на признанную хрестоматийность определения дискурса, данного Н.Д. Арутюновой, считаем, вслед за компетентным мнением Е.А. Гончаровой [Щирова : 109], данное определение актуальным и, по словам В.Г. Зусмана [Зусман : 55], «наиболее удачным», т.к. дискурс трактуется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова : 136-137]. Включение понятия «дискурс» в парадигму исследования литературного текста не только не исключает рассмотрения текста в качестве самостоятельного предмета исследования, но и предполагает наряду с этим обогащение литературного текста в рамках диады «текст – дискурс». О таком «обогащении» можно говорить, поскольку, как отмечает профессор Е.А. Гончарова, включение понятия «дискурс» «позволяет более осознанно ... посмотреть на многие стороны текстовых структур, связанных с макроконтекстом их возникновения и социального использования» [Щирова : 111]. Мысль о тесной связи литературного текста и литературного дискурса подтверждается дефиницией текста, данного М.Я. Дымарским: «Под текстом понимается особая развернутая вербальная форма осуществления речемыслительного произведения» [Дымарский : 36]. В связи с теми гипотезами, которые мы представляем в данной статье, имен-

но эта дефиниция текста является в нашем случае исходной. В качестве гипотез о взаимоотношениях между литературным текстом и литературным дискурсом (далее – ЛТ и ЛД) рассматриваем следующие:

- во-первых, ЛТ и ЛД являются элементами коммуникации, существуя как в ее структуре, так и в содержании;
- во-вторых, образуя диаду, они трудно расторжимы;
- в-третьих, ЛТ может рассматриваться как ЛД – в силу своей прагматической открытости.

Говоря о коммуникации, следует отметить особенность литературной коммуникации, которая, в отличие от других ее видов, осуществляется в двух ипостасях, терминологически известных, как «реальная» коммуникация - между автором и читателем, и «фикциональная», или «фиктивная» коммуникация - между персонажами литературного произведения. Расширение понятия «литературная коммуникация» продиктовано необходимостью интерпретации литературного текста, т.к., анализируя любое литературно-художественное произведение, исследователь текста обращается к макроконтексту, представленному различными источниками об этом тексте, и к мнениям исследователей относительно данного текста с целью максимально адекватного его понимания.

Для каждого автора очень важным является быть «услышанным», поэтому, как отмечает Е.А. Гончарова, в основе возникновения литературного текста лежит «стремление автора не только к созданию – средствами языка – собственной, «авторской» картины мира, но и к донесению своих представлений об изменчивых свойствах мира до других» [Щирова : 102]. Другими словами, литературный текст, как, впрочем, и научный или какой-либо другой, в устной или письменной форме, *создается с целью стать не только фактом «для себя»* (выделено нами – О.С.), но и фактом «для других».

В этой связи можно говорить о дискурсивности художественного текста, которая отражается в двустороннем характере взаимодействия между реальностью и вымыслом (фикциональностью). С одной стороны, автор «пропускает» через себя окружающий его мир, делится своими впечатлениями и мироощущением, используя при этом увиденное им в реальной действительности. Благодаря яркости и неординарности его эстетического восприятия литературное произведение воздействует на умы и души читателей. В результате «фикциональный» мир, а это – другая сторона взаимодействия

двух реальностей, может повлиять на реальную жизнь читателей, изменяя их установки и даже жизненные ценности (известны многочисленные примеры такого воздействия).

Дискурсивный характер литературного текста проявляется и в том, что он (текст) позволяет судить о ментальности, обусловленной социально-исторической ситуацией и идеологической системой (имеем в виду коллективную и индивидуальную ментальность - всего этноса и отдельного автора). Ярким примером может служить проза писателей ГДР, которую называют «документом времени», «духом времени» - «Zeitdokument, Zeitgeist» [Kühn : 251], т.к. сюжеты произведений как бы «выросли» из атмосферы той эпохи. На уровне дискурса текст обогащается экстралингвистическими факторами, т.к. именно через дискурс текст соотносится с жизнью общества. Обладая когнитивным и коммуникативным пространством, литературный текст выступает как посредник между автором и читателем, обеспечивая по мере возможности их социально-психологическую «совместимость». Почему возникает вопрос о подобной «совместимости»? Причина возникновения такого вопроса в том, что читатель имеет свой жизненный и литературный опыт и поэтому воспринимает то или иное литературное произведение с позиций этого опыта. Кроме того, читатель имеет определенное отношение к тому миру, в котором он живет, и к действительности времен автора. Далеко не всегда литературные произведения остаются социально востребованными в полной мере, т.е. так, как это задумывал автор. Воспринимая и интерпретируя литературный текст, читатель может «проецировать» текст, его смысловое пространство на современную ему действительность, допуская при этом в из-за субъективного восприятия приращение или утрату определенных смыслов. В силу своей прагматической открытости литературный текст перестраивается в плане своей смысловой структуры под воздействием окружающей среды. Под окружающей средой в отношении литературного текста понимается не только реальная действительность, но и литературная традиция, отмечает В.Г. Зусман, поэтому вследствие перестройки смысловой структуры текст становится дискурсивным, открытым [Зусман : 455]. Подчеркивая теснейшую взаимосвязь текста и дискурса в сфере литературы, указанный выше автор употребляет термин «текст-дискурс», не исключающий возможности перехода литературного текста в литературный дискурс, что, в свою очередь, объясняется наличием прямых и обратных связей в системе

«литература». Благодаря дискурсивному подходу к литературе представляется закономерным рассматривать ее как динамическую и открытую систему. Таким образом, под литературным дискурсом понимается в рамках данной статьи литературный текст, «погруженный» в экстралитературную реальность. Разводя понятия «ЛТ» и «ЛД», допускаем возможность, фигурально выражаясь, «перетекания» литературного текста в литературный дискурс. Убедительные доводы на этот счет приводит В.Г. Зусман [Зусман : 456-457]. Кроме того, осмелимся предположить, что, например, произведение Кристи Вольф (само по себе) и его название «Расколотое небо» («Der geteilte Himmel») представляет собой не столько литературный текст, сколько литературный текст-дискурс. Утверждая это, основываемся, кроме всего прочего, на том, что литературный текст в данном случае предстает как значимое событие в когнитивном, психологическом, социальном и культурном плане. Более подробные практические выкладки в отношении перехода литературного текста в литературный дискурс будут предметом нашего рассмотрения, но уже в рамках другой статьи.

Таким образом, являясь элементами коммуникации, текст и дискурс в системе «литература» более нерасторжимы, чем в каком-либо другом дискурсе. Литературный дискурс устанавливает связи между произведением и автором, произведением и читателем, автором и реальностью, включающей литературную традицию, читателем и реальностью. Литературный текст «открыт» в плане интерпретации, что позволяет говорить о его дискурсивности; литературный дискурс – это литературный текст, который «открыт» для возникновения новых смыслов.

Список литературы

Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990. - С.136-137.

Дымарский, М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX-XX вв. [Текст] / М.Я. Дымарский. - М., 2001.

Зусман, В.Г. Литературный текст как дискурс [Текст] / В.Г. Зусман // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. - М.: Языки славянской культуры, 2007. – Т. 3. - С.451-460.

Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст] / М.Л. Макаров. - Тверь, 1998. - С.68 -72.

Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Ю.Е. Прохоров. - М.: Флинта:Наука, 2006. – 224 с.

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

Щирова, И.А. Текст в парадигмах гуманитарного знания [Текст] / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. - СПб.: ООО «Книжный дом», 2006. – 172 с.

Victor, Walther. Goethe. Ein Lesebuch für unsere Zeit / Walther Victor. - Aufbau – Verlag Berlin und Weimar, 1974. – 420 s.

Kühn, Ingrid. DDR-spezifischer Wortschatz als intertextuelle Strukturkomponente in Romanen der DDR-Literatur / Ingrid Kühn // Leipziger Arbeiten zur Sprach- und Kommunikationsgeschichte. - Band 4. F M, Berlin, Bern, Paris, Wien: Peter Lang, 1996.- 425 s.

Р.П. Сысуева

Ревизская сказка 1858 года села Усть-Суерского Усть-Суерской волости Курганского уезда как лингвистический источник

В XVIII – XIX веках в России проведены десять ревизий податного населения с целью его учета для подушного обложения и воинской повинности. При проведении ревизий первичным материалом служили ревизские сказки – списки, в которые поименно вносились все лица, относящиеся к податным сословиям.

В Государственном архиве Курганской области хранится ревизская сказка 1858 года, составленная Усть-Суерским волостным правлением. Она включает в себе ведомость «о наличном числѣ душъ въ ревизию записанных» села Суерское и одиннадцати деревень Усть-Суерской волости (Куимовой, Волосниковой, Памятной, Екимовой, Русаковой, Рэчкиной, Пешной, Вагиной, Заозерной, Маниловой, Варакосовой). В сказке представлен список государственных крестьян с их семьями, отставных солдат и поселенческих детей, не имеющих ни родителей, ни родственников.

Сказка находится в фонде И190. Оп. 1. Д. 1. 264 л. Она написана скорописью, местными писцами, что и определило наличие в ней элементов раз-

говорной и локальной речи. Будучи официальным фискальным документом, сказка имеет определенную структуру: вступление, основную часть и заключение. Этим обусловлено наличие в ней устойчивых языковых оборотов. Мужские имена в сказке написаны на левой, оборотной, стороне листа, женские – на правой. В конце каждой половины листа подведены подсчеты названий лиц мужского и женского пола.

Сказка засвидетельствована: «сказка сія на троекратной мирской сходкѣ прочитана была ... въ томъ сказкосоставитель крестьянинъ Исакъ Семёновъ Устюжанинъ руку приложилъ... при прочтении находился волостный голова Баушкинъ въ чемъ приложилъ печать» (28 об.).

Данный лингвистический источник не издавался и не исследован лингвистами. Однако в нем содержатся ценные сведения по истории русского языка середины XIX века. Нами проанализирована лингвистическая информативность и лингвистическая содержательность первой части этой сказки (лл. 2об., 29), содержащей поименный список государственных крестьян мужского и женского пола всех возрастов, отставных солдат и поселенческих детей, не имеющих ни родственников, ни детей, живущих в селе Усть-Суерское.

Сказка содержит богатый материал по антропонимике, подтверждая, что к середине XIX века в русском языке сложилась трехчленная антропонимическая система. Главы крестьянских семейств, отставные солдаты, дети, не имеющие ни родителей, ни родственников, имеют обязательное трехчленное имя: Гордѣй петровъ Буслаев, 5 об.; Иванъ Степановъ Устюжанинъ, 22 об.; Александръ Карловъ Липингъ, 25 об.; рядовой Поликарпъ Егоровъ балакинъ, 28 об.; но и: рядовой Михайло русаковъ, 28 об.; Семень Емельяновъ Бачулинъ, 26 об. При перечислении детей, не имеющих ни родителей, ни родственников, полное имя использовалось для уточнения. Братья, племянники, внуки, приемные сыновья имеют, как правило, двучленное имя: Исакъ Симіоновъ Устюжанинъ, но: Исаака Симіонова братъ Егоръ Симіоновъ, 15 об.; Михайло Фадѣевъ Комчуговский – его приѣмный сынъ Василий Федоровъ, 19 об.; племянникъ Тарасъ Михайловъ, 20 об.; Сергѣя Иванова внукъ Федосѣй Поликарповъ, 28 об. При перечислении родных сыновей указывается только имя: Антонъ Гавриловъ Скрябинъ – его сынъ Григорій, 15 об.

Все имена христианского происхождения.

В ревизской сказке села Усть-Суерского мы насчитали 85 личных имен мужского пола. Наиболее частотные из них: Иван – 17 словоупотреблений, Василий – 14, Гаврило – 11, Григорий – 10, Дмитрий – 10, Петрь – 8, Федорь – 8, Степань – 8, Павел – 7, Ефим – 7, Семеон (Симіонь) – 6, Яковь – 6, Тимофей – 5, Алексей – 4, Александрь – 3, Никифорь – 3, Фома – 3, Федоть – 3, Лука – 2, СергЭй – 2, Терентій – 2. Все остальные имена зафиксированы по одному разу (Абросимь, Трофимь, Епифань, Максимь, АндрЭй, Федось и др.).

Тексты дают возможность проследить некоторые особенности в родовой характеристике и склонении личных имен существительных мужского рода, оканчивающихся на –о: Данило – 3 об., 10 об.; Михайло – 6 об., 18 об., 19 об., 27 об., 28 об.; Гаврило – 11 об., 12 об. (2), 13 об. (3), 14 об., 26 об., 22 об., 15 об. (2); Марко – 4 об.; Кирило – 6 об., 13 об.; Самойло – 25 об. В косвенных падежах, в частности в родительном падеже единственного числа, они склоняются по мужскому роду (в отличие от северновеликорусов, изменяющих их по женскому роду): *Данила Фролова брать*, 4 об. (3); *Данила Фролова жена*, 4; *Данила ТимофЭева жена*, 11; *Михайла ФадЭева племянникь*, 19 об.; *Михаила ФадЭева жена*, 20; *Михайла ФаЭева сноха*, 21; *Михайла Яковлева жена*, 7; *Гаврила Федорова жена*, 23.

В ревизской сказке 27 мужских фамилий, из них 2 – неславянского происхождения: *Липингъ и – Карловъ* – 25 об. По частотности функционирования они располагаются так: Устюжанинь – 15 словоупотреблений, Шалабановъ – 8, Пуеровъ – 7, Русаковъ – 5, Буслаевъ – 5, Шабалинь – 5, балакинъ – 4, Хлызовъ – 3, Скрябинъ – 2, Васильевъ – 2, Камчуговскій – 2. Остальные мужские фамилии употреблены по одному разу (Антоновъ, Маховъ, Леоновъ, Пилигримовъ, Петровъ, Приваловъ и др.).

В ревизской сказке имеется 38 женских личных имен. Среди них наиболее часто встречаются: Авдотья – 21 употребление, Анна – 15, Татьяна – 11, Арина – 11, Парасковья – 10, Марья – 10, Матрена – 9, Апроксинья – 8, Ульяна – 7, Федора – 7, Пелагея – 6, Афимья – 6, Акулина – 6, Агафья – 6, Настасья – 5, Марфа – 5, Степанида – 4, Дарья – 4, Домна – 4, Фекла – 3, Катерина – 3, Зеновья – 3, Александра – 3, Мавра – 3, Аксинья – 3, Варвара – 3, Наталья – 3, Маремьяна – 3, Харитонья – 2, Софья – 2. Единичное употреб-

ление имеют: Анисья, Евгенийя, Елена, Лепестинья, Ненила, Надежда, Олена, Пласкида, Сиклитинья, Таисія, Устинья, Федосья, Ховронья, Хавонида и др.

В тексте насчитывается 57 фамилий, относящихся к женскому полу. Частотность их такова: Иванова – 12, Федорова – 8, Васильева – 8, Яковлева – 6, Ефимова – 6, Петрова – 4, Андреева – 4, МатвЭева – 4, Ларіонова – 3, Михайлова – 3, Никитина – 3, Осипова – 3, Федотова – 3, Никифорова – 2, Алексьева – 2, Прокопьева – 2, Степанова – 2, Симіонова – 2. Единичные фамилии: Александрова, Агафонова, Аксенова, Антипина, Андреянова, АвдЭева; Ворончагина; Гавлирина (так в ркп), Гаврилова, Григорьева, Горимова; ДорофЭева, Демидова, Дмитріева; ЕвстигнЭева, Елифанова, Егорова, Ермолаева, Евдокимова; Зеновьева; Игнатьева; Кипріянова, Крылова, Козьмина; Лаврентьева; Назарова; Прохорова, Поликарпова; Савастьянова, Силина, СергЭева, Сергачева; ТимофЭева, Трофимова; ФедосЭева, Филиппова и др.

В сказке широко представлена тематическая группа слов – названий родства.

Родство по прямой линии (кровное родство): мать - 5,7,11,12,14; *внукъ* – 8 об., 10 об.; *второй внукъ*, 8 об.; *внука Татьяна Поликарповна*, 10; *правнучка Настасья*, 10; *внукъ* (незаконнорожденный, второй – 4 об.; *внуки* – 8 об. (2), 14 об., 9 об., 18 об.; *сынъ* – 53 словоупотребления: *отъ первой жены сынъ*, 6; *отъ первой жены другой сынъ*, 10 об., *другой сынъ*, 5 об., *второй сынъ*, 3 об., *отъ второй жены другой сынъ*, 16 об., *отъ второй жены сыновья*, 18 об., *отъ третьей жены сыновья*, 16 об.; *дочь* – 36 словоупотреблений (дочери – 23 словоупотребления): *отъ второй жены дочь (дочери)*, 12,19.

Словосочетания, обозначающие наименования чужих лиц, взятых на воспитание: приємный сынъ Василий Федоров, 19 об., *приємная дочь Агафья*, 24.

Родство по боковой линии: братъ (другой, незаконнорожденный) – 12 словоупотреблений - 4 об., 13 об. (2), 15 об. (2), 10 об.; *братья* – 26 об.; *Ивана Корнилова тетки*, 12; *сестра (незаконнорожденная)* – 6 (2), 20, 11, 5 об.; *племянник (незаконнорожденный, другой)* – 6 об. (2), 7 об., 8 об., 11 об., 19 об., 20 об.; *племянница (незаконнорожденная)* - 6.

Термины свойства (названия лиц по отношениям, возникшим в результате брачного союза): жена – 103 словоупотребления: *отъ первой жены* –

11, *отъ второй жены*– 12, *отъ третьей жены* – 22; *мачиха* – 21, *сноха* – 7, 10, 21, 19 об.; *падчерица*– 4, 20, 22, *вдова* – 20.

Поскольку сказки характеризовались в социальном плане, в анализируемом тексте находим элементы социальной терминологии: государственных крестьян, 1; *изъ вольноотпущенных крестьян*, 25 об.; *изъ поселенческих дЭтей*, 26 об.; *отставныхъ солдатъ*, 1об.; *сказку о поселенцахъ*, 25 об.

В тексте отмечаем тематическую группу наименований лиц по роду занятий и служб: *Волостный Голова*, 1 а; *отданъ в рекруты*, 2 об., 7 об.; *рядовой Григорій Петровъ Пуеровъ*, 27 об.; *унтеръ офицеръ Софронъ Петровъ Буславлевъ*, 27 об.; *сказкосоставитель крестьянинъ Исакъ Семеновъ Устюжанинъ*, 28.

В сказке как деловом жанре присутствует официально-деловая лексика и фразеология, связанная с делопроизводством: *ревизская сказка*, *вЭдомость (список, роспись)*, *число душъ* (душа – человек), 1 а; *итого мужеска и женска пола на лицо*, 2 об.; *лЭта выставлены согласно ревизии*, 2 об.; *после оной прибыло... выбыло*, 9 об.; *причислены по указу*, 24 об.; *пришедшихъ... по во-лЭ*, 25 об.; *перенесены въ сказку о поселенцахъ*, 25 об.; *причисленъ со льготой*, 25 об.; *всЭ души показаны*, 26 об.; *руку приложилъ*, 28 об.; *по безграмотству приложилъ печать*, 27 об.; *на мирской сходкЭ прочитана*, 28 об.; *уволень по паспорту*, 28 об.

Отмечаем наличие в сказке названия местных и территориальных административных единиц: *Тобольской губернии*, *Курганскаго округа*, *Усть-Суерской волости*, *села Усть-Суерскаго*, *Волостное правление*, 1 а; *по указу Курганскаго земскаго суда*, 24 об.; *по указу Тобольской казенной палаты*, 25 об.; *причисленъ в Тобольскую волость*, 26 об.

Содержание сказки предопределяет и ее грамматическое наполнение.

Так, существительные склоняются по современным нормам. В родительном падеже единственного числа мужского рода форму на –у отмечаем в частотном словосочетании временного значения: *умеръ... въ 1854 году*, 2 об.; в свободном сочетании – форма на –а: *по указу 1855 года*, 26 об.; в предложном Э под ударением: *при отцЭ*, 24 об.; от *мЭсяць* – отмечаем только форму родительного падежа множественного числа на –ов: *5 месяцевъ*, 4 об.

Существительные женского рода бывших основ на –а и **ја** имеют в дательном-предложном падежах единственного числа окончание –Э в безудар-

ном положении: *въ сказкѣ*, 26 об.; *на сходкѣ*, 28 об.; *по волѣ*, 26 об.; *в отлучкѣ*, 3; *по книгѣ*, 1 а.

В творительном падеже единственного числа отмечаем вариативность флексий **-ою/-ой**: *сестрою Ульяной*, 5 об., 6; *снохою Федосьей*, 19 об.; но и: *внукой Татьяной*, 10.

В официальном обороте фиксируем краткую форму прилагательного в функции определения: *мужеска и женска пола*, 1а, 3 об., 4 об. В родительном падеже единственного числа полные формы прилагательных, местоимений, числительных и причастий содержат окончание **-аго**: *женскаго пола*, 3 (2), 4, 29; *мужескаго пола*, 2 об., 6 об., 28 об.; *с котораго времени*, 5; *Курганскаго округа*, 6 об., 7, 7 об., 8 об.; *умершаго крестьянина*, 18; *Усть-Суерскаго*, 7, 7 об., 8 об.; *седьмаго дня*, 1.

Полные причастия мужского и женского родов имеют общую форму именительного падежа множественного числа на **-ыя** (под церковнославянским влиянием): *сыновья новорожденныя*, 2 об., 14 об., 16 об.; *всѣ души въ наличности бывшия*, 28 об.

Наречие **налицо** и числительное **восемьсот** имеют двойное написание, свидетельствуя о том, что они находились еще в стадии формирования: *мужеска пола на лицо*, 2 об. (3); *мужеска пола налицо*, 26 об.; *тысяча восемь сотъ пятьдесятъ осьмаго года*, 1, 28 об.; *тысяча восемьсот пятьдесят осьмаго года*, 29.

Наблюдения над фонетическим обликом слов свидетельствуют об отражении в памятнике живой русской речи: смешение **ѣ** и **и**, еканье, иканье, аканье, отвердение Ц и шипящих и др. Диалектных черт Зауралья в нем не обнаружено.

Ревизская сказка в целом содержит книжные элементы, деловые черты русского языка с элементами разговорного. Будучи датированной и локализованной, она является надежным источником по истории русского языка.

Повторы в художественном тексте

Система многообразных повторов и их вариантов и вариаций в художественном произведении уникальна у каждого автора и выполняет в соответствии с его интенцией и особенностями стиля различные функции.

Исследованием повторов (в широком смысле) занимались и занимаются учёные самых разных специальностей (астрономы, физики, биологи, музыковеды, психологи), в том числе и филологи, начиная с работ риторов античности, различавших более тридцати четырёх видов повторов [Гаврилов : 49], и до исследований современных учёных. Среди учёных-филологов в первую очередь следует назвать имена таких выдающихся исследователей, как А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Ю.М. Лотман, Р.О. Якобсон.

Проблема повтора отражена в огромном количестве публикаций самого разного достоинства (статьи, монографии, диссертации и т.п.). Свой вклад в разработку этой проблемы внесли И.В. Арнольд, Н.П. Андреев, К.А. Андреева, Ш. Балли, И. Беллерт, М.Я. Блох, Г.В. Векшин, Б.Г. Гак, И.Р. Гальперин, Ж. Гард-Тамин, Б.М. Гаспаров, П. Гиро, Н.Г. Головкина, Т.А. Ван Дейк, К.А. Долинин, О.И. Капица, Е.В. Козлов, В.П. Летучева, И.В. Макарова, Г. Михель, М.К. Морен, И.С. Новикова, Е.И. Петрова, В.Я. Пропп, Э.Г. Ризель, Т.И. Сильман, А.П. Сквородников, Н.Н. Тетеревникова, Н.В. Устина, З.И. Хованская, Л.Г. Фридман, Т.В. Цеберганова, И.Н. Чеплыгина, Е.И. Шендельс и другие.

До сих пор не выработано какой-либо общепринятой классификации видов и функций повторов. Точки зрения исследователей расходятся как в дефиниции повторов, так и в трактовке их видов и функций. «Повтор» определялся и как формальное (буквальное) воспроизведение слова или словосочетания, и как возврат к значению слова посредством других лексических единиц, и как формальное и семантическое воспроизведение языковой единицы [Ковальчук :111].

На наш взгляд, повтор в художественном тексте (а точнее, в художественном произведении) можно рассматривать как многократное воспроизведение элементов концептуального (идейно-смыслового), жанрово-композиционного и языкового уровней художественного произведения как единого целого. Языковой уровень, располагая системой изобразительных средств,

актуализирует идейно-эстетическое содержание произведения. В нём, как известно, выделяются свои подуровни: фонетический, морфологический, лексико-семантический, синтаксический, словообразовательный и другие.

Поскольку художественное произведение – это единое целое, то и элементы этих трёх структурных уровней взаимодействуют между собой. Например, тема любви, раскрываясь через ряд повторяющихся в ходе развития сюжета мотивов (взаимность, ревность и т.п.), предполагает в соответствии с жанром организацию образной системы, в которой повторы эпизодов, ситуаций, образов героев (в данном случае, к примеру, пресловутый любовный «треугольник»), а также сопровождающих их пространственных и других образов обусловлены этими мотивами; вышеназванные элементы первого и второго уровней актуализируются в соответствии с главной мыслью и особенностями стиля автора на каждом этапе развития сюжета через систему повторов изобразительных средств вышеупомянутых подуровней.

Что касается классификации видов повторов, то чаще всего они рассматривались как стилистические фигуры (например, эпицойксис, анафора, эпифора, параномазия, параллелизм, полисиндетон и другие). Существуют и другие классификации его видов: например, в зависимости от того, к какой части речи он относится; или его подразделяют на простой лексический повтор, анафору, эпифору, эпанафору, частичный повтор; причём эта классификация дополняется либо семантическим и лексико-синтаксическим, либо местоимённым повторами [Ковальчук : 114].

Большинство учёных считают основными четыре вышеперечисленных (в порядке следования) подуровня и исследуют повторы либо отдельно на каждом, либо комбинированно во взаимосвязи.

К фонетическим повторам традиционно относят «звуковые повторы», например, элементы звукоритмического свойства (метрики), звукоподражание, ассонансы и др.

Морфологические повторы, как правило, воспроизводят аффиксы, корни, основы слов.

На лексическом подуровне чаще всего изучают повторы слов и словосочетаний; нередко различные трактовки этих повторяющихся лексических единиц и их роли в художественном произведении. Различают, например, семантический, синонимический (в том числе и контекстуально-синонимический) повторы. Лексический повтор может быть контактным, кольцевым,

расширенным, повтором-подхватом и т.д. На синтаксическом подуровне чаще всего выделяют повтор синтаксических конструкций одного структурного типа или их частей (например, простого, сложноподчинённого или придаточного предложений и т.п.). Синтаксические повторы разного типа ещё называют синтаксическим параллелизмом и хиазмом (как стилистические фигуры). Кроме того, этот повтор может взаимодействовать с лексическим повтором, что даёт основание говорить о комбинированном повторе в рамках синтаксического.

Функции, как и виды повторяющихся в художественном тексте элементов вышеупомянутых уровней, представлены авторами исследований с разных точек зрения: в большинстве работ выделяются экспрессивно-эмотивная и усилительно-выделительная функции. И.Р. Гальперин различает наряду с усилительной функцией также функции последовательности, модальности и нарастания. Кроме того, называются такие функции, как характерологическая, риторическая, фоновая, композиционная, текстообразующая, а также функции связности и цельности.

Объектом нашего исследования является знаменитое произведение не менее знаменитого писателя Эриха Марии Ремарка «Три товарища» (1938).

Этот всемирно известный роман, ставший бестселлером, отражает мировоззрение Э.М. Ремарка, которое складывалось под влиянием событий военных и первых послевоенных лет. Первая мировая война и её последствия превратили молодое поколение (и в первую очередь немцев), участвовавшее в кровавой бойне, в людей без идеалов, без прошлого, настоящего и будущего. Это поколение молодых писателей американская писательница Гертруда Стайн назвала «потерянным» (Э. Хемингуэй, Р. Олдингтон, Э.М. Ремарк и др.).

Роман «Три товарища» завершает своего рода трилогию о «потерянном поколении», начатую в книгах «На западном фронте без перемен» (1929) и «Возвращение» (1931). И хотя у главных героев этих произведений разные имена, эти книги связывает единство тематического материала и авторского отношения к действительности, общность манеры повествования, лиризм и трагичность судеб главных героев.

Три товарища из одноимённого романа, фронтовые друзья Роберт Локамп, Отто Кестер и Готфрид Ленц, пытаются выжить в жестоком и враждебном им мире в разгар мирового экономического кризиса, где царят ин-

фляция, безработица, болезни, голод, самоубийства и нестабильная политическая обстановка (правда, сам Ремарк и его герои далеки от политики, от обострявшейся борьбы между национал-социалистами и коммунистами). Повествование ведётся от лица главного персонажа Роберта Локампа. Автор показывает трёх товарищей в небольшой авторемонтной мастерской «Кестер и компаньоны», работа в которой помогает им поначалу сносно жить; в дешёвых меблированных комнатах, где по ночам их мучат кошмары из кровавого военного прошлого; в пивнушках, барах, кафе, ресторанах, где не так одиноко и где они обращаются к вину, дающему временное забвение. «Потерянным» помогают в какой-то мере выжить самоирония и юмор, который проявляется и как шутка, и как грустная улыбка, и как незлобивая насмешка, и как скрытое сочувствие.

Любовь и дружба – основа положительной программы Ремарка. И всё же они не являются настоящим выходом из положения и поэтому подаются в плане трагическом (погибает Ленц от пули фашиствующих молодчиков, умирает Пат от неизлечимой болезни, связанной с недоеданием во время войны, расстаются Роберт и Отто, продав с молотка автомастерскую, а позднее и любимую машину). Ни дружба, ни любовь, ни личные качества героев не могут противостоять несправедливому и жестокому обществу, поэтому и фон книги мрачный, трагический. И всё же в художественном отношении роман «Три товарища» – это классика. Удивительно корректно, мастерски показан внутренний мир героев, их дружба, любовь, доброта, отзывчивость, честность, толерантность, человечность, мужество и, независимо от жизненных обстоятельств, чувство юмора.

Рупором автора (разумеется, в известных рамках) выступает повествователь, главный персонаж Роберт Локамп, хотя не только он «озвучивает» мысли родственного ему по духу писателя. Роберт и его друзья – носители главной идеи книги – неприятия, критики общества, которое растоптало их идеалы, отправив на кровавую войну, которая искалечила тела и души сотен тысяч молодых людей разных наций. Они ненавидят прошлое, отвергают «ценности» современного им общества, с презрением относятся к настоящему и с полным равнодушием – к будущему, они аполитичны. Ремарку, изгнанному из родной страны фашистами, «помогла» в создании мрачного, трагичного тона романа наряду с вышеупомянутыми причинами также философия А. Шопенгауэра.

Автор акцентирует внимание читателя в первую очередь на том, что «потерянным» мешает жить. Это страшные, отвратительные воспоминания о войне, внутренняя опустошенность, одиночество, отчаяние, отсутствие всякой цели, неумение и нежелание приспособиваться к жестокой борьбе за существование, а Роберту - прежде всего болезнь Пат. С другой стороны, писатель фокусирует внимание читателя на том, что им помогает выживать, то есть любимая работа, их Карл и автогонки, их взаимопонимание и дружба, нежное отношение к Пат, взаимная любовь Роберта и Патриции, а также временно освобождающие от одиночества и жутких воспоминаний атмосфера в питейных заведениях и вино. Это противопоставление развивает конфликт между «потерянными» и обществом и динамизирует сюжет. Вышеизложенное составляет идейно-смысловую сферу произведения. Развитие идеи, её воплощение обуславливают построение целого, повторы различных образов, ситуаций, эпизодов, определяют и выбор повторяющихся в связи с этим элементов языкового уровня произведения.

Система повторяющихся элементов языкового уровня в книге чрезвычайно сложная и довольно разветвлённая. В романе можно выделить как основные следующие виды повторов:

1. Лексический повтор:

1.1. Буквальный повтор слова без дополнения или уточнения (heftig, heftig;...Fieber...Fieber);

1.2. Повтор слова с уточнением или дополнением разного характера и в разных вариантах (Pech! Verflucht viel Pech...);

1.3. Семантический повтор:

1.3.1. Повтор одинаковых сем в разных словах, образующих семантические ряды и поля, например, поле войны (Krieg, Front, Gewehr, Kugel, Schuss, Soldat, töten);

1.3.2. Воспроизведение значения разными словами – синонимический повтор (lemblos, tot).

2. Синтаксический повтор: повтор структуры разного типа предложений и их частей с разным или одинаковым лексическим наполнением: Verflucht sei das Gewitter! Gesegnet sei unser bisschen Leben!...Trinkt Kinder! Trinkt, solange es noch Zeit gibt! Es lebe das Unglück! Es lebe das Dunkel!...Weil wir leben! Weil wir atmen!...Ich sah sie plötzlich deutlich vor mir. Ich sah die Schneeflocken wirbeln, ich sah den schmalen, dunklen Kopf...

3. Комбинированный повтор (преимущественно в особо важных для понимания мысли автора ключевых сценах, эпизодах, ситуациях) внутри предложений или их блоков (ССЦ), то есть повтор (в разных комбинациях) слов в предложениях или ССЦ, антонимический повтор, повтор структуры предложения, воспроизведение одинаковых сем в разных словах одного семантического ряда или поля и т.п. Например: «Es war Sommer 1917 gewesen. Unsere Kompanie lag damals in Flandern, und wir hatten unverhofft ein paar Tage Urlaub nach Ostende bekommen, Meyer, Holthoff, Breyer, Lütgens, ich und noch einige andere. Die meisten von uns waren noch nie am Meer gewesen, und diese wenigen Tage, diese fast unbegreifliche Pause zwischen Tod und Tod, wurden zu einer wilden Hingabe an Sonne, Sand und Meer. Wir blieben den ganzen Tag am Strande, wir dehnten unsere nackten Körper in der Sonne, - denn Nacktsein, nicht Bepacktsein mit den Waffen und der Uniform, das hieß schon so viel wie Frieden, - wir tobten am Strande herum und stürmten immer wieder in das Meer hinein, wir spürten unsere Glieder, unseren Atem, unsere Bewegungen mit der ganzen Stärke, die die Dinge des Lebens in dieser Zeit hatten, wir vergaßen alles in diesen Stunden und wollten auch alles vergessen. Aber abends, in der Dämmerung, wenn die Sonne fort war und die grauen Schatten vom Horizont her über das erblässende Meer liefen, dann mischte sich langsam in das Brausen der Brandung ein anderer Ton, er wurde stärker und übertönte es schließlich wie eine dumpfe Drohung: der Kanonendonner der Front. Dann kam es vor, dass plötzlich ein fahles Schweigen die Gespräche unterbrach, dass die Köpfe sich lauschend hoben und dass aus den fröhlichen Gesichtern müde gespielter Knaben jäh wieder das harte Antlitz der Soldaten hervorsprang, ergreifend überweht für einen Augenblick noch von einem Erstaunen, einer Schwermut, in der alles war, was nie ausgesprochen wurde: Mut und Bitterkeit und Lebensgier, der Wille zur Pflicht, die Verzweiflung, die Hoffnung und die rätselhafte Trauer der Frühgezeichneten. Ein paar Tage später begann dann die große Offensive, und schon am dritten Juli hatte die Kompanie noch zweiunddreißig Mann, und Meyer, Holthoff und Lütgens waren tot». Здесь и далее цит. по: [Remarque].

Идеи, темы и проблемы книги фокусируются в перспективе в её заголовке. Уже в нём «заложены» и повторы как на уровне содержания, так и в плане организации (построения) текста. Автор наводит читателя на мысль, что «Drei Kameraden» - это люди, которых связывают события прошедшей войны и дальнейшая послевоенная судьба. Всё в произведении строится и

«вращается» вокруг них. Именно в самом начале произведения (в «сильной позиции») Ремарк «заряжает» читателя информацией о том, что героям «мешает жить», что их превратило в «потерянных». Он представляет главного героя-рассказчика. «Я» рассказчика – самое повторяющееся слово в книге (местоимение «я» во всех его вариантах, а также имя, фамилия, варианты имени, шуточные прозвища рассказчика: Ich, mich, mir; Lohkamp, Robert, Robby, Baby, Goldbaby и т.п.). Оно организует повествование, связывает все двадцать восемь глав романа, которые выполняют композиционную функцию и направляют внимание читателя на границы смысловых сегментов книги.

Образ рассказчика сменяется образом страшной войны, превратившей трёх товарищей в «потерянных». Этот образ «всплывает» в воспоминаниях не только Роберта, Отто и Готфрида, но и их фронтовых друзей. В этой связи следует выделить слова и словосочетания с одинаковыми семами, в том числе и реализующимися в контексте ассоциативными семами, в повторяющихся воспоминаниях (ретроспекциях). Эти слова формируют семантические ряды и поля. Семантические повторы образуют семантическую композицию произведения, объединяясь с повторами в других семантических полях. Дается картина «разрушения» молодого поколения и его дальнейшая судьба на примере судьбы главного персонажа: 1916, Rekrut, achtzehn Jahre alt, Kommando, Unteroffizier, Kaserne, Hinlegen und Aufstehen, Tornister, Strafe, Latrinen scheuern, 1917, Flandern, Feuer, verwundet, Gas, Masken, Gas geschluckt, Blut, sterben, schwarz im Gesicht, 1918, Lazarett, Papierverbände, schwere Verletzungen, Operationswagen, keine Beine, 1919, «...Revolution. Hunger.....Maschinengewehrgeknatter. Soldaten gegen Soldaten. Kameraden gegen Kameraden», 1920, Putsch, erschießen, verhaften, «Mutter im Krankenhaus. Krebs im letzten Stadium» [Remarque : 17], 1923, Inflation, Zweihundert Billionen Mark monatlich. Здесь воспроизводится лейтмотивное для этого фрагмента содержания и для большинства последующих воспоминаний слово «sterben» (лексический буквальный повтор с дополнением и уточнением усилительно-выделительного и экспрессивно-эмотивного характера: «Er starb..., grün und schwarz im Gesicht. Sein Hals war zerrissen»). В этом же смысловом сегменте употребляется словосочетание «erschossen sein» - синонимический повтор слова «sterben». Кроме того, лексические парные контактные повторы «Soldaten gegen Soldaten. Kameraden gegen Kameraden» являются по существу

контекстуальными синонимами слова «sterben» и дополняют картину разрушения идеалов фронтового поколения и его превращения в поколение «потерянных». Воспоминания Роберта в начале книги завершаются предложениями, в которых воспроизводится в словосочетании сема вышеназванного семантического поля с дополнением оценочного характера: «Da kam ab und zu noch einmal etwas von früher und starrte einen aus toten Augen an. Aber dafür hatte man den Schnaps» [Remarque : 18].

Кратко остановимся на повторах, связанных с воспоминаниями о прошлом на следующих этапах развития сюжета. Слова с одинаковыми семами «сопровождают» повторяющийся мотив военного прошлого, одновременно характеризуют и сближая образы «потерянных» (Роберта Локампа, Отто Кестера, Готфрида Ленца, Фердинанда Грау, Валентина Хаузера и др.). Это, в первую очередь, слова Krieg, Front, Soldat, Schuss, schießen, Tod, tot, Kanone, Feuer, Kugel, Wunde, Schützengraben с дополнениями разного характера. О Валентине Хаузере: «Er war einer der Menschen, die ein unheimliches Gedächtnis für den Krieg haben. Wir andern hatten vieles vergessen; er aber erinnerte sich an jeden Tag und jede Stunde» [Remarque : 45]. На протяжении всего действия в книге повторяются слова «потерянных» «vergessen» и «sich erinnern» (антонимический повтор) как отражение внутреннего конфликта героев. Характерно, на наш взгляд, следующее ниже высказывание носителя главной идеи Роберта Локампа, представляющего точку зрения всех «потерянных»: «Ich saß ziemlich lange und dachte an allerlei Dinge. Auch daran, wie wir damals zurückgekommen waren aus dem Kriege, jung, ohne Glauben, wie Bergleute aus einem eingestürzten Schacht. Wir hatten marschieren gehen wollen gegen die Lüge, die Ichsucht, die Gier, die Trägheit des Herzens, die all das verschuldet hatten, was hinter uns lag; - wir waren hart gewesen, ohne anderes Vertrauen, als das zu den Kameraden neben uns und das eine andere, das nie betrogen hatte: zu den Dingen, - zu Himmel, Tabak, Baum und Brot und Erde; - aber was war daraus geworden? Alles war zusammengebrochen, verfälscht und vergessen. Und wer nicht vergessen konnte, dem blieb nur die Ohnmacht, die Verzweiflung, die Gleichgültigkeit und der Schnaps. Die Zeit der großen Menschen – und Männerträume war vorbei. Die Betriebsamen triumphierten. Die Korruption. Das Elend» [Remarque : 58,59].

Как мы видим, здесь чётко прослеживается неприятие и критика общества, разрушение идеалов, безысходность. Семантический повтор «соседствует» с буквальным лексическим повтором, с синтаксическим повтором, по-

втором-градацией. То есть это комбинированный повтор, связанный с ключевой ситуацией. На последних этапах развития сюжета лейтмотив воспоминаний о военном прошлом реализуется как с помощью расширения семантического поля (Kompanie, Kanonendonner, Waffen, Uniform, Offensive), так и введения повтора имён погибших товарищей из первой книги «Im Westen nichts Neues» в начале и в конце воспоминания (буквальный кольцевой ин-тертекстуальный лексический повтор, объединяющий идеи двух книг).

Роман «Три товарища» буквально «пронизан» повторами, которые связаны с обращением «потерянных» к алкоголю как средству ухода от мыслей о прошлом и настоящем. Эти повторы пересекаются, переплетаются с повторами образов пивнушек, баров, кафе, ресторанов. Слова с одинаковыми се-мами образуют ряды и объединяются в семантическое поле, контактируя с другими семантическими полями, характеризую как героев, так и атмосферу вокруг них: Kneipe, Bar, Café, Lokal, Restaurant; Flasche, Glas; Wein, Kognak, Rum, Gin, Schnaps, Alkohol; trinken, saufen, betrunken sein, besoffen sein, voll sein, blau sein и т.п. В книге присутствуют вышеназванные повторы данных слов в их разных вариантах. Особенно чётко и ярко эта сторона жизни главных героев и их друзей передаётся через комбинированный повтор в ключевых эпизодах: «...und aus den Schwaden hob sich wie ein erleuchtetes, buntes Schiff Freddys Bar...Golden floss der Kognak, der Gin glänzte wie Aquamarin, und der Rum war das Leben selbst. Eisern saßen wir auf den Barstühlen, die Musik plätscherte, das Dasein war hell und stark; es floss mächtig durch unsere Brust, die Trostlosigkeit der öden, möblierten Zimmer, die uns erwarteten, die Verzweiflung der Existenz war vergessen, die Bartheke war die Kommandobrücke des Lebens, und wir fahren brausend in die Zukunft hinein» [Remarque : 26].

Любимая работа, дружба, любовь помогают главным героям и Пат вы-живать. Невозможно перечислить все воспроизведённые многоликие образы, а также ситуации, эпизоды и актуализирующие их повторяющиеся элементы языкового подуровня. Остановимся на главном. Профессиональная деятель-ность главных персонажей передаётся, в первую очередь, через образ их ав-торемонтной мастерской, трудовые будни «потерянных», их действия, вы-сказывания, переживания, мысли, решения, которые актуализируются с по-мощью языковых средств, повторяющихся на разных этапах развития сюже-та в разных комбинациях, как правило, в контексте с «приращением смысла». Интересны, среди других, повторы типа Werkstatt = Bude, Kunde = Braut =

Brieftaschenbesitzer, Karl = Straßengespenst = Klamotte, Wagen = Familienkutsche (контекстуальные синонимы), характеризующие речь, настрой персонажей, чувство юмора, без которого можно было умереть от тоски. Важны, как всегда, слова с одинаковыми семами: Arbeit, arbeiten, schufteten, Werkzeug, Wagen, Auto, Maschine, Cadillac, Ford, reparieren, Motor, Verdeck, abschleppen, Öl, Benzin, Geschäft, Kunde, verkaufen, abhandeln, которые также повторяются в различных вариантах и контекстах. Например: «Wir fahren zurück, ölteten die quietschende Motorhaube, klemmten etwas Gummi dazwischen, füllten heißes Wasser in den Kühler, damit der Motor gleich gut ansprang, und spritzten den Wagen unten noch einmal mit einem Petroleumzersträuber ab, damit er auch da glänzte. Dann hob Lenz die Hände zum Himmel. „Nun komm, gesegneter Kunde! Komm, lieblicher Brieftaschenbesitzer! Wir harren deiner wie der Bräutigam der Braut!» [Remarque : 62] – комбинированный повтор.

Дружба, любовь, их сила и бессилие (гибель Ленца, болезнь и смерть Пат) передаются, в первую очередь, как через слова с одинаковыми семами, образующими разные семантические поля, так и через большое количество образов-символов, «сопровождающих» главных героев, их друзей и Патрицию Хольман на протяжении всего романного действия: поля «любви», «дружбы», также «болезни и смерти» - Liebe, lieben, geliebt, verliebt, Liebling, zart, zärtlich, Zärtlichkeit, schön, wunderschön, Glück, glücklich, Lachen, lachen, Lächeln, lächeln, lustig, froh, fabelhaft; Freund, Freundschaft, Kameradschaft, Kamerad, helfen, unterstützen, их контекстуальные синонимы (например, alter Bursche – о Пат); krank, Krankheit; Krankenschwester, Fieber, fiebrig, husten, Sanatorium, Behandlung, Arzt, Liegestuhl, im Bett liegen, Blutsturz, weinen, Angst, müde, blass, bleich, sterben и т.п. Слова-антонимы повторяются как в минифрагментах текста (в предложении, ССЦ), так и в «большом» контексте (дистантно): Leben – Tod, leben – sterben, gesund – krank, Licht – Dunkel, Sonne – Mond, warm – kalt, lachen – weinen, froh – traurig и др. Повторяющиеся в разных местах текста в своём значении и как символы слова Dunkel, Nebel, Herbst, Regen, Mond, Friedhof характеризуют как состояние души «потерянных» и больной Пат, так и трагический финал дружбы и любви, крах положительной программы в романе. Здесь также особое место занимают ключевые сцены, где доминирует комбинированный повтор. Например : «Sie wird hundert Jahre alt“, sagte ich ärgerlich, weil sie weinte, als müsse Pat sterben. Pat würde nicht sterben. Der kühle Morgen, der Wind, das helle meergepeitschte Le-

ben in mir: Pat konnte nicht sterben. Sie konnte nur sterben, wenn ich den Mut verlor, da stand Köster, mein Kamerad; - da stand ich, Pats Kamerad – erst mussten wir sterben. Solange wir lebten, würden wir sie herausholen. So war es immer. Solange Köster lebte, konnte ich nicht sterben. Und solange wir beide lebten, konnte Pat nicht sterben» [Remarque : 212]. Этот ключевой эпизод связывает воедино лейтмотивы любви, дружбы, жизни и смерти, надежды и отчаяния. В нём даётся краткая, но удивительно яркая и точная характеристика жизненной позиции героев, их человеческих качеств, то есть того, что их объединяет.

Завершая исследование, хотелось бы ещё раз отметить, что повторы мотивов (точнее лейтмотивов), образов, ситуаций, эпизодов, обусловленные развитием и воплощением идеи романа, определяют и выбор повторов на языковом уровне произведения. В качестве основных повторяющихся элементов третьего структурного уровня используются лексические, синтаксические и комбинированные повторы. Наиболее значимым, на наш взгляд, является комбинированный повтор в ключевых эпизодах книги. Повторы в романе выполняют различные функции. Они организуют повествование, связывают текст в единое целое; формируют систему образов персонажей, а также образов пространственных и образов-символов; характеризуют героев, сближая и противопоставляя их точки зрения, «участвуют» в экспрессивно-эмотивной оценке поступков, решений, развития их отношений; выделяют главные моменты в ходе действия романа, выполняют функцию проспекции и т.д.

Список литературы

Гаврилов, В.С. О явлении синтаксического повтора как проблеме для исследования [Текст] / В.С.Гаврилов // Романское и германское языкознание: республиканский межвузовский сборник. – Минск: Высшая школа, 1984. – Вып. 14. – С. 49-52.

Ковальчук, И.Ю. Повтор: от традиционного к новому [Текст] / И.Ю. Ковальчук // Классическое лингвистическое образование в современном межкультурном пространстве – 2 (материалы международной научной конференции). - Москва-Пятигорск, ПГЛУ, 2006. – С.111-118.

Источники

Remarque, E.M. Drei Kameraden [Текст]: учебное пособие по нем. языку для развития навыков устной речи. С использованием оригинального текста

романа Эриха Марии Ремарка «Три товарища». / Е.М. Remarque. – М.: НВИ - Тезаурус, 2001. – 400 с.

С.А. Черницына

Литературный портрет в романе Ольги Форш «Одеты камнем»

Разные грани художественной одаренности могут многое объяснить в творчестве писателя, помочь лучше понять его личность и произведения. Многие русские писатели увлекались изобразительным искусством. В разной мере совершенства владели даром живописного или графического мастерства Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Л.Толстой, Л.Андреев. Из советских писателей наиболее тесно связана с живописью О.Д. Форш.

Прежде чем целиком посвятить себя литературно-творческому труду, Ольга Дмитриевна Форш долгое время занималась графикой и живописью. Уже детские впечатления пробудили у нее любовь к краскам, умение видеть живописную красоту природы. Огромное влияние на будущую писательницу оказало необыкновенное богатство и разнообразие окружающей ее в детстве природы. «Это раннее знакомство с кавказской природой, - пишет О.Форш, - навсегда поселило в сердце жадную любовь к солнцу, свету, ко всему разнообразию красок и оказалось чудесным источником позднейшего развития творческих сил и словесного их выражения». Первоначальное художественное образование Форш получила в рисовальной школе Н.И. Мурашко в Киеве. Сознательное отношение к искусству пришло к ней в девяностые годы XIX века, когда она стала заниматься с выдающимся педагогом Павлом Петровичем Чистяковым, учителем Репина, Сурикова и других русских живописцев. Рисовала Ольга Дмитриевна до последних дней своей жизни. Ее графическое и живописное наследие разнообразно.

Увлечение живописью, сохранившаяся до конца жизни страстная любовь к творчеству выдающихся отечественных и зарубежных художников-живописцев сказались в дальнейшем на своеобразии мастерства Ольги Дмитриевны Форш как писательницы и в значительной мере определили особенности стиля и языка ее произведений, в том числе исторических романов.

Сама О.Д. Форш отмечала: «...вероятно, оттого, что из всех искусств мне живопись ближе всего...мне и в литературной работе, как для рисунка, стало необходимым идти только “от общего к частному”».

Будучи по сути ровесницей В. Брюсова, А. Куприна, И. Бунина, Л. Андреева, М. Пришвина, Ольга Форш вошла в литературу сравнительно поздно, уже зрелым человеком, имеющим большой запас наблюдений и богатый жизненный опыт. В 1908 году в московском журнале «Русская мысль» появился небольшой рассказ «Был генерал». А вскоре на полках книжных магазинов читатели увидели повесть «Рыцарь из Нюрнберга». Автором этих произведений была О. Форш. Так начался большой и трудный, полный творческих исканий путь замечательного художника слова.

Весной 1922 года М. Шагинян в журнале «Россия» так писала о творческой манере Ольги Форш: «Дарование сочное, кряжистое, упругое ... превосходный русский словарь. Краски на палитре яркие, пестрые...уменье воплотить замысел, пользование натурой – все это выгодно отличает Форш в ряду современных наших беллетристов».

1923 год стал поворотным в литературной биографии писательницы. От рассказов, сказок, очерков О. Форш переходит к историческим романам. Она – незаурядный мастер портрета.

Благодаря первой профессии (живописи) Ольга Дмитриевна в своих исторических романах смогла создать галерею портретов выдающихся русских людей: Гоголя и Достоевского, Баженова и Воронихина, Радищева и Пестеля, Каракозова и Пугачева, Суворова и Потемкина и многих других больших и малых деятелей далекого и недавнего прошлого.

Раньше многих других А.М. Горький распознал в О.Д. Форш большого мастера исторического романа и в создании его увидел высшие художественные достижения писательницы. Он говорил: «Исторического романа, в полном смысле этого понятия, у нас еще не было, и вот он является как раз вовремя. Это – замечательно». И еще: «Для своих романов Ольга Дмитриевна смело берет наиболее глубокие темы и умеет отлично разрабатывать их... Сдержанный язык ее книг убедительно точен, фигуры людей, изображаемых ею, живы и пластичны. Это талант крупный и своеобразный».

Постепенно в произведениях писательницы созревало основное содержание ее творчества – многообразные попытки ответить на вопрос – как отражается в характере и судьбе человека его эпоха, что такое, в сущности, не

только человек, но и герой своего времени. Ольга Форш писала о прошлом, думая при этом о настоящем. Всегдашней темой ее было и оставалось движение, развитие, философское осмысление революционной идеи. У нее утвердился свой метод подхода к исторической теме. Основные общеизвестные события оставались только фоном. Внимание писателя привлекали в первую очередь люди, воплощавшие в своем духовном облике те или иные тенденции общественного бытия. Через них и постигался дух времени, его неопровержимые приметы.

Непосредственным толчком к созданию первого исторического повествования Ольги Форш «Одеты камнем» послужила брошюра, выпущенная издательством «Былое» вскоре после свержения старого строя; в ней говорилось о революционном народовольце Михаиле Бейдеммане, навечно заточенном по личному приказу Александра в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

«Весь 1923 год я была поглощена Петропавловской крепостью. Я была просто одержима крепостью, - вспоминает О.Д. Форш, - ездила к ней ежедневно, впивая в себя чувством и мыслью все, еще не остывшее, не рассеянное новым, свежим воздухом революции. Целые часы проводила я в камерах Трубецкого бастиона, в сводчатых коридорах и крохотном треугольном дворе Алексеевского рavelина. Мое воображение воскрешало предо мной ужасы, которые хранили эти могильные каменные стены, словно нравственным долгом стала для меня задача: воскресить и закрепить для будущего то, что русская история забыть не может и не должна».

Изображение героев и событий эпохи прежде всего со зрительной стороны, стремление к обобщению, выражение отчетливо осознанных идей через конкретные явления, предметы, детали – все это характерно не только для сюжета, композиции произведений, но и стиля, языка Ольги Форш. С помощью ярких и емких изобразительных средств языка и своеобразных художественных приемов писательница умеет наглядно представить своих героев, нарисовать внешность, характерные движения, жесты, мимику, окружающую их обстановку.

При описании как выдающихся современников, так и больших исторических деятелей прошлого у Форш мы не встретим обычных, «будничных» портретов.

Бедность духовной жизни отрицательных, ограниченных персонажей определяет и бедность, стандартность, невыразительность их внешности. Например, в одной из глав романа, которая называется «Сплошь блины», изображается реакционное светское общество, общество «без лиц». Герой-рассказчик Русанин уходит от своей тетушки Кушиной, ни с кем не прощаясь: «Кому мне было жать руку: блинам с усами, блином с буклями? Я пошел домой, чтобы застрелиться». Но Русанин не застрелился: «У себя дома, в зеркале, ведь я тоже вижу лишь блин», - скажет он себе. Писательница находит это нужное слово – блин, чтобы подчеркнуть однообразие, стандартность духовно опустошенных людей.

Даже внешне выразительных представителей данного круга Форш изображает так, что их красивые портретные черты становятся для нас отрицательными, отталкивающими. Граф Шувалов, только что назначенный шефом жандармов, в романе «Одеты камнем» выглядит так:

«Это был уже не мраморный красавец, а постаревший каменный истукан. То, что зовем мы душой, та, просвечивающая в чертах внутренняя жизнь человека, казалось, окончательно от него отлетела. Сейчас это был механизм».

Бездушие, отсутствие всяких признаков человечности в облике шефа жандармов, по воле которого многие передовые люди того времени годами, десятилетиями томились в одиночных казематах Алексеевского рavelина, подчеркивается с помощью семантики неподвижности в словах *мраморный, каменный, истукан, механизм*, и помещенное с ними в один контекст слово *красавец* сразу теряет свою положительную оценочность.

Портреты положительных героев, прогрессивных деятелей Форш рисует иными, светлыми красками, подчеркивая их одухотворенный и жизнеутверждающий характер, даже если в них нет внешней привлекательности.

Примером может служить портрет Каракозова – молодого революционера, бесстрашного, красивого, умного человека, который не пожалел своей жизни ради высокой цели. Пусть внешне он не так красив и вылощен, как Шувалов, но внутри – огонь, страсть, безудержное желание свободы. Повышенная эмоциональность, трагичная судьба сочетаются в его образе с революционным энтузиазмом и поэтическим вдохновением. Чувства его доведены до предела. Все это отразилось в портретных деталях и прежде всего в описании глаз – «зеркала души»: *«skonфуженные, прелестные, полные не-*

обычайной доброты» (глаза), «необычайно светящимися лаской глазами», «твердо, с большой силой» (смотрел), «сияя прелестными серо-голубыми глазами», «глаза невыносимо яркие, пылали», «в тяжелых взорах была нечеловеческая борьба», «безмерно утомленные глаза», «часто моргали покрасневшие веки», «в них(глазах) отразились неслыханные душевные муки», «глаза просияли невыразимо». В описаниях сконцентрировано большое количество слов с семантикой чрезмерности, превосходности: *необычайно, необычайной, невыносимо, нечеловеческая, невыносимо, безмерно, неслыханные, невыразимо*, которые создают образ необычной, яркой личности героя.

Нужно отметить, что именно глаза, взгляд являются наиболее значимым элементом портретизации у О.Д. Форш. Для их описания писательница широко использует возможности метафоризации. Можно выделить излюбленные образы метафоризации с семантикой: неподвижности (застывший, застыло, приковались, каменный, тяжелый, мертвый); света, горения (загорелись, светящиеся, блеск, просияли, осветилось, сжигаемые, огненные, пылали, горящий, сжигаемый, сияли, блестели, вспыхнула, потухал). Зачастую метафорический образ становится устойчивым, сопровождающим героя на протяжении всего повествования. Например, «горение», «огонь» глаз, взгляда у Каракозова. Вместе с другими изобразительно-выразительными средствами, такой образ через черты портрета передает доминирующие черты характера.

Таким образом, литературные портреты О. Форш представляют собой яркое явление по языковому оформлению и по силе воздействия на читателя. Живописная изобразительность в книгах Форш – одно из главных, сильнейших их качеств.

Список литературы

Лавров, В. Наука расставанья [Текст] / В. Лавров // Нева. – 1993. – №5/6.– С. 328-333.

Луговцов, Н. Ольга Форш [Текст] / Н. Луговцов. – Л., 1961.

Нестеров, М. Мастерство портрета. К 100-летию со дня рождения Ольги Форш [Текст] / М. Нестеров // Русская речь.– 1973. – №3. – С.30-35.

И.В. Щурова

Языковые и жанровые особенности книги М.Веллера «Перпендикуляр»

Весной 2008 г. в издательстве «АСТ» вышла книга Михаила Иосифовича Веллера «Перпендикуляр», посвященная русской и мировой литературе, классической и современной, а также ее восприятию читателями в разные времена.

«Перпендикуляр» – это необычная книга. Она представляет собой сборник лекций и публичных выступлений Михаила Веллера. Это лекции, прочитанные в университетах Турина в 1990 г., Милана в 2005 г., Иерусалима в 1996 г., Пекина в 2006 г., Дели в 2008 г., а также выступления на Франкфуртской книжной ярмарке в Германии в 2003 г., в Союзе писателей Китая в 2006 г., на встрече с генеральным секретарем НАТО в Штаб-квартире в Брюсселе в 2007 г.

Очевидно, что название тоже несколько необычно для книги с литературным, но не математическим содержанием. Что означает «Перпендикуляр»? Ответ можно найти на обратной стороне обложки: «Если тебе дадут линованную бумагу – пиши поперек». И действительно, написанное поперек не оставило равнодушными никого: ни противников Михаила Веллера, ни его восторженных поклонников. Видимо, потому, что и содержание книги, и ее форма не укладываются в привычные рамки разговоров о литературе и свойственной им формы.

Веллер пытается с неожиданной стороны подойти к творчеству многих русских и зарубежных писателей и поэтов, аргументируя свою позицию следующим образом: «Если вы хотите разбираться в литературе, вы должны представлять себе, что такое писатель, которого читаете вы и хотите понимать. Вы можете его осуждать или не осуждать, превозносить или наоборот ниспровергать, но знать все-таки желательно, потому что только это знание поможет вам понять, что там было в его писаниях на самом деле» (здесь и далее цит. по книге: Веллер, М. Перпендикуляр / М. Веллер. – М.: АСТ, 2008. – С.13).

К примеру, о Пушкине Веллер пишет: «И по сегодня до пушкиноведов в основном (разумеется, за исключениями), в основном не доходит, что гениальность Пушкина сказалась вовсе не в том, что он в «Евгении Онегине» такого написал! Такого наворотил! Каждое слово – такое искусство! Нет. Потому что и в «Руслане и Людмиле» больше искусства и мастерства, и у Жуковского было больше искусства и мастерства. Не в этом дело. А в том, что у Пушкина хватило наглости, хватило прозрения, хватило интуитивного чувст-

ва: надо так писать стихи, примерно таким же языком, как люди разговаривают, - очень простым, очень ясным, очень чистым, очень легким...» (С. 15).

Веллер пытается объяснить причины того, что гениев лишают, если можно так сказать, права быть живыми: «...в каждой литературе есть свой номер первый... Люди как будто договариваются, хотя на самом деле инстинктивно стремятся к этому: иметь одни и те же точки зрения... Создание кумиров в литературе - это один из моментов такого социального обобществления всех точек зрения, которые есть у человеческой группы, которая превращает тебя в социум» (С. 32).

Далее писатель переходит к анализу таких вопросов, как литература и власть, литература и масскульт (условно говоря, почему Конан Дойл популярнее Теккерея), литература и стиль, литература и бесстилье (у Веллера нон-стиль, она же «нулевая степень письма»), литература и критики. Отдельно – советская литература и современная российская...

На обычный вопрос: «Каких писателей следует читать в первую очередь, чтобы лучше знать русский язык?» Веллер отвечает списком, в котором есть имена Лермонтова, Чехова, Булгакова, Бабеля, Паустовского и братьев Стругацких, но нет Гоголя, Достоевского, Пастернака...

Сегодняшняя культура для писателя – продукт распада, спуск с тех вершин владения мыслью и формой, на которых европейская и русская художественная культура находилась в начале XX в. «Суровый кукиш цвета ночи» - так называет Веллер «Черный квадрат» Малевича, но это определение может относиться ко всем явлениям упадка, ко всякому жонглированию формой. А дальше ревизии подвергаются многие имена. Мировая литература. Модернизм. Зачем читать Джойса? Чтобы поставить галочку «читал»? Какие чувства может вызвать «Улисс», кроме усталости? Ни душевного подъема, ни тоски. И у Веллера таких примеров много.

И от саморазрушающейся литературы (культуры вообще) Веллер переходит к саморазрушению нашей цивилизации. Деградация культуры, подчеркивает он, есть показатель того, что вся западная цивилизация находится в стадии спада, в стадии развала. Яркий пример – утрата образа героя. Герои сейчас действуют только в голливудских боевиках и в коммерческой литературе. Но это – катастрофа! Люди всегда нуждались в героях, и если в них отпадает нужда, то это явные признаки распада (сам Веллер пятнадцать лет на-

зад создал по-настоящему жизнеутверждающее, зовущее к действию произведение – «Приключения майора Звягина»).

Во всех лекциях писателя просматривается идея синэргетики, которой он посвятил целый роман «Все о жизни». Это философская теория Веллера, с помощью которой он пытается объяснить все окружающее нас, согласно которой предназначение человечества – все большая структуризация, усложнение внешнего и внутреннего пространства (мира вне нас и мира внутри нас). Фактически это теория, дающая возможность Веллеру иметь цельное мировоззрение. Поэтому он и говорит, что знает все. Многих это возмущает. Хотя, возможно, человек и должен знать все в том смысле, что должен иметь определенное неповторимое отношение ко всему в окружающем мире: идеям, вещам, людям. Академические философы, конечно, отказывают Веллеру в праве называться философом. Ну а он отказывает академической философии в праве называться философией.

Существует мнение, что философы кладут в основу своих систем наиболее сильную свою способность: Шопенгауэр – волю, Бергсон – интуицию, Фрейд – либидо, Бердяев – свободолобие. Свою систему Веллер назвал «энергоэволюционизм». Иногда он говорит о «энерговитализме». В любом случае главное слово – энергия. И эта энергия просматривается, на наш взгляд, не только в плодovitости Веллера - писателя, который издал в последние годы большое количество произведений («Хочу быть дворником», «Приключения майора Звягина», «Легенды Невского проспекта», «Жестокый», «Все о жизни», «Ножик Сережи Довлатова», «Долина идолов», «Гонец из Пизы» - лишь неполный перечень).

Энергия просматривается в самом стиле Веллера, в его языке. Язык книги «Перпендикуляр» тоже перпендикулярен, поскольку не вписывается ни в какие стилистические каноны. Заявленный самим автором и поддержанный на композиционном уровне жанр книги – цикл лекций (книга состоит из 10 глав, соответствующих 10 выступлениям). Очевидно, что цель автора, сфера употребления, характер аудитории определяют выбор научного стиля, научно-учебного подстиля, поскольку Веллер читал лекции для студентов-филологов, аспирантов и преподавателей. Как известно, целями такого подстиля являются обучение, информирование и аргументация, активизация логического мышления слушателя. И эти цели достигаются с помощью языка, несколько облегченного по сравнению с собственно научным, но несомненно

несущего черты научного стиля. В частности, названный подстиль предполагает наличие терминологии. Однако терминов в книге практически нет. Например, рассуждая о стиле писателей, Веллер говорит: «...Вот у великого Льва Толстого фразы были грамматически неправильные, намеренно неправильные, и при этом абсолютно точные типа в «Войне и мире»: «Ильин скакал между двойным рядом деревьев». Как можно сказать «между двойным рядом»? И тем не менее абсолютно понятно, где скакал Ильин. Слева у него рядок деревьев, справа у него рядок деревьев – это двойной рядок: а он скачет посередине. Сказано очень коротко, просто и абсолютно точно...» (С. 203). В этом высказывании лишь слово *грамматически* принадлежит к области лингвистической терминологии. В критическом суждении о стиле Андрея Платонова также присутствуют только единичные терминологические обозначения: «Вот этого бесплатного изюма полкило из булочек наковырял Андрей Платонов – и сделал принципом своего письма, что называется «ни фразы в простоте». То есть: весь язык искажен относительно нормального языка. При этом – весь строй языка депрессивный, весь строй языка затрудненный для восприятия и понимания. Кому как, лично мне читать Андрея Платонова совершенно неприятно, то есть просто противно на *стилистическом уровне*. И никакой надобности в этом изломанном, извращенном языке найти я не могу. В моем представлении вершина стиля той примерно эпохи – Бабель. У которого «Конармия», как правило, написана очень простым языком, очень короткими фразами» (С. 203).

Особенностью лексики научно-учебного подстиля является ее книжный характер - **разговорные элементы** в ней весьма немногочисленны и встречаются главным образом в учебной литературе для младших школьников. В книге «Перпендикуляр» автор очень свободно оперирует разговорной лексикой и фразеологией: «Таким образом. Если мы возьмем, допустим, Пастернака. И, допустим, Есенина – этого деревенского пацана, бабника, пьяницу, скандалиста, - да где там высокая поэзия? Там и образование-то близко не ночевало, что я там, понимаешь, «мою легкую походку», «финский нож», - да вы с ума сошли! То получится. Что с точки зрения ценителей изощренной, конструктивистской, построенной в вымышленной, надуманной, литературной, навороченной поэзии Пастернака, - Есенин вообще не поэт. Тем не менее, никогда не давал Господь Пастернаку того света внутри головы и прочего туловища, чтобы он мог написать «Не жалею, не зову, не плачу» и т.д.

«как с белых яблонь дым». Слова все достаточно простые, составлены они достаточно традиционно: никаких грамматических нарушений, никаких стилистических изысков, поется само. Вот это и называется поэзией. Вот и сказал как-то Есенин, что «без скандальной славы так всю жизнь и проживешь Пастернаком»... Золотоголовый деревенский мальчик Сереженька отлично понимал в построении имиджа и раскручивании брэнда. Он природно был очень умный молодой человек от земли на самом деле. Это к тому, что внешне примитивная и традиционная поэзия Есенина в своих нескольких лучших образцах – это истинная поэзия» (С. 205).

Научный стиль предполагает использование усложненного синтаксиса: наличие большого числа сложноподчиненных конструкций, а также простых усложненных предложений. Однако даже с учетом устной формы, в которую изначально были облечены рассуждения Веллера и которая отличается от письменной длиной предложений (что обусловлено особенностями слухового восприятия), синтаксис книги «Перпендикуляр» не вписывается в рамки стиля: «Мы поговорили. Издатель настаивал на том, чтобы это издавалось как-нибудь круто, вот не как было изначально: «Дайте рецепт, доктор». Что значит доктор? Он майором был? Был. Вот пускай называется «Крутой майор» или «Приключения крутого майора». Ну страшное такое название. «Матросский летучий смертельный международный отряд убойного гнева», как издевался когда-то пролетарский писатель Лавренев» (С. 220).

В научно-учебном подстиле экспрессия факультативна, она может использоваться как средство воздействия на аудиторию, помогающее более эффективно восприятию и быстрому запоминанию. Но выразительные средства этой книги, на наш взгляд, выполняют не только и не столько эту методическую функцию, сколько эстетическую и гедонистическую. Нельзя лишь стремлением удержать внимание аудитории объяснить использование такого языка: «Вы когда-нибудь слышали, чтобы правительство какой бы то ни было страны для своих писателей организовывало дома творчества? Я лично несколько раз бывал в домах творчества при советской власти. Вот не как писатель, который приезжает на срок, допустим, я знаю, 24 дня, потому что я не был членом Союза писателей (Я стал им только в 88 году, когда кончалась советская власть), но я был там несколько раз на семинарах условно молодых. Вот эта чудесная природа, эти леса, или эти дюны и море, это четырехразовое писание, этот мертвый час, эта возможность, допустим, взять

лыжи и кататься на лыжах. Это спиртное, кстати, продавалось прямо в столовой в течение времени обеда, его можно было купить по низким магазинным ценам, и товарищи писатели просто в основном вечером пили и даже просто напивались...» (С. 194).

Типичными для произведений Веллера являются повторы различных типов, в частности, повтор «И» в соседних фрагментах текста: «И вот стала возникать советская литература о войне. И литература эта была о том, что: советские герои перед лицом многократно превосходящего их противника – который превосходил их и в количестве техники, и в качестве техники, и в количестве живой силы, превосходил во всем абсолютно, - кроме, конечно, героизма. Вот советские герои совершали подвиги. И в конце концов мы победили. Соотношение потерь и сил на самом деле было глубочайшим секретом... Оно и сейчас засекречено» (С.186).

Многочисленны также лексические повторы: «Партия, Коммунистическая Партия Советского Союза исходила из того, что есть люди социально и классово свои, и все что они делают – это правильно. Если они чего-то недопонимают – это не важно. У них инстинкт правильный. У них происхождение правильное. Они плоть от плоти правильные, а все остальное они наберут. А те, кто социально чуждые, - они-то могут сделать не то» (С.181).

Эмоциональное воздействие на слушателей или читателей оказывает неоднократно использованный писателем синтаксический параллелизм: «Но симоновские стихи «Жди меня...» знала вся страна. Это было то, что лежало на сердце у каждого. Эти стихи переписывали и посылали с тыла на фронт и с фронта в тыл. Эти строки писали на танках и на грузовиках. Это было великое стихотворение эпохи» (С.188). В ряде случаев он поддерживает ироническую интонацию, свойственную этому и многим другим произведениям Веллера: «Потом, в 60-е годы, возникла интереснейшая история, когда Никита Сергеевич Хрущев еще в 62-63 году, выступая на пленумах, раздавал «сестрам по серьгам»: отмечал успехи советской литературы и сетовал, что только несколько человек «неправильные». И он их учил. Он любил учить, он был настоящий коммунист. Он учил поэта Евгения Евтушенко, как надо писать стихи. Он учил Илью Эренбурга, как надо писать мемуары, а также он учил Василя Быкова, как надо писать прозу о войне...» (С.189).

По нашему мнению, лексические, синтаксические и экспрессивные особенности этого произведения не могут быть безусловно отнесены к научному стилю, научно-учебному подстилю.

Мы обратились к отзывам о книге лингвистов, литературоведов и критиков в поисках ответа на вопрос о том, как они воспринимают язык книги «Перпендикуляр». В частности, Борис Тух пишет: «Новая книга Михаила Веллера «Перпендикуляр» - опять не беллетристика. Это сборник лекций, прочитанных им в разное время в разных странах. Научпоп, грубо говоря». И действительно, стремление автора к популяризации несомненно.

Не вполне одобрительно о стиле произведения отзывается **Сергей Анисимов**: «Публикуя лекции, их все-таки стоило бы отредактировать. От привычки как можно чаще употреблять частицу «вот» - что для бойкой прямой речи Веллера очень характерно – рябит». С. Анисимов имеет в виду фразы типа: «Давным-давно нет Древней Греции, а еще додревняя, вот та самая ахейская – это вот вам Гомер, вот вам «Илиада» и вот вам «Одиссея», до сих пор ее читают, правда мало кто читает, но в пересказах большинство интеллигентных людей имеют какое-то представление. Вот чем занимается писатель, и вот почему литература...» (С.165). Близкая точка зрения на специфику стиля Веллера и у Хельги: «"Перпендикуляр", по сути, не книга, а транскрипция лекций Веллера, прочитанных им в разных местах в разное время. Конечно, транскрипция транскрипции рознь: в конце концов, знаменитый Ильин, по легенде, читает лекции по своему учебнику математического анализа с точностью до знаков препинания. Но лекции Веллера являют собой как раз обратный пример: местами неуклюжую попытку записать живую речь... Бесконечные "потому – что", именно с тире, призванном обозначить долгую паузу, частые скобочные вставки на полстраницы, прерывающие ход мысли, местами чересчур разговорный язык – всё это так и просит, чтобы его пригладили, причесали, отредактировали и в таком облагороженном виде уже издали...» Абсолютно категорично высказывает свою позицию Р. Рабинович: «Что же до литературного, писательского стиля, то его в писаниях нашего героя и не ночевало. У него, правда, есть манера, которую он выдерживает стойко и упорно, - манера писать как можно неправильнее, «как можно ближе к устной речи» (как настаивает он в предварительных замечаниях к последней книжке), но о каком бы то ни было литературном стиле смешно и поминать».

Противоположный взгляд на проблему, судя по всему, имеет Ольга Мозговая: «И особый кайф испытываешь не только от того, про что написано/сказано, но и как это сказано/написано, поскольку неповторимая велле-

ровская интонация воспроизведена/соблюдена здесь, в книге, до точки, до запятой, до двоеточия – если вы понимаете, о чем я говорю, если читали и слышали его, Михаила Веллера». Очевидно, не требует снисходительности к сборнику лекций и автор аннотации: «Новая книга Михаила Веллера удивительно легким и ироничным разговорным языком увлекательно повествует о неожиданных вещах». Таким образом, мнения о языке книги расходятся: от научных лекций до научно-популярного изложения и даже разговорного стиля. Сам же Веллер оговаривает ее специфическую форму таким образом: «Это десять лекций по литературе, прочитанных мною в разное время. Но лекции эти не обычные, я рассказывал о том, что обычно не говорят. Она (книга) написана нормальным языком». Лекции сначала записывались на диктофон, а потом расшифровывались. Когда лекции были написаны, то пришлось их дорабатывать – расставлять знаки препинания так, чтобы передать все эмоции, чтобы речь письменная выглядела как устная».

На наш взгляд, в книге использован не научный, не разговорный и не художественный стиль (хотя элементы художественности присутствуют в виде акцентированной стилизации устной речи, причем устной речи самого Веллера). Перед нами симбиозный жанр, продукт нового времени, форма устной публичной речи, воспроизведенной в письменном виде.

Современные книгоиздатели в большинстве своем требуют от авторов, чтобы их произведения были «читабельными». К примеру, главный редактор издательства «Российская политическая энциклопедия» Андрей Сорокин в передаче Галины Бехтиной «От первого лица» («Радио России») говорил о том, что они стараются издавать произведения «с научным аппаратом», но не перегруженные терминологией, иными словами, фактографичные (в силу их документальной природы), но без гелертерского (псевдонаучного) изложения. Возможно, причина этого – не только чисто коммерческая. И дело не только в том, что усредненное большинство требует кича. Вероятно, причины необходимо искать глубже. Современный человек потребляет такое количество информации, что необходимость «расшифровки» немотивированно усложненных в языковом отношении текстов вызывает отторжение. Поэтому процесс смешения стилей идет и в направлении формирования новых жанров, можно сказать, облегченного восприятия. И книга «Перпендикуляр» - тому подтверждение.

Методика преподавания иностранных языков и аспекты межкультурной коммуникации

О.В. Горбушина

Использование газетного текста при изучении языка и культуры англоговорящих стран

Обучение иностранному языку всегда было и остается составной частью процесса формирования специалиста с высшим образованием. На современном этапе обучения иностранному языку возникает необходимость изучения не только собственно языка, но и культуры. В условиях расширения контактов и интеграции в мировое сообщество фоновые знания и представления о политических, экономических, социальных тенденциях приобретают особое значение. Каждый социум обладает специфической, характерной только для него картиной мира, которая отвечает физическим, духовным, технологическим, эстетическим, этическим и другим потребностям в мире. Язык является одним из средств формирования/социализации картины мира. Изучение истории, традиций, культуры страны изучаемого языка становится важным элементом обучения.

Современная трактовка практическим овладением иностранными языками связана, прежде всего, с умением осуществлять речевое общение в реальных ситуациях в соответствии с нормами поведения и речевого этикета, принятыми в данном сообществе. Успешность речевого общения во многом зависит от способностей общающихся воздействовать друг на друга адекватно задачам общения и в соответствии с этим употреблять речевые высказывания. Использование современных газетных статей в качестве дополнительного учебного материала может удачно решить сразу несколько учебных задач. Во-первых, газетные материалы помогут осветить современные тенденции в британском/американском обществе, понять вопросы, волнующие представителей данных культур, существующие стереотипы и новые веяния. Во-вторых, как правило, статьи содержат дискуссионные вопросы, которые помогут организовать обсуждение и мотивировать формулирование и выражение собственного мнения у изучающих язык. Поскольку авторы статей зачастую полемизируют с предыдущими публикациями по данной теме или

освещают новые процессы, происходящие в обществе, появляется возможность обратить внимание изучающих на фигуры речи и способы аргументации различных точек зрения. В-третьих, газетные публикации содержат не только большое количество лексических единиц по заданной тематике, но и определенные клише, устойчивые лексические сочетания, точно выражающие достаточно сложные концепции. Они также содержат большое количество фразеологических и идиоматических выражений. Изучение клише и устойчивых лексических сочетаний, оборотов речи имеет особое значение, так как зачастую изучающие имеют тенденцию формулировать и выражать свои мысли на иностранном языке, откровенно калькируя обороты и выражения, типичные для родного языка, в особенности при обсуждении проблем, требующих построения сложных высказываний. Таким образом, газетные материалы можно использовать как для знакомства с культурой, стереотипами поведения, процессами, происходящими в обществе, так и в качестве материалов для работы над развитием коммуникативных навыков и формирования языковой компетенции. При этом лексический материал прорабатывается и осваивается на фоне изучения особенностей менталитета/жизни конкретного социума, что не может не отразиться на интересе изучающих. Возможность обсуждать современные проблемы общества, пути их решения, сравнивать тенденции развития других социумов с аналогичными тенденциями в своем социуме не может не послужить мощным стимулом к изучению и совершенствованию иностранных языков.

С методической точки зрения, рассматриваемые материалы предполагают целый ряд заданий, способствующих развитию устной речевой компетенции. Это такие задания, как краткий пересказ, формулирование основной идеи статьи и различных точек зрения, предложенных в статье. В качестве одного из заданий можно предложить ролевую игру (пресс-конференция), а именно группа разделяется на две подгруппы А и В. Группа А получает задание составить список вопросов к группе специалистов/официальных лиц; группа В получает задание подготовить краткие выступления по проблемным вопросам, содержащимся в исходной статье. Подготовка может занять от 7 до 15 минут. Далее следует пресс-конференция, в ходе которой обучаемые из подгруппы В кратко излагают основные проблемы/точки зрения, а обучаемые из подгруппы А задают вопросы. При этом язык реально становится не объек-

том изучения, а средством общения. Процесс коммуникации, позволяющий активно применять полученные знания, выходит на первый план.

В качестве последующего задания можно предложить обучаемым высказать собственное мнение по проблемам/вопросам, содержащимся в исходном материале. Для расширения спектра обсуждения можно предложить сравнить и соотнести факты, мнения, ситуации, рассматриваемые в зарубежной прессе, с материалами прессы на родном языке (обучаемым дается задание найти материалы по соответствующей тематике в периодической прессе на родном языке и подготовить краткие сообщения по ним). В дальнейшем можно опять разделить группу на две подгруппы и попросить сформулировать сходства (группа А) и различия (группа В).

Если исходный материал предлагает полярные точки зрения, появляется возможность организовать дебаты, предложить подгруппам, придерживающимся различных точек зрения, аргументировать и защитить свою позицию. Все рассматриваемые типы заданий позволяют развивать коммуникативные умения, наращивая при этом лексический запас и расширяя представления о социуме и культуре изучаемого языка.

Таким образом, газета является частью культуры англоговорящих стран, и с её помощью учащиеся не только совершенствуют язык, но и приходят к пониманию особенностей жизни англоговорящих стран. Но для эффективного использования газетного текста в обучении необходим правильный подход к подаче материала, т.к. газетные статьи обладают определённой спецификой и существуют трудности в понимании газетного текста. Поэтому необходим подготовительный этап для разъяснения всех этих особенностей, и только после этого возможна эффективная работа с газетным текстом.

Список литературы

Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык [Текст]: учебник для вузов / И.В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002.- 384 с.

Комисаров, В.Н. Лингвистика перевода [Текст] / В.Н. Комисаров. - М.: 2000. - 245 с.

Кухаренко, В.А. Интерпретация текста [Текст] / В.А. Кухаренко. – Л.: Просвещение, 1979. – 328 с.

Левицкая, Т.Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский [Текст] / Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. – 262 с.

И.Э. Захарова

Место рефлексии в современной деятельности преподавателя и студента в контексте обучения иностранному языку

Истоки развития и саморазвития личности в процессе обучения базируются на содержательно-оценочной основе, а оценочные умения студенты приобретают в коллективной учебно-познавательной деятельности. Саморазвитие личности определяется характером педагогического общения как педагога и студентов, так и студентов между собой.

Рефлексия преподавателя играет в процессе обучения ключевую роль, поскольку именно на ней основана и возможность выстроить само занятие на принципе рефлексии. Операционную структуру рефлексивной деятельности преподавателя предложила Неура Режина Хенке, обобщившая позиции таких авторов, как Дьюи и Шон [Henke]. Она выделила 8 компонентов структуры, сформулировав их как обращения к педагогу:

1. Учи («Teach»).
2. «Думай вспять» («Think back»).
3. Описывай («Describe»).
4. Исследуй причины («Investigate reasons»).
5. Переосмысли то, что произошло, в свете теоретических моделей («Reframe events in the light of several theoretical framework»).
6. Разработай ряд интерпретаций («Generate multiply understandings»).
7. Реши, что делать дальше («Decide what to do next»).
8. Начни все снова («Start it all over again»).

Однако рефлексия преподавателя еще не вся рефлексивная модель обучения, поскольку последняя необходимо включает еще и рефлексивный тип взаимодействия педагога и обучающегося, когда рефлексия происходит не только в голове преподавателя, но также и в голове обучающегося. Организовать этот совместный рефлексивный процесс – сложная методическая и творческая задача преподавателя.

Кардинально меняется роль контроля и оценки знаний обучаемого. В системе традиционного образования право оценивать эффективность обучения имеет только преподаватель. В данном случае характерен отказ от репрессивной, деструктивной роли контроля и оценки знаний студента; усилия преподавателя направлены на формирование у студента адекватного самосознания и самооценки, на создание внутренней свободы, психологической устойчивости и инициативы.

Организовать учебно-познавательную деятельность без оценки невозможно, так как оценка является одним из компонентов деятельности, ее регулятором, показателем результативности.

Но сохранение прежней системы оценки знаний, в рамках которой практически отсутствует учет мнения самих обучаемых, создает препятствие к саморазвитию личности обучаемого.

Г.Ю. Ксензова в своих исследованиях, посвященных оценочной деятельности [Ксензова], отвечая на вопрос: «Как педагогически грамотно и объективно обеспечить процесс оценивания?», выделяет два взаимосвязанных параметра: оценочную деятельность учителя и учащихся. Она считает, что нормой в работе педагога при оценке обучающихся в процессе повседневной деятельности должно стать умелое применение индивидуальных эталонов, а в контролирующих процедурах – использование стандартных тестов. Г.Ю. Ксензова подчеркивает, что базовым умением в осуществлении оценочной функции обучающегося должна стать сформированная готовность к самооценке полученного результата, так как учение – это самоуправляемая деятельность.

Учебный процесс должен быть построен таким образом, чтобы преподаватель имел возможность систематически контролировать и оценивать деятельность студентов. Большое значение имеет такая стадия педагогического взаимодействия, как обратная связь. Все, что студент узнает о себе в процессе общения и взаимодействия, опосредуется рефлексией, т.е. внутренним диалогом, в котором он оценивает, принимает или отвергает те или иные ценности. Для того, чтобы развить социально активную личность, необходимо привить ей рефлексия, поскольку только человек с развитой рефлексией способен ставить перед собой общественно значимые цели и находить собственные пути их достижения. Развитию рефлексии способствуют навыки критического мышления и использование знаний в повседневной жизни, умения изучать себя как личность с помощью самонаблюдения и различных психологических методик,

адекватно оценивать свои способности к различным видам деятельности, определять сферу жизнедеятельности для себя, исходя из собственных целей, возможностей и особенностей окружающей действительности.

В современном образовании преподаватель теряет монополию на информацию и доминантную позицию в учебном процессе, но приобретает новые, не менее важные роли, а именно: роль организатора, консультанта, координатора самостоятельной учебно-познавательной, коммуникативной, творческой деятельности учащихся. Для того, чтобы студенты смогли овладеть языковыми умениями, учителю следует:

—показывать студентам как можно больше способов решения задач, чтобы, организуя рефлексию учебной деятельности, помочь студентам сформировать собственный стиль обучения;

—поддерживать у учащихся желание учиться и чувство успеха, движения к намеченной цели;

—создавать в ходе учебного процесса ситуации, которые бы ставили студентов перед необходимостью самостоятельно мыслить и принимать решения, касающиеся содержания и формы высказывания, для достижения определенной коммуникативной цели;

—создавать в ходе учебного процесса ситуации, которые бы ставили студентов перед необходимостью работать в парах и группах и брать на себя ответственность за результат выполнения группового задания.

В современном образовании студенты становятся полноправными субъектами учебного процесса, который строится на принципах подлинного сотрудничества преподавателя и студента, что позволяет по-новому взглянуть на оптимизацию учебного процесса и переосмыслить существующие формы и методы преподавания иностранных языков.

Важно признать за студентами право:

—знать, с какой целью, зачем организует учитель ту или иную учебно-познавательную деятельность;

—принимать активное участие в определении ее форм и своего места в коллективном процессе приобретения знаний, умений и навыков;

—по-своему организовывать свою самостоятельную учебную деятельность;

—выбирать собственные (иногда не самые короткие) пути достижения намеченной цели, определять свой стиль учения;

—учиться в собственном режиме или влиять на выбор режима обучения;

- иметь собственные интересы, потребности, приоритеты, которые учитель должен принимать и учитывать;
- иметь вопросы и задавать их;
- контролировать и самостоятельно отслеживать собственный процесс учения, делать ошибки и корректировать их;
- нести ответственность за результаты своего учения и самостоятельно принятые решения.

Таким образом, коммуникативная направленность обучения иностранному языку, осуществляемого на рефлексивной основе, предполагает успешность в овладении не только учебными, но и общепредметными умениями, к которым относят планирование и организацию деятельности, восприятие информации и осмысление результатов своих действий.

Список литературы

Ксензова, Г. Ю. Оценочная деятельность учителя [Текст] / Г.Ю. Ксензова. – М., 2000. - С.6.

Henke, N.R. Reflective teachin [Text]/ N.R. Henke. - <http://www.disal.com>

Е.А. Кожокина

Лингвострановедческий подход как одна из стратегий отбора языкового материала при обучении студентов неязыковых специальностей

Новые концепции высшего образования провозглашают в качестве ведущих гуманистические идеалы, общечеловеческие ценности, создают благоприятную среду для реализации социального заказа по отношению к обучению иностранного языка для организационной и содержательной перестройки процесса обучения.

Одной из концепций овладения иностранным языком сегодня является введение культуры в категориально-понятийный аппарат методики обучения иностранным языкам (В.П. Фурманова). Основоположники страноведения Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров отмечают введение страноведческих сведений через семантику фразеологии и языковой афористики, обращения к художественной литературе как к зеркалу действительности и т.д.

При обучении студентов неязыковых специальностей мы применяем лингвострановедческий подход как одну из стратегий отбора предметно-содержательной базы преподавания. При организации обучения мы учитываем следующие принципы: дифференцированный подход к обучению, лингвострановедческий, или лингвокультуроведческий, аспект и коммуникативную направленность.

При реализации принципа дифференцированного подхода к обучению сегодня имеется в виду не столько возраст и способности обучаемых, сколько неоднородность языкового материала, видов речевой деятельности, навыков и умений. Одним из ведущих принципов организации обучения в настоящее время является лингвострановедческий аспект, предполагающий извлечение информативных, развивающих возможностей из тесной связи языка с национальной культурой, повседневными особенностями носителей языка, социальными условиями их жизни.

Во-первых, выделяются кафедры с гуманитарным, естественно-математическим и техническим направлениями и спецкурсы. Во-вторых, разрабатываются интегрированные курсы, такие как «Английский язык в юридических дисциплинах», «Английский язык в исторических дисциплинах». В таких курсах английский язык выступает не только как средство, но и как равноправная цель обучения. Комплексный подход к организации интегрированных курсов позволяет выявить и сформировать круг понятий и умений, общих для разных учебных предметов. Продемонстрировать это положение можно на тематике текстов, изучаемых в курсе «Английский язык в юридических дисциплинах»: «Закон и семья в Великобритании», «Конституционные права граждан в Великобритании, Японии и других странах», «Права молодежи в англоязычных странах», «Реформа в Палате лордов», «Импичмент в США» и другие.

В нашей практике отбора информативного материала мы следуем принципу, чтобы студенты извлекали различную и по качественным, и по количественным характеристикам информацию с коммуникативной направленностью. Коммуникативная цель разнопрофильных курсов с различной направленностью предполагает развитие умений обучаемых в каждом из видов речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении, переводе. Соотношение представленности разных видов речевой деятельности в разных курсах может варьироваться в зависимости от стратегической цели курса. В-третьих,

все большее значение приобретают факультативные курсы обучения, так как сегодня основой являются учебники по специальности. Особое внимание уделяется вопросам методического и дидактического обеспечения учебного процесса.

Другим путем обеспечения содержательной стороны учебного процесса является накопление материала из различных областей жизни современных стран изучаемого языка: маршруты экскурсий, газеты, журналы, образцы драматического искусства, реклама, телепередачи. Данные средства обучения, называемые прагматическим материалом, призваны приблизить обучаемых к естественной культурологической среде. Они дают возможность создать ситуацию общения, близкую к естественной, и этим стимулировать почти подлинную коммуникацию.

Эффективность использования этого материала зависит от продуманности и рациональной подготовки учебной базы, на основе которой возможно конструирование учебных текстов, ситуаций общения, тренировочных и творческих заданий для работы с определенными группами с учетом возрастных особенностей, уровня их обучения и т.д. Каждый элемент страноведческого содержания должен логически вписываться в общую структуру занятия, служить достижению цели обучения, развития и воспитания обучаемых. Программные требования включают в себя: чтение, понимание и комментирование материала по общественно-политической тематике.

При работе со студентами неязыковых специальностей мы предлагаем серию статей, посвященных обучению молодежи в Великобритании и США. Подобные задания требуют умений размышлять, оперировать ранее изученными знаниями по ряду наук и предлагают ситуативно-моделирующий уровень владения иностранным языком, обеспечивающим осуществление совокупности речевых действий с определенной логико-семантической схемой построения общей дискуссии. К примеру, при изучении темы «Высшее образование в Америке» мы проводим итоговую дискуссию «Общие черты и различия в высшем образовании Америки и России». Ситуации общения, моделируемые на данном занятии, позволяют приобщить речевую деятельность к реальной коммуникации.

Итак, при отборе языкового материала преподавания иностранного языка необходимо учитывать лингвострановедческий подход. Обучение иностранному языку предполагает и обучение иноязычной культуре, поэтому

языковой материал должен служить демонстрацией другой культуры, иного образа жизни и сочетать лингвистические и методические параметры с культурологическими.

Е.В. Львова

Как начать переводить научно-технический текст?

С самого начала еще раз вспомним, что такое научно-технический текст. Это четкая информация, предназначенная для использования в строго определенной области и имеющая обозначенный смысл. Основной стилистической чертой научно-технического текста является точное и четкое изложение материала при почти полном отсутствии тех выразительных элементов литературно-художественного текста, которые придают речи эмоциональную насыщенность; главный упор делается на логическую, а не на эмоционально-чувственную сторону излагаемого.

В данной статье хотелось бы начать с азов обучения переводу научно-технического текста с иностранного языка на русский, выстроив *алгоритм* работы студента над переводом текста этого вида. Постараемся разобрать типичные ошибки начинающего переводчика и показать правильную последовательность перевода научно-технического текста.

Обычно студент, если у него нет достаточной языковой подготовки, стремится переводить отдельные слова в том порядке, в котором они встречаются в тексте. Знакомые слова он переводит теми значениями, которые ему известны (чаще всего, это только одно значение), а незнакомые находит в словаре, причем берет обычно первое (или одно из первых) словарное значение. При переводе как знакомых, так и незнакомых слов не всегда учитывается их принадлежность к определенной части речи (обычно находят значение слова как существительного, не дойдя до значения в роли сказуемого) и, как правило, совсем не учитывается связь переводимого слова с другими словами в предложении. Затем переведенные слова связываются «по смыслу» в зависимости от тех или иных ассоциаций, которые они вызывают у студента в соответствии с имеющимися у него сведениями по данному предмету.

В тех случаях, когда студент имеет дело с очень простым по структуре и лексике предложением, такой метод иногда может дать возможность правильно передать смысловое содержание предложения. Однако для научно-технической литературы типичны предложения, сложные по структуре и лексике и, как правило, большие по объему. Перевод таких предложений «по словам» почти всегда приводит к искажению смысла, сам процесс протекает крайне медленно, с постоянным обращением к словарю, и при этом у студента нет уверенности в том, что перевод сделан правильно.

Перевод, который удовлетворил бы специалиста, должен правильно передавать смысл иноязычного текста, соответствовать нормам русского языка и стилю научно-технической литературы. Попробуем выстроить последовательность перевода отдельного предложения из текста научно-технической тематики:

1) необходимо прочитать весь текст до конца и постараться понять общее содержание, обратив особое внимание на заголовок, но не переводя его сразу;

2) прочитаем первое предложение и определим, простое оно или сложное. Если предложение сложное, надо разбить его на отдельные предложения: главное, придаточные предложения, самостоятельные предложения;

3) найдем в предложении сначала группу сказуемого, а уже по ней определим группу подлежащего и группу дополнительных членов предложения;

4) опираясь на знакомые слова, приступаем к переводу в таком порядке: группа подлежащего, группа сказуемого и затем дополнительные члены предложения;

5) незнакомые слова необходимо искать в словаре, определив сначала, какой частью речи они являются в предложении. Незнакомые слова с их русским значением выписываются в тетрадь;

6) при переводе незнакомых слов следует применять догадку, но проверять ее по словарю. Особенно это касается так называемых «ложных друзей переводчика», когда, например, интернациональное слово «control» с первого взгляда хочется перевести как «контроль», но второе его значение «управление», а прилагательное «principal» следует переводить как «главный, основной», а не «принципиальный»;

7) следующий этап – это перевод предложения начерно, то есть дословно;

8) на основе чернового перевода предложения найдем литературный вариант перевода путем перестановки и замены слов.

Чтобы правильно переводить текст научно-технического содержания, студент должен овладеть определенными знаниями в области грамматики, приобрести соответствующий запас слов и усвоить определенные приемы работы с иностранным текстом. Условно их можно назвать грамматическими и лексическими навыками перевода. Начнем с грамматических навыков и, пользуясь нашим алгоритмом перевода, попытаемся перевести следующее предложение:

In older times the energy of falling water was utilized by means of water wheels.

Итак, для начала находим группу сказуемого, которое при обратном порядке слов в предложении занимает третье место после подлежащего – *was utilized*. По показателям вспомогательного глагола *to be* (у нас *was*) определяем, что сказуемое стоит в третьем лице единственного числа простого прошедшего времени в страдательном залоге (Past Indefinite Passive), что требует перевода сказуемого как «использовалась».

Группу подлежащего «*the energy*» находим по его положению слева от сказуемого при обратном порядке слов в предложении и, конечно, по артиклю *the*. Группа слов в начале предложения «*In older times*» не может быть подлежащим, так как она возглавляется предлогом, а подлежащее стоит только в именительном падеже. Далее переходим к переводу определения подлежащего – группа слов «*of falling water*» и затем последняя группа «*by means of water wheels*», что дает нам следующее значение английского предложения:

В старые времена энергия падающей воды использовалась при помощи водяных колес.

Вторым пунктом у нас заявлены лексические навыки перевода. Другими словами, необходимо усвоить навыки работы со словарем. Для того, чтобы правильно понимать и переводить научно-технический текст, следует предварительно усвоить значительное количество слов, которые наиболее часто встречаются в научно-технической литературе, однако простого знания

даже большого количества слов часто оказывается недостаточно. Многие слова имеют несколько различных значений, поэтому возникает вопрос, какое же значение выбрать в каждом конкретном случае. Чем руководствоваться при выборе значения многозначного слова? Механическая подстановка значений слова (по памяти или по словарю) часто ведет к грубому искажению смысла переводимого текста. Чтобы избежать подобных ошибок, надо овладеть определенными навыками работы со словами и словарем. Эти навыки приобретаются и развиваются постепенно, в течение сравнительно долгого периода.

Рассмотрим пример, показывающий, какие лексические задачи приходится решать при переводе предложения, как следует при этом выбирать необходимое значение слова и в какой последовательности переводить слова, синтаксически связанные между собой.

It was very difficult in the early days of atom smashing to deliver a direct hit on the nucleus.

Перевод первой части предложения до предлога никаких трудностей с точки зрения выбора значения слов не представляет, поэтому получаем:

It was very difficult

Было очень трудно

В группе слов *in the early days* студенту придется размышлять над словом *early*. Первым порывом неопытного переводчика будет попытка перевести эту группу как *в ранние дни*, но это если не учитывать слово *дни*. Очевидно, лучше подобрать такой перевод, как *в первые дни*.

Переходим к переводу правого определения слова *days – of atom smashing*, получаем:

Of atom smashing

расщепления атома

Но нельзя сказать – *дни расщепления*, поэтому вносим поправку в перевод существительного *days*. Пожалуй, было бы лучше сказать:

*in the early days of atom
smashing*

*на первом этапе работы по
расщеплению атома*

Далее мы должны перевести глагол *to deliver*. Помня о том, что перевод глагола зависит от лексического значения слов, с ним связанных, мы сначала переводим группу прямого дополнения *a direct hit* после глагола:

a direct hit

прямой удар

Теперь возвращаемся к глаголу и пытаемся сочетать слова *прямой удар* с теми значениями, которые имеет глагол *to deliver*: 1. *освободить, избавлять*; 2. *доставлять, разносить*; 3. *передавать*; 4. *сдавать*; 5. *наносить*. Сразу заметно, что подходит только пятый вариант – *наносить (удар)*. Мы дословно, то есть начерно, перевели наше предложение:

На первом этапе работ по расщеплению атома было очень трудно нанести прямой удар по ядру.

Но специалиста удовлетворил бы такой чистовой вариант перевода:

На первом этапе работ по расщеплению атома очень трудно было получить прямое попадание в ядро.

Итак, проанализировав наши действия по переводу предложений научно-технического содержания, мы можем подвести итог: коммуникативная равноценность нового текста (перевода) по отношению к оригиналу обеспечивается выполнением трех основных требований: 1) текст перевода должен передавать содержание оригинала в возможно полном объеме; 2) текст перевода должен соответствовать нормам языка перевода, не допуская произвольного опущения или добавления информации или искажения ее; 3) текст перевода должен быть сопоставим с оригиналом по объему и по затратам времени на извлечение информации из текста. Другими словами, при переводе текста с иностранного на родной язык соблюдать следует герменевтический (разъясняющий, истолковывающий) и трансформационный принципы перевода, не дополняя, не пропуская и не искажая текста оригинала.

Список литературы

Клименко, А.В. Ремесло перевода [Текст]: практический курс / А.В. Клименко. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 636, [4] с.

Краснянская, З.Я. Правда в переводе: Этюды о работе переводчика с английского [Текст] / З.Я. Краснянская. – М.: Изд-во деловой и учебной лит., 2007. – 200 с.

Пиввуева, Ю.В. Пособие по теории перевода (на английском материале) [Текст] / Ю.В. Пиввуева, Е.В. Двойнина. – М.: Филоматис, 2004. – 304 с.

Сдобников, В.В. Теория перевода [Текст]: учебник для студ. лингв. вузов и фак-в ин. яз. / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.

Т.Л. Маханова

О некоторых особенностях письменного перевода

Перевод – эвристический процесс, и описание процесса перевода при помощи конкретных теоретических моделей и набора лингвистических трансформаций является достаточно условным и не ставит перед собой задачу охарактеризовать реальные шаги, предпринимаемые переводчиком для решения конкретных переводческих задач. Такое описание способно лишь указать на наиболее характерные особенности перевода, на вид отношения между текстами оригинала и перевода и представить эти отношения как результат конкретных лингвистических преобразований.

Целью любого перевода является извлечение информации, а результатом – предельно точная передача этой информации на языке перевода с учетом как чисто лингвистических, так и экстралингвистических особенностей текста.

Процесс перевода представляет собой процесс поиска переводчиком смысла текста и оптимальных способов передачи этого смысла. А ключевой фигурой здесь является личность переводчика, которому необходимо решить ряд задач.

Процесс перевода с иностранного языка на русский весьма многообразен. В связи с этим существуют различные виды перевода. И каждый такой вид имеет свою специфику и характеристику. Данные характеристики являются основополагающими при делении перевода на разные виды. Классификация переводов предполагает, по мнению многих специалистов, следующее деление:

- 1) письменный перевод;
- 2) синхронный перевод;
- 3) перевод с листа;
- 4) последовательный перевод;
- 5) абзацно-фразовый перевод;

б) двусторонний перевод.

Итак, предметом данной статьи являются некоторые особенности письменного перевода. К сожалению, мы не часто прибегаем в аудитории к переводу такого вида. Это объясняется тем, что учебное расписание предполагает одно или два занятия по иностранному языку в неделю, и мы не можем, в силу этих обстоятельств, уделять внимание письменному переводу на каждом занятии. Но кафедра иностранных языков технических специальностей ежегодно проводит конкурсы на лучший письменный перевод текста с иностранного языка на русский, и итоговый экзамен тоже требует такого рода деятельности. Многолетний опыт показывает недостаточно высокий уровень письменных переводов.

В последнее время наши студенты все чаще и чаще стали прибегать к машинному переводу (выполненному благодаря компьютеру) при подготовке домашних заданий. Такой способ перевода предполагает экономию времени студентов и не требует умственного и творческого подхода к переводу того или иного текста. Конечно же, преподаватель не может с этим смириться.

Перевод, выполненный человеком, позволяет создать наиболее удобные условия для умственной деятельности. Письменный перевод, выполняемый в аудитории (на занятии) либо на экзамене, ограничен во времени; соответственно страдает от перегрузок память. Но при выполнении письменного перевода у студента всегда есть возможность использовать словари, а также любые пособия, значительно облегчающие работу. При письменном переводе студенту необходимо неоднократно подвергать коррекции свою письменную речь. Эти факторы, безусловно, могут привести к тому, что именно письменный перевод будет восприниматься студентом как наиболее легкий и удобный.

Однако это совсем не так. Существуют сложности, причем немалые, которые затрудняют выполнение качественного письменного перевода, а это часто влияет на оценку студента на экзамене. Во-первых, письменный перевод должен быть оформлен в письменной форме. Именно поэтому неизбежно отражаются смысловые, стилистические и грамматические ошибки студента. Во-вторых, на неопытного студента-переводчика могут оказывать значительное влияние лексико-семантические компоненты исходного текста. В результате он будет стараться сделать перевод как можно более точным, но буквальный перевод далеко не всегда является качественным. При выполнении

письменного перевода необходимо создать условия для оформления правильной речи с точки зрения стилистики и языковых норм языка перевода.

На экзамене наши студенты переводят, как правило, научно-технические тексты по конкретной специальности. Для того, чтобы качественно выполнить перевод такого текста, необходимы специальные знания в той отрасли науки, к которой относится исходный текст. И все же многие специалисты утверждают, что письменный перевод производить гораздо легче, так как в процессе обучения письменному переводу задействованы фиксированные тексты, к которым переводчик может неоднократно обращаться. Это дает ему возможность повторно воспринимать отрезки переводимого текста, сопоставлять их с соответствующими отрезками перевода, вносить в текст перевода любые необходимые изменения до завершения процесса перевода.

Итак, классическим примером письменного перевода является такой перевод, когда переводчик воспринимает оригинал зрительно в виде письменного текста и создает текст перевода также в виде письменного текста, что, со стороны преподавателя, предполагает снятие грамматических, стилистических, семантических трудностей, а со стороны студента правильного оформления письменной речи.

Список литературы

Судовцев, В.А. Научно-техническая информация и перевод [Текст] / В.А. Судовцев. – М., 1989.

Пиввуева, Ю.В. Пособие по теории перевода (на английском материале) [Текст] / Ю.В. Пиввуева, Е.В. Двойнина. – М.: Филоматис, 2004. – 304 с.

Алексеева, И.С. Введение в переводоведение [Текст]: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 352 с.

Е.А. Постовалова

Проблема обучения межкультурной коммуникации и профессионально-ориентированный подход в изучении иностранного языка в неязыковом вузе

Сегодня общество глубоко осознает, что, владея иностранными языками, культурой страны конкретного языка, возможно интегрироваться в общество с рыночной экономикой, быть конкурентоспособным на рынке труда и более осознанно воспринимать мировые проблемы. В настоящее время профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку в неязыковых вузах связан с формированием у студентов способности иноязычного общения в профессиональных, деловых, научных сферах на основе профессионального мышления.

Иностранный язык делового общения в экономическом вузе является компонентом иностранного языка профессионального общения. Таким образом, преподавание иностранного языка делового общения развивается параллельно с преподаванием иностранного языка профессионального общения и межкультурной коммуникацией.

Под иностранным языком делового общения понимается формирование не только речевых навыков и умений, но и деловых качеств, а также специальных умений официально-делового общения (проведение переговоров, презентаций, составление деловой корреспонденции, перевод контрактов и т.д.).

Под иностранным языком профессионального общения понимается обучение особенностям будущей специальности с учетом средств иностранного языка. Более того, иностранный язык способствует повышению профессиональной компетенции студентов.

Первоначально обучение иностранному языку в неязыковом вузе было ориентировано только на чтение, понимание и перевод текстов по специальности, изучение научного стиля по профилю вуза.

В настоящее время постоянно растет потребность в развитии языковой составляющей вузовского образования, формируемой в контексте глобализации на основе устной и письменной коммуникации, а также лингвокультурных аспектов.

Еще одним индикатором способности студента эффективно участвовать в профессионально-деловом общении является межкультурная компе-

тенция. В данном случае речь идет о приобщении будущих специалистов к мировой культуре, о приближении их образовательного уровня к европейскому стандарту, о владении ими несколькими иностранными языками.

«Основной лингвострановедческой задачей в освоении иностранного языка делового и профессионального общения является изучение языковых единиц, отражающих национальные особенности культуры носителя языка: развитие профессиональных иноязычных компетенций межкультурного общения, умение устанавливать и поддерживать коммуникативный контакт с деловыми партнерами иной культуры. Таким образом, культурологический и страноведческий аспекты, ориентация на современную действительность, тематичность явлений – это одни из важнейших критериев отбора национально-культурного компонента содержания обучения иностранному языку делового и профессионального общения. Увеличение мотивации студентов происходит посредством привлечения материалов о культуре. Социокультурные знания способствуют адаптации студентов к иноязычной среде. Сегодня в связи с расширением профессиональных контактов специалистов разных стран исследование социокультурного контекста обучения иностранным языкам – одно из условий успешной профессиональной деятельности». [Общеввропейские компетенции владения иностранным языком : 19].

Основоположник межкультурной коммуникации Э. Холл понимал учебный процесс как процесс анализа конкретных примеров межкультурного общения, в результате которого расширяется межкультурная компетенция обучающихся и преодолеваются трудности в повседневном общении с людьми другой культуры. Это значит, что, «используя свой лингвокультурный опыт и свои национально-культурные традиции и привычки, субъект межкультурной коммуникации одновременно пытается учесть не только иной языковой код, но и иные обычаи и привычки, иные нормы социального поведения, при этом он осознает факт их чужеродности. Именно это обстоятельство дает основание считать, что межкультурная компетенция охватывает в основном онтологический аспект становления личности, в то время как коммуникативная – ее языковые и речевые способности» [Скалкин : 4].

Н.Д. Гальскова предлагает переосмыслить цели и сущность обучения. Требования межкультурного общения ставят перед необходимостью научить студентов (на разном уровне владения):

а) употреблять иностранный язык (во всех его проявлениях) в аутентичных ситуациях межкультурного общения (процесс формирования навыков и умений);

б) объяснить и усвоить (на определенном уровне) чужой образ жизни/поведения (процессы познания);

в) расширить индивидуальную картину мира за счет приобщения к языковой картине мира носителей изучаемого языка (процессы развития). Как известно, навыки и умения, познание и развитие являются звеньями одной цепи формирования личности. Таким образом, обучение иностранным языкам в контексте межкультурной парадигмы имеет большой личностно-развивающий потенциал.

Задача преподавателя в данной ситуации быть своего рода ретранслятором и интерпретатором культуры другого народа в ее диалоге с родной культурой. В связи с вышесказанным должна измениться подготовка преподавателя иностранных языков, которому, по мнению Н.Д. Гальсковой, необходимо овладеть методикой:

а) организации межкультурного обмена как составной части учебно-воспитательного процесса;

б) проведения межкультурных проектов различного уровня и характера;

в) использования в этих целях всех возможностей, которые предоставляют для межкультурного взаимодействия учебная группа, регион, страна;

г) выявление у каждого учащегося мотивации к изучению лингвокультуры и поиска выхода на реальное общение.

Иными словами, возникает вторичная цель при изучении иностранного языка – научить узнавать, понимать, оценивать коммуникантов, постигать другие народы посредством языка. Так мы начинаем лучше познавать и себя. К примеру, во всех культурах присутствует стремление к установлению хороших отношений между ее носителями. И особенно важно то, что хорошие отношения – это несомненно культурная ценность. Но разные культуры по-разному понимают и эту цель, и пути к ней. В английской культуре поощряется и ценится эмпатия, уважение к другому, сдержанность и такт. Это следует из богатства способов выражения взаимной учтивости (извинений, сожалений, заранее-благодарностей и т.д.). У американцев чрезвычайно развито дружелюбие ко всем, хотя оно и необязательно может быть направлено на конкретного человека. Для русской культуры характерна теплота и сердечность, адресо-

ванные конкретному лицу (сравните употребление русских ласкательных имен). Таким образом, проблема межличностных отношений непременно находит отражение в языке. А любой язык, в свою очередь, несет отпечаток культуры и менталитета, и это отражается в «этнографии речевого этикета». На наш взгляд, изучение речевого этикета в рамках теории лингвистической вежливости и языкового планирования должно стать составной частью университетской программы по обучению межкультурной коммуникации.

«Наиболее адекватными программами по иностранному языку профессионального общения сегодня являются следующие виды общения – деловое воздействие, эмоциональное, индивидуальное, групповое деловое, дискуссионное, социально-ориентированное, групповое предметно-ориентированное и личностно-ориентированное, педагогическое общение, информативное, профессиональное. Профессиональное общение ориентировано на развитие и совершенствование профессиональных коммуникативных навыков, раскрытие интеллектуальных и творческих личностных качеств студентов в процессе обсуждения профессионально необходимой для них информации. Основная цель коммуникации - воздействие на собеседника - достигается за счет детального планирования речи.

Основными целями обучения иностранному языку делового и профессионального общения в неязыковом вузе являются: дальнейшее развитие языковых навыков, закрепление необходимого объема экономической терминологии, умение вести дискуссию на иностранном языке, способности решать поставленные проблемы в ходе деловой игры; обучение студентов умению видеть в текстах переводческие трудности, проводить переводческий анализ, а также свободный поиск переводчика. Соответственно итоговыми целями обучения должны стать: формирование коммуникативной компетенции, умения решать в процессе вербального общения задачи экстралингвистического плана» [Гальскова : 135].

«В качестве итоговых требований к обучению письменной речи студентов неязыковых вузов принято говорить о развитии умений правильно с лексико-грамматической, стилистической и синтаксической точек зрения выражать свои мысли. Главными в создании практически всех форм письменных сообщений считаются следующие умения – передача основного содержания прочитанного или прослушанного; передача основной мысли текста; описание, сравнение, составление прочитанного (текста) или прослушанного

(сообщения); обзор; комбинирование фактов; реферирование, изложение, сочинение, аннотирование; характеристика, оценка, собственное отношение к происходящему. Обучение письменной речи на неязыковых факультетах – один из наиболее значимых способов реализации основной цели обучения» [Малюга : 18].

Студенты должны владеть грамматической нормой иностранного языка, необходимой для написания деловых писем, а также перевода контрактов на иностранном языке, знать деловой письменный этикет, уметь оформить деловое письмо в соответствии с международными нормами деловой переписки за счет расширения словарного запаса по тематике переписки.

При общепринятой практике сокращения часов, отведенных на аудиторную работу, целесообразно интенсифицировать обучение, выделяя большое количество часов на внеаудиторные занятия и стимулируя самостоятельную работу студентов. Самостоятельная внеаудиторная работа – это результат правильно организованной учебной деятельности, что способствует ее углублению и продолжению в свободное время.

Для студентов неязыковых вузов целесообразно использовать следующие виды самостоятельной внеаудиторной работы: внеаудиторное чтение по заданию преподавателя (чтение специальных профессионально ориентированных текстов, содержащих дополнительную информацию); внеаудиторное чтение текстов с учетом профессиональной направленности; работа с аудиовизуальными средствами и мультимедийными технологиями, направленными на развитие навыков устной и письменной речи по иностранному языку делового и профессионального общения.

Всевозможные проблемы в деятельности специалистов разных сфер способствуют моделированию реальной ситуации профессионального общения на занятиях по иностранному языку. Внедрение в вузах современных методов и технологий обучения способствует расширению профессионального кругозора и повышению профессиональной компетенции специалистов.

Список литературы

Гальскова, Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам [Текст] / Н.Д. Гальскова // ИЯШ.– 2004. - №1.

Малюга, Е.Н. Коммуникативный подход в изучении иностранного языка в неязыковом вузе [Текст] / Е.Н. Малюга // Вестник РУДН: серия «Вопросы образования: языки и специальность». - 2006.- №1.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка [Текст] // Департамент современных языков. – М.: МГЛУ, 2003.

Скалкин, В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи [Текст] / В.Л. Скалкин. – М., 1981.

Т.С. Терещенко

Обучение студентов неязыковых специальностей иноязычному общению в контексте диалога культур

Отсутствие у большинства студентов возможностей реального иноязычного контакта на всех этапах обучения во многом объясняет их общую неготовность справляться с неизбежными психологическими, языковыми и социокультурными трудностями при общении. Однако развитие международной коммуникации, культурного и информационного обмена, взаимодействие народов в различных сферах социальной жизни требует поиска новых путей организации обучения студентов неязыковых специальностей.

Именно поэтому в настоящее время особое значение приобретает необходимость обучать не только языковым структурам, но и фактам языка, отражающим национальные особенности культуры народа-носителя языка и среды его существования. Этот процесс подразумевает, прежде всего, принятие изучения «духовной и материальной культуры стран изучаемого языка как части мировой культуры на основе сопоставительного изучения языков и культур» в качестве предмета иноязычного учебного общения [Современные проблемы языкового образования : 89].

Интенсивные исследования в этой области (О.С. Пустовалова, В.В. Сафонова, С. Стемплеске, В. Томалин и др.) позволили, исходя из теоретических основ межкультурного образования, приступить к разработке научно-методических моделей, объединяющих изучение иностранного языка и культуры страны изучаемого языка. В этой связи возникает проблема харак-

теристики и группировки заданий, имеющих культуроведческую направленность. Методисты называют их культуроведческими заданиями, поскольку они способствуют усвоению культуроведческих знаний, формированию и отработке культуроведческих умений, воспитанию определенных способностей и качеств личности [Современные проблемы языкового образования].

Однако, как показало изучение методической литературы, четкая научно-обоснованная типология таких заданий отсутствует. Поэтому в своей работе по обучению иноязычному общению студентов исторического факультета (специальность «Культурология») мы опираемся на виды заданий, отмеченные отечественными и зарубежными методистами. Как показало исследование, культуроведческие задания имеют общие характеристики.

Первой характеристикой выступает познавательная направленность. По мнению психологов, ядром системы познавательных процессов человека является его поисковая деятельность. Роль преподавателя сводится к функциям эксперта-консультанта, помогающего проникнуть в сущность явления и сформулировать собственные выводы.

Важной характеристикой культуроведческих заданий является проблемность (И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Р.П. Мильруд, Р.К. Миньяр-Белоручев и др.). Проблемное задание - это организованная преподавателем проблемная ситуация, которая содержит противоречие или затруднение, вовлекающее студента в мыслительный процесс. При этом учитываются его языковые возможности.

Следующей существенной характеристикой рассматриваемых заданий выступает коммуникативность (В.Г. Костомаров, Е.И. Пассов, В.П. Кузовлев). В этом направлении разработаны проблемно-коммуникативные формы обучения межкультурному общению, описаны основные типы иноязычных развивающих поисковых заданий (В.В. Сафонова). О.С. Пустовалова отмечает, что подобным заданиям должна быть присуща культурологическая непредвзятость, то есть минимально они должны быть бикультурны и максимально – поликультурны по своей сути [Современные проблемы языкового образования].

Методический анализ заданий, представленных в зарубежных пособиях (James W. Gibson and Michael S. Hann «Introduction to Human Communication»; Elaine E. Englehardt and Donald D. Schmeltekopf «Ethics & Life»; Conrad Phillip Kottak «Culture Anthropology») и используемых нами на заня-

тиях со студентами-культурологами третьего курса исторического факультета, показал, что при всем многообразии их можно свести к следующим группам [Gibson]:

- осмысление культуроведчески значимой информации (Speak about..., comment on the..., describe..., say some words about..., retell...);

- самостоятельный поиск информации, представленный в явлениях и фактах культуры (Glance through back issues of...; find an article about another culture...);

- восприятие на уровне общей идеи представленного текста (What do you think of ...? What is the main idea of...);

- понимание лексических единиц и активизация их в речи (Look for interesting uses of simple words...; make a list of these words...; write the definition that you believe the author had in mind; how is the person using the word? Does it appear to mean different things under different circumstances? Provide an example of...);

- понимание на уровне смысла: интерпретация, обсуждение информации, обращение к личному опыту, впечатлениям, собственному мнению, нахождение преимуществ и отрицательных сторон, сходств и различий (Perform a self-analysis, jot down a profile of your findings...; give a brief synopsis of the article; develop a resume for yourself; provide an illustration of your position...; what are the strong points and what are the weak points of...?);

- задания, ориентированные на активизацию полученных знаний в ситуациях, возникающих в ходе межкультурного общения, или ситуаций, вызывающих недопонимание, обсуждение и аргументацию путей выхода из конфликта (Work with a small group of classmates and find one attitude belief or value that has not evolved from your communication experience; identify examples of introverted and extraverted behavior; compare and contrast verbal and non-verbal message delivery).

Б. Томалин и С. Стемплески при обучении студентов самостоятельному поиску информации в аутентичных текстах выделяют несколько подтипов культуроведчески ориентированных заданий [Томалин]. Мы используем такие задания, работая с аутентичными текстами в пособии Conrad Phillip Kottak «Culture Anthropology» [Kottak]:

- анализ культурных образов и символов;

- исследование образа и стиля жизни представителей культурного сообщества;
- исследование сфер общения, представляющих интерес для студентов;
- исследование речевого поведения;
- исследование ценностных ориентаций и стереотипов.

Кроме указанных типов в пособиях используются задания, направленные на активизацию полученных знаний в ситуациях общения, например: «Act out the scenes; ask for or give information; talk about», основанные на решении задач, близких к реальной жизни и предполагающие умение оформлять иноязычную речь в соответствии с предполагаемым коммуникативным содержанием и культурными особенностями контекста. О.С. Пустовалова называет эти задания интерактивными, поскольку они ориентированы на активизацию полученных знаний в ситуациях общения и взаимодействия с иной культурой [Современные проблемы языкового образования]. В своей работе мы используем некоторые подтипы таких заданий:

- коммуникативно-прагматические (If you want to...; call...; ask...; find...; interview...);
- оценочные задания, основанные на сходстве и различии наполнения культуроведческих понятий (Express personal response; compare it with your own values; discuss and draw conclusions from your own experience);
- задания на выявление непонимания в ситуациях контакта культур (Highlight misunderstanding experienced by people in cross-cultural situation; examine culturally sensitive situations);
- практические (Learn the rules of the new culture; culture shock; culture norms; name and explain the kinds that commonly occur in interviews);
- задания на моделирование поведения (диалоги, ролевые игры, диспуты, дискуссии, «круглые столы» и др.).

В результате работы по развитию устной речи у студентов вырабатывается умение говорить аргументировано, выражать свое отношение к происходящему, а также формируются навыки профессиональной речи. Таким образом, обучение иностранному языку имеет коммуникативную направленность только тогда, когда усвоение нового материала находит применение в ситуациях, близких к интересам студентов, в нашем исследовании - студентов-культурологов.

Культуроведческие задания помогают студентам изучать культурное наследие стран изучаемого языка, социокультурные аспекты коммуникативного поведения и нормы поведения в условиях учебной межкультурной коммуникации. При этом преподавателям следует обращать особое внимание на отбор аутентичных текстов, которые должны быть профессионально значимы для будущих специалистов.

Список литературы

Современные проблемы языкового образования [Текст] / под ред. В.В. Сафоновой. – М., 2001.

Gibson, James W. Introduction to Human Communication / James W. Gibson, Michael S. Hanna. – Dubuque: Wm. C. Brown publishers, 1992.

Kottak, Conrad Phillip. Culture Anthropology / C. P. Kottak. – New York: Mc. Graw-Hill, Inc., 1991.

Tomalin, B. Cultural awareness / B. Tomalin, S. Stempleski. – Oxford.: OUP, 1993.

А.С. Фирсанова

Коммуникативная культура студентов технических специальностей

До недавнего времени в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе главенствовал структурный подход, целью которого являлось овладение языком как системой: грамматической и лексической. В процессе изучения иностранного языка студенты получали представление о его системе и приобретали умения использовать языковой материал для составления грамматически правильных языковых форм и структур. В результате такого обучения не достигалась практическая цель овладения иностранным языком - умение общаться, умение адекватно выражать собственные мысли и понимать мысли собеседника в реальной ситуации. Востребованность иностранного языка в настоящее время, значительное расширение возможностей его практического использования делает иностранный язык средством оптимизации профессиональной деятельности специалиста технической направленности.

Основной целью курса «Иностранный язык» в неязыковом вузе стано-

вится обучение практическому владению разговорно-бытовой речью и языком специальности для активного применения иностранного языка как в повседневном, так и в профессиональном общении.

Но нужно отметить и тот факт, что для соответствия высоким требованиям, предъявляемым в настоящее время к специалистам технической направленности, недостаточно просто владеть иностранным языком, необходимо уметь адаптироваться к быстро меняющимся условиям, быть готовым к диалогу и ассимиляции в мультикультурном пространстве, быть способным к систематическому совершенствованию своей деятельности. Рост политико-экономических связей и контактов между государствами незамедлительно сказался на всех сферах общества и, в первую очередь, на культуре и образовании. Одной из отличительных черт современного общества является повышенное внимание к иностранному языку на всех уровнях мировой образовательной системы. Современный специалист должен активно владеть хотя бы одним иностранным языком как вторым (после родного) средством общения. Помимо того, что иностранный язык – обязательный элемент профессиональной подготовки специалиста, он является фактором общекультурного развития личности.

Культура включает в себя все то, что общество думает и делает. Это означает, что в языке находит свое отражение как менталитет, так и поведение говорящего на нем социума. Передается и развивается культура через общение, посредством которого осуществляется формирование общества и обеспечение взаимопонимания между его членами. Коммуникативная культура – это умение общаться, в том числе и в деловых ситуациях. Они включают систему кодифицированных образцов и норм поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей, несущих регулятивную и контрольную функцию в социуме. Одним из основных инструментов общения является язык. Социальный по своей сути, он составляет часть человеческого поведения, которое включает в себя как вербальную, так и невербальную формы. Язык в определенной мере подчиняется тем же законам, что и человеческое поведение в целом. Известно, что большая часть человеческого поведения социально регламентирована, обусловлена этическими нормами, традициями, ценностями общества, т.е. основана на конвенциях, которые могут не совпадать в разных культурах. Эти социальные конвенции неизбежно находят свое отражение в языке.

Каждый человек невольно проецирует свои речевые стереотипы и речевое поведение на тех, с кем ему приходится общаться, независимо от их культурного, социального, этнического, религиозного или какого-либо иного отличия. Часто это происходит из-за того, что общечеловеческие нормы и ценности как бы преувеличиваются, а национальные, социальные и неповторимые - преуменьшаются. Особо ярко это проявляется в языковом общении, при котором лингвокультурный барьер может являться не только помехой в процессе коммуникации, но и приводить к так называемым «коммуникативным неудачам».

Выявление и уточнение последних (коммуникативных неудач) становится возможным в результате исследований, предметом которых становятся лингвистические, социолингвистические, культурологические особенности речекоммуникативного поведения иноязычных деловых партнеров, моделирование ими речекоммуникативного сотрудничества в профессионально значимых ситуациях, что обуславливает формирование у обучаемых наряду с языковой и коммуникативной компетенции.

Обусловленное социальным заказом общества иноязычное деловое общение является одной из самых значимых составляющих содержания обучения специалистов. Вузовский курс иностранного языка призван носить коммуникативный характер, поэтому его задачи определяются коммуникативными и познавательными потребностями специалистов соответствующего профиля.

Главной задачей курса иностранного языка в неязыковом высшем учебном заведении была и остается «обучать студентов практическому владению языком». Однако в новых экономических условиях значительно изменилась суть понятия «практическое владение». Сюда входит не только язык конкретной специальности, но и деловой язык, а главное – умение дифференцированно применять язык в варьирующихся ситуациях делового общения, знание культурологического аспекта, т.е. формирование языковой личности будущего специалиста.

Успешное межкультурное профессиональное взаимодействие членов деловых социумов означает адекватное коммуникативное поведение в процессе взаимопознания, взаимопонимания, установления взаимоотношений профессионального сотрудничества и, следовательно, предполагает наряду с достаточно высоким уровнем владения иностранным языком умение адек-

ватно интерпретировать и принимать социокультурное многообразие партнеров по коммуникации при решении практических задач.

К сожалению, можно констатировать, что изменение целевых установок еще не нашло должного отражения в практике преподавания иностранного языка в неязыковом вузе. Несмотря на то, что в методической литературе неоднократно подчеркивался недостаточно высокий уровень подготовки по иностранному языку специалистов, закончивших неязыковые вузы, что затрудняет эффективность процессов межкультурной коммуникации, на сегодняшний день не существует исследований, в которых были бы изложены основные теоретические принципы и концептуальные подходы, отражающие современные цели обучения иностранному языку в техническом вузе.

Совет Европы, членом которого является Россия, выдвигает требование знания четырех иностранных языков всеми гражданами стран-участниц Совета. В некоторых европейских странах уже распространен «Европейский языковой портфель» - лингвистический паспорт, имеющийся у каждого гражданина, свидетельствующий об уровне его знания иностранных языков и предъявляемый при поступлении на работу. Совет Европы считает, что такой документ должен быть с 2001 года у каждого европейского гражданина [Общеввропейские компетенции].

Список литературы

Деловая культура российского общества. «Круглый стол» [Текст] // Общественные науки и современность. - 1994.- № 3. – С. 167-176.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка (русская версия) [Текст]. – М.: МГЛУ, 2003.

Смирнова, О.О. Развитие иноязычных коммуникативных умений на факультете журналистики [Текст] / О.О. Смирнова // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. – М.: МГУ, 1995. - С.477-479.

Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи [Текст] / И.И. Халеева. – М.: Высшая школа, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Структурно-функциональное и лингво-культурологическое описание языковых единиц

Белозёрова Ф.М. Характеристика тематической группы фразеологически активной лексики (на материале английского и русского языков)	3
Бочегова Н. Н. Гастрономический код как средство объективизации этнокультурной специфики	8
Иванова Е.Е. Нелитературные наименования национальностей как выражение речевой агрессии	20
Кабыш В.И. Влияние категории времени глаголов брать/взять на грамматические свойства процессуальных фразеологизмов с компонентами брать/взять.....	30
Коршкова Е.А., Кураженкова М.С. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния с компонентами GOD, DEVIL, HEAVEN, HELL как средство вербализации языковой личности Курта Воннегута	33
Кувалина С.С., Мальцева А.В. Концепт «Любовь» в поэтической речи К.М. Симонова.....	40
Левченко Г.П. Политкорректность в межкультурной коммуникации	48
Омельченко С.В. Выражение условно-следственных отношений в сложносочинённом предложении (сравнительный аспект).	52
Пережогина А.А., Федотова Н.С. Лексико-грамматические средства выражения эмотивности (на материале французского и русского языков)....	58
Ротанова Н.М. Речевые средства манипуляции в агитационных текстах (на материале предвыборной кампании в Курганской области	65
Савельева М.В. Роль отрицания в формировании семантики высказываний, содержащих императивные процессуальные единицы	78

Усачева Н.Б. Фразеологические связки, выражающие эмоционально-положительную оценку 83

Шведова Н.В. Механизм формирования семантической структуры предметных фразеологизмов с компонентом «бог» и предметных фразеологизмов с компонентом «черт». 90

Текст. Язык. Литература

Барбашова Е.Н. Поэтика пейзажного бытописания в сибирском рассказе о старообрядцах (опыт поэтико-стилистического анализа рассказа А.Е. Новоселова «Жабья жизнь»)..... 96

Бекетова Р.П., Маликова В.Д. Текст школьного учебника: экстралингвистические и паралингвистические аспекты 103

Григорьева А.Б. Языковая личность свахи в свадьбе среднего Притоболья 107

Гришкова Л.В. Концепты христианской культуры в художественной литературе 111

Орлова С.А. Ряженые как часть идиостиля Ф.М. Достоевского (роман «Бесы») 120

Поманисочка М.А. Формирование академического дискурса. От анализа к синтезу 128

Портнягин Д.В. Модификация образа призрака в пьесах Шекспира 135

Резникова С.С. Особенности понятий «текст» и «дискурс»..... 142

Степаненко О.А. Литературный текст как литературный дискурс (теоретический аспект). 148

Сысуева Р.П. Ревизская сказка 1858 года села Усть-Суерского Усть-Суерской волости Курганского уезда как лингвистический источник 153

Ульянин В.Ф. Повторы в художественном тексте..... 159

Черницына С.А. Литературный портрет в романе Ольги Форш «Одеты камнем».....	170
Щурова И.В. Языковые и жанровые особенности книги М.Веллера «Перпендикуляр».....	175
<i>Методика преподавания иностранных языков и аспекты межкультурной коммуникации</i>	
Горбушина О.В. Использование газетного текста при изучении языка и культуры англоговорящих стран.....	183
Захарова И.Э. Место рефлексии в современной деятельности преподавателя и студента в контексте обучения иностранному языку	186
Кожокина Е.А. Лингвострановедческий подход как одна из стратегий отбора языкового материала при обучении студентов неязыковых специальностей.....	189
Львова Е.В. Как начать переводить научно-технический текст?.....	192
Маханова Т.Л. О некоторых особенностях письменного перевода.....	197
Постовалова Е.А. Проблема обучения межкультурной коммуникации и профессионально-ориентированный подход в изучении иностранного языка в неязыковом вузе.....	200
Терещенко Т.С. Обучение студентов неязыковых специальностей иноязычному общению в контексте диалога культур.....	205
Фирсанова А.С. Коммуникативная культура студентов технических специальностей.....	209
Содержание	213
Сведения об авторах	216

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барбашова Е.Н. – старший преподаватель кафедры литературы Красноярского государственного педагогического университета.

Белозерова Ф.М. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета.

Бекетова Р.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Курганского государственного университета.

Бочегова Н.Н. - доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Курганского государственного университета.

Горбушина О.В. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков естественнонаучных и технических специальностей Курганского государственного университета.

Григорьева А.Б. - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных специальностей Курганского государственного университета.

Гришкова Л.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета.

Захарова И.Э. – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных специальностей Курганского государственного университета.

Иванова Е.Е. - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой общего языкознания Курганского государственного университета.

Кабыш В.И. - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета.

Кожокина Е.А. - старший преподаватель кафедры иностранных языков естественнонаучных и технических специальностей Курганского государственного университета.

Коршкова Е.А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета.

Кувалина С.С. - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Кураженкова М.С. – студентка филологического факультета Курганского государственного университета.

Левченко Г.П. - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкой филологии Курганского государственного университета.

Львова Е.В. - старший преподаватель кафедры иностранных языков естественнонаучных и технических специальностей Курганского государственного университета.

Маликова В.Д. - студентка филологического факультета Курганского государственного университета.

Мальцева А.В. - студентка филологического факультета Курганского государственного университета.

Маханова Т.Л. - старший преподаватель кафедры иностранных языков естественнонаучных и технических специальностей Курганского государственного университета

Омельченко С.В. – старший преподаватель кафедры немецкой филологии Курганского государственного университета

Орлова С.А. – преподаватель кафедры иностранных языков Курганского пограничного института ФСБ РФ.

Пережогина А.А. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры французской филологии Курганского государственного университета.

Поманисочка М.А. – старший преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета.

Портнягин Д.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета.

Постовалова Е.А. - старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных специальностей Курганского государственного университета.

Резникова С.С. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Ротанова Н.М. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Савельева М.В. – старший преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета.

Степаненко О.А. - кандидат филологических наук, докторант кафедры немецкой филологии РГПУ им. А.И. Герцена.

Сысуева Р.П. - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Терещенко Т.С. - старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных специальностей Курганского государственного университета.

Ульянин В.Ф. - кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Курганского государственного университета.

Усачева Н.Б. - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Курганского государственного университета.

Федотова Н.С. - студентка филологического факультета Курганского государственного университета.

Фирсанова А.С. - старший преподаватель кафедры иностранных языков естественнонаучных и технических специальностей Курганского государственного университета.

Черницына С.А. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Шведова Н.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета.

Щурова И.В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета.

Научное издание

**Лингвистика и
межкультурная коммуникация**

**Сборник материалов
региональной научно-практической конференции**

Редактор Н.М. Устюгова

Подписано к печати	Формат 60*84 1/ 16	Бумага тип № 1
Печать трафаретная	Усл. печ. л.	Уч.- изд. л.
Заказ	Тираж	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.